

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/98

ISSN 0131 – 2812

Режимы нераспространения
и экспортного контроля в АРТ

•
Финансовый кризис в Азии

•
Политика КНР
на Корейском полуострове

•
Структурные реформы в Японии

•
Понятие философии
у древних китайцев

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

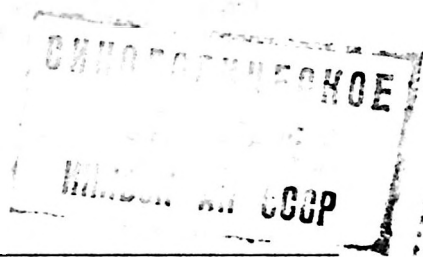
2/98

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- В.Петровский.* Режимы нераспространения и экспортного контроля в АТР. Проблемы и перспективы..... 3
- В.Портяков.* Проблемы обеспечения социально-политической стабильности в КНР..... 17
- Пак Ду Бок.* Политика КНР на Корейском полуострове и отношения между Китаем и Республикой Корея..... 29
- А.Сенаторов.* Япония: курс на структурные реформы..... 37
- И.Скорбатюк.** О воззрениях корейцев на объединение..... 50
- Е.Верлин.* Сянган и развитие "Большого Китая"..... 56

ЭКОНОМИКА

- В.Михеев.* Финансовый кризис в Азии и его экономические и политические последствия..... 64
- М.Потапов.* Внешнеэкономическая стратегия Китая: значение китайского опыта для России..... 74
- А.Круглов.* Развитие сельских предприятий - стратегический выбор Китая..... 83
- О.Борох.* Интерпретация древнекитайской традиции с позиций современной экономической теории (окончание)..... 90
- А.Резуцкий.* Зерновая проблема в КНР..... 99
- В.Чуванкова.* Индивидуальная и частная форма хозяйствования в Китае..... 109

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

В.Розенблит. Документы по истории Уссурийского казачьего
войска..... 121

ФИЛОСОФИЯ

А.Лукьянов. Понятие философии у древних китайцев..... 126

КУЛЬТУРА

Н.Федоренко. Грани призвания (о творчестве Михаила
Басманова)..... 141

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 100-летию со дня рождения Чжоу Эньлая..... 145

Синологической библиотеке 40 лет..... 146

РЕЦЕНЗИИ

В.Федоров, В.М.Мазуров. От авторитаризма к демократии (пра-
ктика Южной Кореи и Филиппин)..... 148

Г.Югай, Н.Б.Нарбаев. Россия и Евразия: проблемы государст-
венности. Вторая половина 19 - начало 20 века..... 153

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), *Р.М. Аспанов, В.Н. Барышников*
(заместитель главного редактора), *О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин,*
Л.М. Гудошников, П.М. Иванов, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов
В.В. Малявин, П.А. Минакир, В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов
Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин,
Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь),
В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Политика

Режимы нераспространения и экспортного контроля в АТР

Проблемы и перспективы

© 1998

В. Петровский

Вопросы ядерной безопасности и ядерного нераспространения в АТР имеют и отчетливо выраженную региональную специфику. Об этом свидетельствуют уроки мартовского кризиса 1993 г., связанного с угрозами КНДР выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия, когда впервые в новейшей истории был брошен открытый вызов режиму ядерного нераспространения. По значимости для судеб мира его сравнивают с кубинским ракетным кризисом начала 60-х гг.

Американо-северокорейское Рамочное соглашение 1994 г. сняло остроту кризиса и в целом исключило возможность для КНДР использования лазеек в ДНЯО. Однако скептики отмечают, что Рамочное соглашение не является юридически обязывающим документом, и его выполнение зависит от доброй воли сторон. К тому же, особые инспекции мест захоронения отходов откладываются на 4-6 лет, оставляя серьезные сомнения в эффективности этого нового инструмента МАГАТЭ.

Важным шагом на пути урегулирования мартовского кризиса 1993 г. и укрепления регионального режима ядерного нераспространения стало создание предусмотренной Рамочным соглашением Организации развития энергетики Корейского полуострова (KEDO).

Учредители консорциума - США, Республика Корея и Япония - пришли к выводу о том, что Республика Корея должна играть центральную роль в финансировании и строительстве в КНДР двух легководных реакторов. На состоявшихся в марте 1995 г. переговорах в Берлине США предложили северокорейской стороне поставки реакторов из Южной Кореи. В ответ КНДР выдвинула предложение об использовании российских реакторов ВВР1000, которые Россия поставила бы в счет своего долга РК.

Официальные южнокорейские представители неоднократно делали заявления о том, что Россия может играть конструктивную роль в урегулиро-

вании северокорейской ядерной проблемы, если присоединится к КЕДО. Однако при этом добавлялось, что реакторы должны быть южнокорейскими, а топливо для них могла бы поставлять Россия.

Как отмечалось в российской печати, российские реакторы ВВР1000 по своим качественным характеристикам превосходят американские и японские, о чем хорошо известно на рынке ядерных технологий. Многие специалисты - ядерщики КНДР получили образование в России. Если бы учредители КЕДО были бы действительно заинтересованы в цивилизованном разрешении северокорейской ядерной проблемы, то предметом обсуждения можно было бы сделать, например, поставку российских реакторов за счет японского взноса (1 млрд. долл.)¹

Практика показывает, что реализация проекта КЕДО сталкивается со значительными финансовыми трудностями. Так, критики проекта на Капитолийском холме полагают, что он настолько дискредитирован среди азиатских союзников США, что КЕДО не может самостоятельно обеспечить свое финансирование.² Американская администрация предприняла усилия по привлечению дополнительных источников финансирования КЕДО.

На третьем заседании АРФ в Джакарте в июле 1996 г. госсекретарь США У. Кристофер акцентировал внимание участников форума на корейской проблеме, призвав АСЕАН оказать финансовую поддержку реализации американо-северокорейских ядерных договоренностей 1994 г. Выполнение Проекта КЕДО объемом 4, 5 млрд. долл. оказалось под угрозой после того, как Конгресс США установил финансирование КЕДО на 1997 г. в объеме 13 вместо 25 млн. долл., которых добивалась администрация. Пхеньян в ответ пригрозил пересмотреть обязательство о замораживании своей ядерной программы.³

Несмотря на декларативные заявления о том, что все заинтересованные державы, включая Россию и Китай, могут войти в КЕДО,⁴ на практике предпринимались попытки достижения односторонних экономических преимуществ (устранения России с этого рынка). Очевидно, что без равноправного участия России решение северокорейской ядерной проблемы, да и укрепление регионального режима ядерного нераспространения в целом попросту невозможно.

Нельзя не отметить и то, что способ разрешения "мартовского кризиса", при всей его технической рациональности, создал прецедент, подрывающий универсальный характер режима нераспространения. Исход кризиса поставил перед аналитиками и общественностью ряд серьезных проблем, связанных с режимом ядерного нераспространения в Азии в контексте региональной безопасности, а также ролью и значением самого Договора о нераспространении.

Одно из непосредственных последствий ядерного кризиса - усиление региональной тенденции в обеспечении режима ядерного нераспространения. Она носит противоречивый характер: с одной стороны, универсальный характер Договора требует единых глобальных стандартов верификации и контроля. С другой, статья VII Договора предусматривает право любой группы государств-участников заключать региональные соглашения с целью запрещения или ликвидации ядерного оружия.

По мнению международных экспертов, Северо-Восточная Азия - единственный в мире субрегион, в котором технологический потенциал разработки и производства ядерного оружия сочетается с исторически укорененным недоверием стран друг к другу и высоким конфликтным потенциалом. В этих условиях ядерный технологический потенциал становится фактором воспри-

ятия угроз, независимо от того обстоятельства, что все региональные державы являются участницами ДНЯО:

Во-первых, ядерное оружие является сравнительно недорогим для малых и средних держав «стратегическим уравнилителем», политический и военный эффект обладания которым несоизмерим с затратами на его разработку и производство.

Во-вторых, все страны - участницы Договора могут на вполне законных основаниях накапливать обогащенный плутоний и высокообогащенный уран, поскольку соблюдают требования МАГАТЭ об инспекциях.

В-третьих, при обогащении большого количества отработанного ядерного топлива очень трудно уследить за тем, чтобы не утаивалось определенное количество урана, необходимое для производства ядерного оружия.

Пример Японии показывает, что демонстрация соответствующего технологического потенциала может служить фактором ядерного сдерживания. В июне 1994 г. премьер-министр Японии Т. Хата, отвечая на вопросы депутатов японского парламента, заявил о том, что Япония обладает потенциалом производства ядерного оружия.

По мнению российских экспертов, при наличии у Токио политического решения, с учетом высокотехнологичного уровня японской промышленности, Япония без особых затрат в течение короткого времени сумела бы наладить производство ядерных боеголовок для уже выпускаемых здесь мощных многоступенчатых баллистических ракет, причем накопленного ядерного топлива было бы вполне достаточно для производства сотен боеголовок.⁵

Китай подписал ДНЯО в конце декабря 1991 г., однако, по мнению американских экспертов, в предшествующий период оказывал помощь Пакистану в разработке ядерных взрывчатых веществ. Предметом озабоченности американских властей остается возможное продолжение китайской помощи Пакистану в области разработки ядерного оружия и выполнение Пекином своих обязательств по ДНЯО.⁶

По утверждению официальных китайских источников, КНР полностью поддерживает три основных принципа ДНЯО - предотвращение ядерного распространения, ускорение ядерного разоружения и развитие международного сотрудничества в области мирного использования ядерной энергии, а также три принципа ядерного экспортного контроля: использование ядерного экспорта исключительно в мирных целях, принятие в полном объеме гарантий МАГАТЭ и отказ от реэкспорта в третьи страны без согласия Китая. В июле 1993 г. КНР объявила о своем добровольном решении информировать МАГАТЭ обо всех своих экспортно-импортных сделках, касающихся ядерных материалов и оборудования.⁷

В случае непосредственной угрозы своей безопасности Республика Корея, Япония и Тайвань* вполне могут в короткие сроки активизировать свои ядерные программы, если не последует каких-либо чрезвычайных мер со стороны стран-депозитариев Договора о нераспространении, прежде всего США, непосредственно вовлеченных в обеспечение безопасности своих союзников в регионе.

Угрозы ядерного распространения в Северо-Восточной Азии и АТР побуждают некоторых американских политиков и стратегов к разработке альтернативных концепций сдерживания ядерной угрозы. В американском воен-

* Тайвань подписал ДНЯО, но зачастую не рассматривается как участник Договора, поскольку не считается государством. Тайваньские ядерные объекты находятся под контролем МАГАТЭ, хотя Тайвань не является его членом.

но-политическом истеблишменте все более укореняется концепция нео-нераспространения, приверженцы которой отстаивают такие постулаты, как неподконтрольное развитие ядерного оружия; дезинтеграция сдерживающих структур безопасности эпохи «холодной войны»; неэффективность режима ядерного нераспространения; невозможность остановить новых претендентов на обладание ядерным оружием.

В официальных кругах США четко обозначились два соперничающих центра, связанных с проблемой ядерного нераспространения. Первый из них представлен госдепартаментом США и Агентством по контролю над вооружениями и разоружением (АКВР) и ориентируется на традиционные превентивные меры борьбы с нераспространением в рамках ДНЯО и положений МАГАТЭ. Второй, ориентированный на нео-нераспространение, представлен министерством обороны, консервативными элементами республиканской партии и конгресса, а также поддерживающими их академическими кругами.

Если до прихода в Белый дом администрации Б. Клинтона госдепартамент и АКВР доминировали в выработке американской политики по обеспечению ядерного нераспространения, а министерство обороны играло в основном вспомогательную роль, то сейчас, по мнению Л. Спектора, можно говорить о тенденциях, которые все больше бросают вызов преимущественно превентивным мерам как основе политики США.⁸

Невзирая на декларативную приверженность превентивным мерам, интеллектуальные и бюджетные ресурсы Пентагона, рассчитанные на сценарии борьбы с ядерным распространением, все более сосредотачиваются на концепции контр-распространения. Ее сторонники исходят из того, что расширяющийся доступ к ядерным технологиям затрудняет противодействие распространению и, следовательно, военное планирование должно предусматривать, наряду с потенциальными ядерными противниками, появление новых противников, овладевших ядерным оружием.

По разъяснениям американского Совета национальной безопасности (СНБ), под контр-распространением следует понимать в целом участие Министерства обороны в противодействии распространению, включая дипломатические, межведомственные и чисто военные меры.⁹

Само Министерство обороны определяет контр-распространение как целостную стратегию противодействия приобретению государствами оружия массового уничтожения и средств его доставки путем политического убеждения, внедрения режимов нераспространения и экспортного контроля, а также, в случае неудачного использования политических методов, ядерного сдерживания, превентивного уничтожения средств массового уничтожения или минимизации последствий его применения.¹⁰

Сторонники контр-распространения настаивают на том, что в ближайшее десятилетие у Соединенных Штатов появится несколько новых потенциальных ядерных противников, и подчеркивают необходимость укрепления союзнических связей с региональными партнерами США, а также настаивают на приоритетной разработке сценариев региональных ядерных конфликтов.

По их мнению, создание конвенционального потенциала контр-распространения должно предусматривать единую систему управления и контроля и разработку самостоятельной концепции военных операций, а также финансирование отдельной строкой в рамках военного бюджета (вплоть до сокращения при необходимости других статей). Потенциал контр-распространения должен включать в себя сбор и обработку разведывательных данных, а также высокоточное конвенциональное наступательное оружие

для поражения мобильных ракет и укрытых ракетных шахт противника в сочетании с надежными системами противоракетной обороны.¹¹

В своем крайнем, наиболее жестком варианте концепция контр-распространения предусматривает использование ядерного оружия. Так, в недавно рассекреченных документах стратегического командования США (STRATCOM) говорится о планах нанесения превентивных точечных ядерных ударов (т.н. «серебряных пуль») по местам сосредоточения ядерного, химического и биологического оружия, а также пунктов контроля, управления и связи в Иране, Ираке, Ливии и Северной Корее.¹²

Очевидно, что концепция контр-распространения подрывает основы сложившегося режима ядерного нераспространения с его универсальностью, многосторонностью и опорой на методы превентивной дипломатии. Теоретическое осмысление проблем, связанных с региональными аспектами режима ядерного нераспространения, и их решение на путях активной международной политики - неотложная задача дня. В противном случае не только в Азии, но и в других регионах может возобладать стремление к обеспечению национальной и региональной безопасности помимо и в обход режима ядерного нераспространения.

Объективные и субъективные возможности участия России в решении данных проблем остаются весьма значительными, как по-прежнему значителен потенциал влияния Москвы на динамику и перспективу развития отношений ядерной безопасности в Северо-Восточной Азии и АТР.

Крупным достижением в области укрепления режима ядерного нераспространения явился пересмотр и подтверждение ядерными государствами гарантий безопасности неядерным государствам в контексте ДНЯО, увенчавший длительный и многосторонний переговорный процесс. В принятой единогласно 11 апреля 1995 г. резолюции № 984 Совета безопасности ООН изложены т.н. позитивные ядерные гарантии, содержащие обязательства государств - постоянных членов СБ ООН немедленно привлекать внимание Совета к фактам ядерного нападения или ядерной угрозы в отношении любого неядерного государства - участника ДНЯО с целью оказания жертве необходимой помощи в соответствии с Уставом ООН.

Т. н. негативные ядерные гарантии содержатся в заявлениях ядерных государств - постоянных членов СБ ООН в связи с резолюцией 984, в которых эти государства обязуются не применять ядерное оружие против неядерных стран, входящих в ДНЯО. Единственное исключение предусматривает случай нападения со стороны неядерного государства в объединении или союзе с ядерным государством. При этом предполагается, что обе категории гарантий безопасности распространяются на государства, которые не просто входят в ДНЯО, но и неукоснительно выполняют обязательства по Договору.¹³

В ряду мер по ядерному разоружению и укреплению режима ядерного нераспространения выделяется подготовка в рамках Конференции ООН по разоружению и заключение Договора о всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия (ДВЗИЯО), который имеет особую актуальность для стран АТР. Переговорный процесс по подготовке Договора вступил в завершающую стадию, и его подписания можно ожидать уже очень скоро.

С 1945 по 1994 гг. пять официально заявленных держав произвели в атмосфере в северных и южных широтах более 600 испытаний ядерного оружия. Этими взрывами в окружающую среду было вынесено около 26 млн. Ки цезия-137 и 20 млн. Ки стронция-90.¹⁴ Помимо непомерной нагрузки на окружающую среду, испытания ядерного оружия способствуют совершенствованию ядерного оружия и увеличению его арсеналов.

По мнению экспертов, ДВЗИЯО должен отвечать трем основным критериям: предусматривать строгий учет и контроль имеющихся ядерных боеприпасов и расщепляющихся материалов и обеспечение их сохранности; регламентировать слежение с использованием технических средств за соблюдением моратория на испытания, а также иметь универсальное членство.¹⁵

В ходе переговоров о заключении ДВЗИЯО обозначилась особая позиция Индии, которая категорически отказалась присоединиться к Договору, заявив, что ядерные державы могут позволить себе отказаться от испытаний, поскольку могут совершенствовать ядерное оружие с помощью компьютерного моделирования, в то время как Индия, будучи развивающейся страной, этой возможности лишена.¹⁶ За подобной аргументацией стоит, безусловно, опасение ядерных программ Пакистана.

Вопрос о подготовке ДВЗИЯО специально обсуждался на третьем заседании АРФ в Джакарте в июле 1996 г. Переговоры У. Кристофера и Е. Примакова с министром иностранных дел Индии К. Гуджралом в рамках АРФ результатов не дали. В целом участники форума высказались за подписание ДВЗИЯО, а также за присоединение региональных держав к Договору о превращении ЮВА в безъядерную зону, подписанному в декабре 1995 г. в Бангкоке. Позицию АСЕАН поддержали Россия, США и Япония.

Россия придерживается мнения о том, что в настоящее время испытания какой-либо страной ядерного взрывного устройства в период до вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний могло бы коренным образом изменить международную ситуацию, нанести ущерб самому Договору и вынудить многие государства пересмотреть свое отношение к нему.¹⁷

В этой связи внимание азиатско-тихоокеанских стран было обращено к Китаю, который до последнего времени продолжал ядерные испытания в целях поддержания и совершенствования своего ядерного арсенала.* 29 июля 1996 г., в месяц 30-летнего юбилея создания своих стратегических ракетно-ядерных сил, Китай произвел 45-е по счету (с 1964 г.) испытание ядерного оружия на полигоне Лобнор, после чего объявил о моратории на дальнейшие ядерные взрывы, что сигнализировало о готовности КНР присоединиться к ДВЗИЯО.¹⁸

В документе о бессрочном продлении ДНЯО создание зон, свободных от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, отнесено к безусловным приоритетам дальнейшего развития режима нераспространения.

Основные функции безъядерных зон заключаются в установлении региональных барьеров на пути ядерной войны, предотвращении ядерного нападения или ядерного шантажа, а также гонки ядерных вооружений. Безъядерные зоны призваны способствовать поэтапному запрещению и уничтожению ядерного оружия и укреплению режима ядерного нераспространения. Соответственно статуты безъядерных зон включают в себя два вида ограничений:

- запрет на испытания, производство и использование ядерного оружия для стран, входящих в зону;

* За последние 20 лет ядерный арсенал КНР рос быстрыми темпами, достигнув 450 ядерных боеприпасов, 300 из которых находятся в боевом составе стратегических ядерных сил. По некоторым оценкам, реальные размеры китайского ядерного арсенала могут быть в два - три раза больше. - Andrew Mack. A Nuclear Free Zone for Northeast Asia//. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX. # 2. 1995.P. 306.

- запрет на производство, размещение, использование или угрозу использования ядерного оружия в отношении стран - участниц зоны, для стран, не входящих в безъядерную зону.

По мнению экспертов, механизм безъядерных зон более эффективно, по сравнению с ДНЯО, способствует укреплению режима ядерного нераспространения, поскольку может включать в себя дополнительные ограничения (запрет на производство расщепляющихся материалов, захоронение ядерных отходов и пр.).¹⁹

До последнего времени азиатско-тихоокеанский опыт безъядерных зон включал в себя созданную в 1986 г. Южнотихоокеанским форумом Зону, свободную от ядерного оружия (NWFZ), а также подписанную в 1991 г. Совместную декларацию о безъядерном статусе Корейского полуострова.

Если первая из них обладает тем преимуществом, что обязывает внешние державы воздерживаться от использования или угрозы использования ядерного оружия против стран, входящих в Зону, то в соответствии с Декларацией обе корейские стороны берут на себя беспрецедентное обязательство по взаимному отказу от средств переработки ядерного топлива и обогащения урана.²⁰

В конце 1995 г. страны АСЕАН подписали Договор о безъядерной зоне в ЮВА, в котором даны четкие определения ядерного оружия и средств его доставки, условий размещения и хранения, а также оговорено право стран-участниц на использование ядерной энергии в мирных целях.

Особую актуальность имеет создание зоны, свободной от ядерного оружия в Северо-Восточной Азии, где сосредоточены интересы безопасности крупнейших ядерных держав, включая США, КНР и Россию. На протяжении последних лет различные варианты концепции подобной зоны обсуждались политиками, учеными и экспертами стран субрегиона.

Наиболее детальный и всеобъемлющий проект Зоны, свободной от ядерного оружия в СВА (NEANFZ), с участием двух Корей, Японии и Тайваня, включает в себя следующие ограничения:

1. Запрещение приобретения, испытания и производства ядерного оружия странами, входящими в зону.
2. Запрещение размещения ядерного оружия в пределах зоны.
3. Обязательства ядерных держав воздерживаться от применения ядерного оружия и угроз его применения в отношении стран, входящих в зону.
4. Запрет на захоронение ядерных отходов в пределах зоны.
5. Запрет на производство и импорт расщепляющихся материалов.²¹

Один из важных компонентов безъядерных зон в АТР - *международное сотрудничество в области демонтажа ядерных арсеналов и безопасного хранения и переработки ядерных материалов*. Особую озабоченность политиков и общественности вызывает проблема захоронения отработанных ядерных материалов Южной Кореей, Японией и Россией в прилегающих акваториях.*

* Вопреки Лондонской Конвенции 1983 г. о запрещении захоронения радиоактивных отходов, подписанной Россией, Тихоокеанский флот продолжает захоронение жидких радиоактивных отходов. По оценкам, их общий объем (2,5 млн. кюри) вдвое превысил захоронения 12 других ядерных и пороговых держав. Для сравнения: общий выброс радиоактивных отходов в результате Чернобыльской катастрофы составил 1,8 млн. кюри.// - *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX. # 2. 1995.P. 312.

Недавно правительство Японии приняло решение оказать помощь России в усовершенствовании технологии захоронения отработанных ядерных материалов в районе Японского моря и восточной части Тихого океана. Представитель МИД Японии объявил о выделении 100 млн. долл. для строительства в России хранилищ радиоактивных материалов и отработанного топлива, а также закупки соответствующего компьютерного и контрольно-измерительного оборудования и обучения технического персонала.²²

Особенно остра для России проблема утилизации выведенных из боевого состава атомных подводных лодок Тихоокеанского флота. По зарубежным данным, только на половине из 35 таких подводных лодок удалены стержни из атомных реакторов; складированы 140 стержней, и их число ежегодно увеличивается на 20 единиц.²³ Скоординированное международное сотрудничество помогло бы в решении этой проблемы, которой озабочены не только Россия, но и ее соседи по субрегиону СВА.

Как представляется, дальнейшее развитие режима ядерного нераспространения в СВА и Азиатско-тихоокеанском регионе будет связано с инициативами заинтересованных региональных держав по совершенствованию и укреплению существующих элементов режима, включая функционирование ДНЯО, механизма многосторонних инспекций МАГАТЭ, заключение ДВЗИЯО и других соглашений по ядерному разоружению, а также создание субрегиональных и региональных зон, свободных от ядерного и других видов оружия массового уничтожения.

Проблема укрепления режимов нераспространения касается не только ядерного, но и химического и биологического оружия, а также средств их доставки на большие расстояния.

ДНЯО и сопутствующие соглашения и образования; запрещение химического оружия; запрет на биологическое и токсическое оружие; ограничения на средства их доставки, а также мониторинг обычных вооружений, современных военных технологий и технологий двойного назначения - все эти элементы нераспространения и экспортного контроля в АТР взаимосвязаны, взаимозависимы и действуют как единая система ограничительных режимов безопасности.

Классификация рисков распространения оружия массового уничтожения (ОМУ), разработанная группами экспертов НАТО и отраженная в документе «Принципы политики НАТО в отношении распространения ОМУ», подготовленном к Стамбульской сессии Совета НАТО на уровне министров в июне 1994 г., включает в себя следующие потенциальные возможности распространения, вполне применимые к специфике АТР:

- крупные геополитические изменения вследствие распада СССР и крушения биполярной системы;
- игнорирование некоторыми странами международно-правовых обязательств по нераспространению (Ирак, Северная Корея и пр.);
- попытки некоторых стран разработать или приобрести технологию производства ОМУ и средств их доставки;
- аналогичные попытки со стороны террористов и иных государственных структур;
- усиливающаяся диффузия технологии, включая трансферт материалов и технологий двойного использования;
- риск продажи ОМУ, соответствующих средств доставки и технологий с целью наживы.²⁴

Главное препятствие на пути контроля за распространением ОМУ в Азиатско-тихоокеанском регионе заключается в том, что даже среднеразвитые страны могут производить такое оружие на своей промышленной базе с использованием импортированных технологий двойного назначения.

Как отмечалось на майской 1996 г. встрече президентов Б. Н. Ельцина и Б. Клинтона, попытки международных террористов и организованных преступных сообществ получить доступ к ОМУ могут стать одной из основных угроз международной безопасности к началу будущего века. Стороны договорились о сотрудничестве в противодействии этой угрозе, включая совместную выработку технологии минимизации деструктивного потенциала таких групп, координацию деятельности правоохранительных органов и обмен разведывательной информацией.²⁵

В этой связи особую важность приобретает координация усилий по обеспечению режима надежной охраны объектов, связанных с ОМУ. По официальным российским данным, в одном только 1993 г. было пресечено около 900 попыток незаконного проникновения на российские ядерные объекты и более 700 попыток выноса персоналом ядерных материалов в целях перепродажи за границей.²⁶

Конвенция о запрещении химического оружия, подписанная уже несколькими десятками стран, вступает в силу через шесть месяцев после получения страной - депозитарием (в данном случае ООН) верификационных грамот от 65 участниц соглашения. По прогнозам, это число могло быть достигнуто до конца 1996 г. США и Россия, обладающие крупнейшими в мире арсеналами химического оружия, заключили двустороннее соглашение об уничтожении химического оружия, позволяющее начать этот сложный, дорогостоящий и длительный процесс до вступления в силу Конвенции.

Соединенные Штаты начали в одностороннем порядке процесс уничтожения своих химических арсеналов; 21 марта 1996 г. Президент РФ подписал Указ о введении в действие программы уничтожения химического оружия в России, рассчитанной на 1996-2005 гг.

Что касается остальных региональных держав, то Китай неоднократно на официальном уровне декларировал свою приверженность полному запрещению и уничтожению химического оружия и в числе первой группы стран подписал Конвенцию. Правительство КНР привело свои положения об экспортном контроле химических веществ в соответствие с Приложением о верификации упомянутой Конвенции и настаивает на том, чтобы правительства импортирующих стран обеспечили гарантии предотвращения использования экспортируемых китайских химических веществ или их реэкспорта в третьи страны для производства химического оружия.²⁷

Потенциальным обладателем химического оружия является КНДР. Со ссылкой на опубликованный в 1993 г. доклад российской Службы внешней разведки, в котором говорится, что Северная Корея на протяжении ряда лет производит ядерное, химическое и биологическое оружие, южнокорейские источники утверждают, что начало реализации северокорейской программы создания химического оружия можно отнести к первому пятилетнему плану развития народного хозяйства (1957-1961 гг.).

Производственные мощности химической промышленности были созданы по крайней мере в восьми районах страны. В 1961 г. Ким Ир Сен заявил о необходимости создания потенциала ведения химической войны для отражения возможного химического нападения со стороны США. В последние годы КНДР производила до 5 тыс. метрических тонн химических отравляющих веществ ежегодно, уже располагая запасами ОВ в 1 тысячу тонн.²⁸

Премьер-министр КНДР в своей речи на заседании ГА ООН 2 октября 1991 г. заявил о необходимости уничтожения химического оружия, что дает основания надеяться на присоединение Северной Кореи к Конвенции о запрещении химического оружия. Республика Корея заявила, что подпишет Конвенцию после присоединения к ней КНДР.

Конвенция 1972 г. о запрещении биологического и токсинного оружия (КЗБО) запрещает разработку, производство и накопление биологических агентов и токсинов в военных целях, ограничивая их производство и потребление профилактическим, защитным или другим мирным назначением. К настоящему времени Конвенцию подписали 135 стран.

Американское Агентство по контролю над вооружениями и разоружением (АКВР) полагает, что до 1984 г., когда Китай присоединился к КЗБО, у него существовала программа биологического оружия. Более того, Китай на протяжении большей части 80-х гг. продолжал осуществление агрессивной программы биологического оружия, включая разработку, производство и накопление запасов или приобретение другими путями биологических агентов военного назначения. США полагают, что в период после присоединения к КЗБО КНР не выполняла обязательств по Конвенции.²⁹

По информации АКВР, Тайвань совершенствует свой биотехнологический потенциал путем закупок высокотехнологичного оборудования из США, Швейцарии и других стран, однако имеющихся данных недостаточно, чтобы определить, совершает ли Тайвань действия, запрещенные КЗБО.

Что касается Северной Кореи, то она развивала программу создания биологического оружия с конца 60-х гг., однако достигнутый ею уровень технологии не позволяет выйти на производство биологического оружия, применимого на тактическом театре военных действий.³⁰

Возможности распространения ОМУ непосредственно связаны с разработкой и производством средств его доставки. Режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ), призванный контролировать этот процесс, не основан на договоре или конвенции; страны - участницы в одностороннем порядке придерживаются согласованных стандартов экспортного контроля.

РКРТ был основан в апреле 1987 г. Канадой, Францией, Германией, Италией, Японией, Великобританией и США в целях контроля над трансфертом оборудования и технологий для создания ракетных систем, способных нести ядерные боеголовки. Первоначальные ограничительные параметры составляли вес доставляемого груза 500 кг и дальность доставки 300 км. В 1992 г. они были дополнены с учетом ракетных систем, способных нести химическое и биологическое оружие.

В 1990-1993 гг. к РКРТ присоединились 16 стран - членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР); в 1993 г. это сделали Аргентина и Венгрия, в 1995 г. - Россия, ЮАР и Бразилия. Китай,* Израиль и Румыния согласились с принципами РКРТ и изъявили готовность придерживаться их в экспортной практике.

Первоначальные правила РКРТ представляли собой список изделий и технологий, запрещенных или ограниченных для трансферта, разделенный на две категории. Первая категория включала в себя наиболее важные изделия и технологии, безусловно запрещенные для передачи; вторая - изделия и технологии двойного назначения, экспортные лицензии на которые следовало

* По мнению экспертов, китайские ракеты М-9 дальностью 300 км и М-11 (600 км) превышают ограничения РКРТ. - Simon Duke. *Northeast Asia and Regional Security*// *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX. # 2. 1995. P. 341.

выдавать на ограничительной основе и прекращать при риске использования для производства ракетных систем.

После решения о включении в РКРТ ракетных систем, способных нести не только ядерное, но и другие виды оружия массового уничтожения, списки контрольных изделий и технологий были к декабрю 1993 г. дополнены и согласованы и к июлю 1994 г. внесены в национальные правила экспортного контроля стран - участниц. Структура пересмотренных контрольных списков изменилась с тем, чтобы объединить две подкатегории в Категорию 1.³¹

По мнению международных экспертов, *расширение списка участников РКРТ остается приоритетной задачей*. Приверженность Китая режиму контроля за ракетными технологиями часто ставится под сомнение; Индия и КНДР продолжают развивать свои ракетные программы и отказываются присоединиться к РКРТ. Некоторые азиатско-тихоокеанские страны (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Южная Корея, остров Тайвань и др.) наращивают потенциал развития собственных ракетных программ, хотя воздерживаются от их запуска.

На фоне сообщений о наличии у Северной Кореи модернизированной баллистической ракеты средней дальности, способной достигать территории Японии, континентального Китая и российского Дальнего Востока, активно дебатировались предложения о создании региональной системы противоракетной обороны (ПРО ТВД).

Как отмечают некоторые американские аналитики, в условиях неизбежного сокращения присутствия американских войск на Корейском полуострове возрастет значение противоракетной обороны для «сдерживания» Северной Кореи. Уже после подписания американо-северокорейского Рамочного соглашения 1994 г. планирующие органы Пентагона продолжали продвигать проект системы ПРО для Японии стоимостью 8 млрд. долл., основываясь на угрозе со стороны северокорейских ракет.³²

Сеул и Токио уже выразили свой интерес к сотрудничеству с Вашингтоном в разработке программы глобальной защиты от ограниченных ракетных ударов (GPALS), которая использует элементы нашедшей и нереализованной Стратегической оборонной инициативы (СОИ).

В дополнение к существующей в Японии системе противоракетной обороны театра военных действий (ТМД), позволяющей уничтожать ракеты противника на подлетном расстоянии 40-80 км., разрабатываемая система высотной ПРО ТВД (ТНААД) позволяла бы сбивать ракеты на удалении до 500 км., т.е. в районе Корейского полуострова.³³

В настоящее время Соединенными Штатами и их региональными союзниками вынашивается идея создания в АТР системы ТНААД, которая должна покрыть территорию не только Японии и Южной Кореи, но и о-ва Тайвань, Австралии и Новой Зеландии³⁴ (антиядерная политика Веллингтона служит явным препятствием на пути реализации этих планов).

Нетрудно понять, что реализация подобных идей означала бы новый и практически неконтролируемый виток гонки вооружений в регионе. Кроме того, под угрозой оказалось бы соблюдение Договора о противоракетной обороне 1972 г., статья IX которого запрещает размещение систем и компонентов ПРО за пределами национальной территории или передачу их другим стра-

* В настоящее время Сеул полагается на 192 американские ракеты "Пэтриот", которые обеспечивают противовоздушную оборону для дислоцированных в Корею американских войск (См. Restoring American Leadership: A U.S. Foreign and Defense Policy Blueprint. P. 58).

нам. Вопрос о системах ПРО ТВД должен стать предметом серьезного обсуждения в рамках создающегося регионального переговорно-консультационного механизма.

Составным элементом системы режимов нераспространения в АТР является режим контроля за распространением военных технологий и технологий двойного назначения. Как следствие общего экономического роста азиатско-тихоокеанских стран, масштабы трансферта военных технологий и технологий двойного назначения в регионе постоянно возрастают, стимулируя гонку вооружений, а также развитие оборонной промышленности, особенно в таких странах, как Китай, Япония, РК, Индонезия и остров Тайвань.

До 1994 г. эмбарго на экспорт военной технологии и оборудования и технологий двойного назначения в СССР, страны Варшавского договора и Китай осуществлял Координационный комитет по многостороннему контролю за экспортом (КОКОМ), являвшийся инструментом «холодной войны» с устойчивой репутацией «экономической руки НАТО».

После роспуска этого органа 31 марта 1994 г. 17 стран - участниц КОКОМ (страны НАТО кроме Исландии, Австралия и Япония) начали работу над созданием новой, расширенной организации для осуществления контроля за экспортом современных систем вооружений и военных технологий, получившей тогда название Новый Форум.³⁵ Позднее к переговорам подключились 6 стран, сотрудничавших с КОКОМ, а также Россия, страны Вышеградской группы, Аргентина и Южная Корея.

В отличие от КОКОМ, новый международный режим не предусматривает права вето для стран - участниц; упор делается на добровольную координацию политики и своевременный обмен информацией до принятия решения о разрешении экспорта соответствующей категории вооружений или технологий.

После пяти раундов трудных и продолжительных переговоров, затянувшихся на два года, 28 стран - 17 бывших членов КОКОМ, 6 стран, сотрудничавших с КОКОМ, Россия и страны Вышеградской группы - 19 декабря 1995 г. подписали Вассернаарское Соглашение о контроле над экспортом обычных вооружений, а также изделий и технологий двойного назначения. Новый режим предусматривает две категории принципов и правил, относящихся как к обычным вооружениям, так и к изделиям и технологиям двойного назначения.

В рамках первой категории правил страны - участницы согласились о регулярных (раз в полгода) обменах информацией, консультациях и совместных обсуждениях, относящихся к трансферту вооружений, включенных в Регистр ООН по обычным вооружениям. Предоставляемые данные включают детальную информацию о типе и модели экспортируемых изделий, их количестве и стране - получателе.

Правила экспорта изделий и технологий двойного назначения основаны на согласованном контрольном списке изделий и технологий, включающем в себя т.н. Основной список (Список 1) и его приложения - «Чувствительный список» (Список 2) и «Очень чувствительный список» (приложение к Списку 2). Хотя страны - участницы самостоятельно принимают решения об экспорте изделий и технологий двойного назначения, они согласились о нижеследующем:

- обмен раз в полгода сводной информацией по всем случаям отказа в экспортных лицензиях в соответствии со Списком 1;
- взаимное уведомление в течение 30-60 дней об отказах в выдаче экспортных лицензий по Списку 2;

- предоставление раз в полгода сводной информации о выдаче лицензий по Списку 2 на экспорт в страны, не являющиеся членами Вассернаарского Соглашения.

Страны - участницы согласились также о взаимном извещении в течение 60 дней о выдаче экспортных лицензий, запрещенных в течение последних трех лет другой страной - участницей.³⁶ На первом пленарном заседании стран - участниц Вассернаарского Соглашения, проходившем 2-3 апреля 1996 г. в Вене, присутствовали представители 31 страны - 28 стран, подписавших соглашение, а также Аргентины, Румынии и Южной Кореи.

В ходе данного заседания российская делегация отказалась от предоставления детализированной информации о поставках вооружений и трансферте технологий, однако на следующем пленарном заседании в июле 1996 г., вопрос был урегулирован, и Россия, наряду с 32 другими государствами (на заключительном этапе примкнули Украина и Болгария), присоединилась к Соглашению в полном объеме. Страны - участницы Вассернаарского Соглашения договорились о реализации, начиная с 1 ноября 1996 г., договоренностей по Списку 1 и Списку 2.³⁷

Вассернаарское соглашение заложило основы уникального международного режима экспортного контроля, имеющего большие перспективы развития в странах АТР. Со временем этот консультативный форум может превратиться в эффективный механизм контроля за экспортом военных изделий и технологий, а также изделий и технологий двойного назначения.

Дальнейшее продвижение режимов нераспространения и экспортного контроля в Азиатско-тихоокеанском регионе наталкивается на сопротивление тех региональных держав (прежде всего КНР), которые полагают, что система контроля и ограничения передачи высоких технологий, имеющих военное применение, не должна носить предвзятый и дискриминационный характер, ущемляя право развивающихся стран использовать высокие технологии для экономического развития и поддержания обороноспособности.

При всей беспрошности этого утверждения странам АТР следует искать оптимальный баланс справедливости и безопасности на путях укрепления вышеописанных международных режимов, основываясь прежде всего на приоритетной задаче ограничения распространения оружия массового уничтожения и, в перспективе, его полного уничтожения, - любыми приемлемыми для цивилизованного международного сообщества способами и средствами.

1. *Сегодня*, 21 апреля 1995 г.
2. *Entering the Pacific Century*. By Senator Jesse Helms. The Heritage Lectures, # 562. The Heritage Foundation. 1996. p. 13.
3. *Сегодня*, 24 июля 1996 г.
4. Интервью министра иностранных дел РК Кон По Мена. *Сегодня*. 15 сентября 1995 г.
5. Бунин В. Н. *Япония в процессе формирования новой модели безопасности в США*. М., 1994. с. 54.
6. *Ядерное распространение. Периодический сборник материалов и документов*. Вып. 9. М., 1995. с. 51.
7. *China: Arms Control and Disarmament*. Information Office of the State Council of the People's Republic of China. November 1995, Beijing. p. 18-19.
8. Там же, с. 3-16.
9. Там же, с. 20.
10. Lawrence E. Grinter. Asian Nuclear Weapons Proliferation and US Policy. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX, # 1. 1995. p. 104.
11. *Adelphi Papers* 299, p. 198-199.

12. Kristensen, Hans M. & Joshua Handler. The USA and Counter-Proliferation: A New and Dubious Role for US Nuclear Weapons. *Security Dialogue*. Vol. 27, # 4, December 1996. p. 391.
13. Ядерное распространение. Периодический сборник материалов и документов. Вып. 9. с. 24.
14. Независимая газета, 12 октября 1995 г.
15. Ingvar Carlsson. Roles for the UN in International Security after the Cold War. *Security Dialogue*. Vol. 26. # 1. March 1995. p. 15.
16. Известия, 25 июля 1996 г.
17. Примаков Е. М. На горизонте - многополюсный мир. Международные отношения накануне XXI века: проблемы и перспективы. Независимая газета. 22 октября 1996 г.
18. *The Military Balance 1996/97*. London, October 1996. p. 171.
19. Andrew Mack. A Nuclear Free Zone for Northeast Asia. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX, # 2, 1995. p. 308.
20. *An Era of Reconciliation and Cooperation Begins*. National Unification Board, Republic of Korea. Seoul, 1992. p. 42-43.
21. Andrew Mack. A Nuclear Free Zone for Northeast Asia. p. 311-313.
22. *NATO and Japan: Common Concerns for World Order. Dialogue on Security Issues Between the Atlantic Alliance and Japan*. NATO/Japan Security Conference. Brussels, December 1994.
23. Andrew Mack. A Nuclear Free Zone for Northeast Asia. p. 312-313.
24. Ядерное распространение. Периодический сборник материалов и документов. Вып. 9. с. 22.
25. *USIA Wireless File*, May 11, 1995, p. 8.
26. Цит. по: Andrew Mack. A Nuclear Free Zone for Northeast Asia. p. 316.
27. *China: Arms Control and Disarmament*. p. 20-21.
28. *Korea Focus*, Vol. 1, # 2, 1993, p. 68.
29. Ядерное распространение. Периодический сборник материалов и документов. Вып. 9. с. 45.
30. Jeung Young Tai. North Korea's Armament Industry, and the Buildup of the Biochemical Warfare Capability. *East Asian Review*. Vol. VII, # 2. 1995. p. 49.
31. *The Military Balance 1996/97*, p. 287.
32. Леонард К. Спектор. Нео-нераспространение. Московский Центр Карнеги, 1995. с. 15.
33. Han Yong Sup. Changes in the Northeast Asian Strategic Environment, and South Korean Security in the 21st Century. *East Asian Review*. Vol. VII, # 3, 1995. p. 14.
34. *Restoring American Leadership: A U.S. Foreign and Defense Policy Blueprint*. p. 58-66.
35. *The Military Balance 1996/97*, p. 287.
36. *The Military Balance 1996/97*, p. 288.
37. Ibid.

Проблемы обеспечения социально-политической стабильности в КНР

© 1998

В.Портяков

Китайское руководство придает особое значение социально-политической стабильности в стране, видя в ее сохранении и упрочении одно из главных условий обеспечения поступательного экономического развития, осуществления задачи модернизации и укрепления международных позиций Китайской Народной Республики.

Повышенное внимание к проблеме социально-политической стабильности в Китае обусловлено целым рядом обстоятельств, из которых важнейшими, на наш взгляд, являются следующие.

Во-первых, исторически Китай сталкивался с самыми разнообразными, в том числе и крайне разрушительными формами проявления социально-политической нестабильности, включая крестьянские бунты, государственные перевороты, военное противостояние региональных элит центральному правительству, заговоры и раскол в руководящих кругах, восстания национальных меньшинств, гражданские войны. В 20-е годы нынешнего столетия сопротивление многочисленных милитаристских клик поставило Китай на грань распада и резко ослабило страну перед лицом агрессивных действий со стороны Японии, захватившей в 1931 г. северо-восточные провинции Китая и провозгласившей там марионеточное государство Маньчжоу-Го. Уже после образования КНР левацкий курс Мао Цзэдуна вылился в конечном счете в целое десятилетие внутривластного хаоса, репрессий против огромной массы кадров на всех уровнях и экономической стагнации. Так называемая "культурная революция" (1966—1976 гг.) серьезно деформировала и затормозила развитие китайского общества, нанесла тяжелейший удар по интеллектуальной элите страны.

Во-вторых, сохранение в Китае официальной ориентации на социалистический тип общественного развития, создание в стране адекватной традиционным представлениям о социалистическом обществе политической системы с доминирующей ролью правящей Коммунистической партии Китая и относительно маловлиятельной — в сравнении с классическими образцами западной демократии — системой органов законодательной власти предопределило повышенную чувствительность руководства страны к любого рода проявлениям инакомыслия и диссидентства (что было, как известно, характерно и для Советского Союза). С другой стороны, Китай стал постоянным объектом критики со стороны западного сообщества как тоталитарная страна с низким

Портяков Владимир Яковлевич, кандидат исторических наук, зам. директора ИДВ РАН

* Подготовлено при содействии Российского фонда фундаментальных исследований.
Проект № 97-06-80036.

уровнем политических свобод. Крах социализма в СССР и странах Восточной Европы сделал китайское руководство особенно подозрительным к раздающимся в самой стране или извне призывам к большей демократизации и гласности как к процессам, чреватым в конечном счете сменой общественного строя.

В-третьих, особое, по своему уникальное измерение проблеме социально-политической стабильности в КНР придает "тайваньский фактор" — существование населенного китайцами государственно-политического образования с иным общественным строем.

В-четвертых, наличие в составе Китая окраинных регионов с преобладанием неханьского (некитайского) населения, прежде всего Тибета и Синьцзян-Уйгурского автономного района. Новые геополитические реалии в виде возникновения после распада СССР независимых центрально-азиатских государств, усиление в мире позиций исламского фундаментализма потребовали от китайского руководства уделять больше внимания потенциальной угрозе сепаратизма в западных регионах страны.

В то же время, необходимо со всей определенностью констатировать, что весомые социально-экономические достижения КНР в период реформ, нашедшие проявление в росте ее комплексной мощи, модернизации экономики, повышении уровня жизни населения, стали решающим фактором укрепления социально-политической стабильности в стране.

Китай сумел, хотя и не без издержек, преодолеть тяжелейший политический кризис 1989 г., обеспечить достаточно плавную передачу власти следующему поколению руководителей и избежать каких-либо потрясений после кончины "архитектора реформ" Дэн Сяопина, хотя многими в мире и предрекалось иное, драматическое развитие ситуации в "постдэновский период". Открытие страны внешнему миру, сделавшее поездки в зарубежные страны доступными для широких слоев образованных и зажиточных китайцев, в значительной степени устранили разного рода комплексы и фобии, порожденные длительным периодом полуизоляции, бывшего характерным для маоцзэдуновского Китая.

Инициированный экономическими успехами рост национального самосознания китайцев получил новый импульс благодаря долгожданному возвращению Гонконга под юрисдикцию КНР. "Сила сцепления народа" ("ницзюйли") — качественная характеристика степени единства населения, рассматриваемая в Китае как один из важнейших компонентов "комплексной мощи государства" — сегодня в КНР велика как никогда. Достижение же высокого уровня национального согласия на базе динамичного экономического роста, а не насильственными методами пропагандистской обработки и внедрения сверху идеологического единomyслия делает патриотизм, чувство национальной гордости жителей Китая важным долговременным фактором обеспечения социально-политической стабильности в КНР.

Вышесказанное, разумеется, не означает отсутствия в Китае многочисленных социально-политических проблем и проявления тех или иных форм социального протеста и недовольства, некоей гарантированности страны от действия различных дестабилизирующих факторов. Сегодня в Китае действует весьма широкий спектр такого рода факторов, как "генетических", связанных с базовыми характеристиками китайского общества (многонаселенность, многонациональность, относительно низкий уровень урбанизации), так и сравнительно новых, порожденных процессами рыночной трансформации экономики страны в последнее двадцатилетие.

Одна из первых в мировой синологии попыток систематизировать действующие или потенциальные факторы социально-политической нестабильности в Китае и варианты их возможного проявления предпринята в работе ученых Гамбургского Института азиатских исследований "Анализ факторов, формирующих ситуацию в Восточной Азии в 2000 году и последующий период". (См. схему).¹

Факторы нестабильности/стабильности						
	Структура власти в стране	Роль центра	Роль военных	Экономическое развитие	Социальная ситуация	Внешняя политика
В а р и а н т ы п р о в е д е н и я	Стабильная диктатура (КПК или другой вариант)	Трансформация Китая в федеративное государство	Стремление к политической власти	Устойчивые высокие или средние темпы роста	Сокращающаяся безработица	Сверхдержава, представляющая "Большой Китай"
	Неопределенная ситуация, политический паралич	Агентство по развитию по типу японского министерства торговли и промышленности	Региональные военные клики	Длительная рецессия	Взрывной рост безработицы	Катализатор азиатской интеграции
	Демократизация, переход к многопартийной системе	Единство, достигнутое через насилие	Генералитет в качестве управляющих	Урезание экономических свобод	Религиозные и этнические беспорядки	Содействие развитию многосторонней торговли
	Гражданская война	Центробежный дрейф провинций	Источник нестабильности	Экономический раскол между восточной и западной частями страны	Коллапс городов вследствие притока мигрантов	Завоевание Тайваня и акватории Южно-Китайского моря

По оценке экспертов Гамбургского Института азиатских исследований, в зависимости от сочетания и взаимодействия различных факторов вероятность "демократизации сверху" в Китае составляет 5% (из 100% теоретически допустимых), "политического паралича" в высшем эшелоне власти — 10%, стабильной однопартийной диктатуры — 55%, насильственной ликвидации политического режима КНР — 26%. Вероятность успешного продолжения экономических реформ и политики открытости или, напротив, стагнации с высоким уровнем безработицы и социальной напряженности оцениваются как практически равновеликие: соответственно 42 и 39%. При всей несомненной полезности анализа факторов нестабильности в китайском обществе, проделанно немецкими учеными, следует воспринимать его с определенными оговорками.

Во-первых, по нашему убеждению, можно с высокой степенью вероятности утверждать, что в ближайшие 10—15 лет Китай не столкнется с такими крайними формами социально-политической нестабильности, как распад государства и насильственная смена общественного строя. По-видимому, практически маловероятна и возможность резкой дестабилизации социально-экономической ситуации в стране, сопровождающейся утратой центром контроля за положением в регионах, экономической депрессией, голодом и т. п.

Во-вторых, схематический анализ затронул только факторы, так сказать, макроуровня, определяющие глобальную социально-политическую ситуацию в стране, оставив вне поля зрения факторы микроуровня, к каковым могут быть отнесены любые проблемы, беспокоящие население и способные

вызвать его недовольство политикой властей, а при определенных условиях — и открытый социальный протест.

Между тем в ходе рыночной трансформации в Китае относительная значимость факторов микроуровня заметно выросла. Сегодня “температуру” китайского общества, настроения подавляющей части населения страны определяют прежде всего состояние правопорядка, соотношение роста цен и доходов, возможность дать образование детям, получить более престижную работу и т. п. И хотя факторы микроуровня по сути своей являются факторами второго порядка по сравнению с факторами макроуровня, они, тем не менее, при достижении определенных пороговых значений вполне могут превращаться из просто “раздражающих” в дестабилизирующие. (Примером может служить спровоцированный решением центральных властей о реформе системы ценообразования рост розничных цен в Китае в августе—сентябре 1988 г., повлекший за собой массовое изъятие населением своих сберегательных вкладов, а затем — и переход в экономической политике в целом от линии на форсирование реформ к курсу “оздоровления и упорядочения”, продолжавшемуся три года).

Не претендуя на исчерпывающий охват, можно, исходя из реальной ситуации в Китае, выделить следующий набор *потенциально дестабилизирующих факторов микроуровня*.

- Неудовлетворительное состояние общественного правопорядка. Как и повсюду в мире, рыночная трансформация сопровождалась в Китае ростом преступности: с 5,5 уголовных преступлений на 10 тыс. человек в дореформенном 1978 г. до примерно 20 в 1992—1993 гг., в том числе около 4 — особо тяжких. При этом доля молодежной преступности возросла с 48% от общего количества уголовных преступлений в 1979 г. до 65% в 1993 г.² В последующие годы проблема общественного правопорядка еще более обострилась, выдвинувшись в 1995—1996 гг. по результатам опроса городского населения на первое место среди беспокоящих горожан проблем (в 1993 г. в качестве проблемы номер один фигурировала жилищная реформа, в 1994 — начале 1995 гг. — инфляция). Созданная в Китае Центральная комиссия по комплексному оздоровлению общественного правопорядка в январе 1996 г. приняла специальный пятилетний план улучшения правопорядка на 1996—2000 гг. Изучение ситуации с правопорядком на местах было в ряде провинций проведено также по решению Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей.³

- Экономические преступления и прежде всего коррупция в государственном и партийном аппарате. Создание “честного и неподкупного” административного аппарата постоянно фигурирует на 2—3 месте в перечне беспокоящих население Китая проблем. Раздражающий характер коррупции в китайском обществе усиливается как нередкой вовлеченностью в круг коррумпированных лиц высокопоставленных чиновников и даже отпрысков лидеров страны, так и отсутствием явных успехов в борьбе с этим пороком: в 1994 г. такую оценку ситуации дали 35,7% опрошенных граждан.⁴

- Рост цен, инфляция. За годы реформ Китай пережил несколько периодов (1979—1980, 1985, 1988—1989, 1993—1995 гг.) достаточно ощутимого роста цен, неизменно весьма болезненно воспринимаемого населением. В целом индекс роста потребительских цен в 1996 г. по сравнению с предреформенным 1978 г. составил 467,4 (1978 = 100), а индекс роста розничных цен на зерно — 585. Хотя в настоящее время острота проблемы несколько приглушена по сравнению с тяжелыми 1993—1995 гг. (когда рост розничных цен по сравнению с предыдущим годом составил соответственно 13,2, 21,7 и 14,8%),

однако рост цен на ряд важных позиций народного потребления остается значительным: на свежие овощи в 1996 г. они выросли почти на 20%, на яйца — на 16,5%.⁵ В то же время политика сдерживания инфляции, проводившаяся в Китае в 1994—1996 гг., продемонстрировала достаточно умелое владение руководством страны макроэкономическим инструментарием борьбы с инфляцией.

- Неудовлетворенность части населения уровнем доходов и условиями жизни. Хотя период реформ в целом характеризуется беспрецедентным для КНР повышением уровня жизни и выходом на среднемировой уровень потребления основных продуктов питания в расчете на душу населения (от которого страна в 1978 г. заметно отставала), проблем в данной сфере по-прежнему немало. По официальным китайским данным, численность бедного населения все еще составляет внушительную величину: 80 млн. человек в 1992 г. и 60 млн. — в 1996 г., при этом количество горожан с низкими доходами (160 юаней на человека в месяц) оценивается, по результатам выборочных обследований, в 34 млн. человек. Реформа принесла с собой весьма болезненно воспринятое в китайском обществе нарастание разрыва в доходах населения города и деревни, приморских и внутренних регионов, работников бюджетной сферы и лиц, занятых в кредитно-банковской сфере. Далекое не однозначно отношение в стране к реформе жилищной системы, включающей "товаризацию" значительной части жилья и постепенное повышение расходов населения на содержание жилья (с 2,5% от общих расходов населения в 1990 г. до 7,1% в 1995 г.). Психологически и материально тяжелым мероприятием оказалась и комплексная реформа системы социального обеспечения, охватывающая пенсионную систему, систему медицинского обслуживания, пособия по безработице. На место прежней системы социального обеспечения, привязанной к предприятиям и организациям и не носившей общегосударственного характера (охват населения социальным обеспечением составлял 23% в 1978 г. и 31% в 1993 г.)⁶, идет более унифицированная по стандартам и более широкая по охвату новая система социального обеспечения, предусматривающая, однако, и большую опору на средства самого населения.

- Неудовлетворенность социальным статусом. Реформа порядком "перетасовала" традиционные представления китайцев о наиболее престижном социальном статусе, одновременно сделал китайский социум принципиально более мобильным. "Исход из деревни", который некогда был практически возможен для жителей села только через службу в армии, стал в период экономического бума 90-х годов весьма широко распространенным явлением. В 1993 г. вне села работал 51 млн. жителей деревни, а в 1995 г. количество возросло до 80 млн. человек. ⁶В то же время экономическое неблагополучие значительной части предприятий госсектора, сопровождающееся массовыми задержками выплаты заработной платы и фактическим выводом части рабочих за штат предприятий с выплатой небольшого пособия (так называемое явление "ся ган", то есть буквально "освобождение с поста"), заметно снизило прежде весьма высокий престиж работы на государственных предприятиях и, напротив, повысило привлекательность частного сектора.

- Плохое состояние окружающей среды. Отсутствие в Китае сколь-нибудь влиятельного движения "зеленых" не означает отсутствия в стране экологических проблем. Напротив, экологическая ситуация в ряде регионов КНР вполне может быть охарактеризована как острейшая. Общенациональный характер имеют проблемы нехватки питьевой воды, отсутствие общегородских коммуникаций сбора сточных вод, промышленное загрязнение. Преобладание отопления углем в быту (85% потребляемого населением топлива) порождает проблему вы-

броса Китаем в атмосферу огромного количества углекислого газа (СО₂). Хотя в стране в соответствии с решениями специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН в Рио-де-Жанейро (1992 г.) принята специальная Программа действий по увязке экономического роста с защитой окружающей среды, по сей день экологические проблемы должного внимания руководства Китая и тем более адекватного степени их тяжести финансирования не получают.

- Недовольство политикой руководства страны. Политическое диссидентство в Китае, понимаемое как гласно выраженное недовольство какой-либо части населения уровнем политических свобод, недостаточной степенью демократизации общества, политической системой в целом, в настоящее время не носит, судя по всему, массового характера. Тем не менее высылка под давлением международной общественности наиболее известных диссидентов (Фан Личжи с женой в 1991 г. и Вэй Цзиншэн в 1997 г.), появление за рубежом после событий 1989 г. антипекински настроенной эмиграции из КНР, как минимум, свидетельствуют об отсутствии всеобщего согласия населения с политическим курсом руководства страны.

По-видимому, на сегодня большим раздражителем является демографическая политика властей и прежде всего официальная ставка на однодетную семью с целью сдерживания роста населения. И сама эта политика, и особенно весьма суровые штрафные санкции за второго и более ребенка вряд ли пользуются широкой поддержкой в обществе.

В деле обеспечения социально-политической стабильности в КНР особое значение имеет надлежащее решение проблемы *взаимоотношений центра и мест*, прежде всего центральной власти, представленной Политбюро ЦК КПК и его Постоянным комитетом, Госсоветом КНР и Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей, и руководства 22 провинций, 5 автономных районов и городов центрального подчинения (до недавнего времени — Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, а в 1997 г. аналогичным статусом был также наделен Чунцин).

У этой проблемы есть четко выраженный политический аспект. Существует практика пополнения высшего эшелона руководства наиболее лояльными или эффективно работающими представителями провинциальных элит, "обкатки" перспективных кадров на руководящей работе на местах. С другой стороны, достаточно широко распространена межпровинциальная ротация кадров высшего эшелона (секретари парткомов, губернаторы, мэры), не в последнюю очередь призванная воспрепятствовать формированию сколько-нибудь серьезных явлений местничества.

Однако на сегодняшний день более важными представляются многоплановые *экономические аспекты проблемы взаимоотношения центра и мест*.

Разнообразие природных, демографических, транспортно-географических условий Китая естественным образом предопределило существенное различие в уровнях развития различных регионов Китая. Однако если в дореформенный период китайское руководство проводило, в том числе и из военно-стратегических соображений, политику опережающего развития внутренних районов страны, то курс реформ и внешнеэкономической открытости, сопровождавшийся существенным расширением полномочий провинций в планировании, инвестировании, внешнеэкономических связях и более мощным действием рыночных факторов, радикально изменил ситуацию в пользу более быстрого развития восточной приморской части Китая при относительном, но все более заметном отставании по темпам и уровню развития центральных и западных районов КНР. Так, в объеме фактически использованных иностранных инвестиций за период 1986—1995 гг. доля восточного региона составила

87,3%, центрального — 8,5% и западного — лишь 4,2%. Соотношение инвестиций в государственном секторе между приморскими и внутренними районами, составлявшее в 1966—1970 гг. 0,42, а в 1971—1975 гг. — 0,65, выросло до 1,29 в 1986—1990 гг. и до 1,34 в 1991—1995 гг.⁹

В результате, по данным третьего обследования промышленности страны, проведенного по состоянию на 1 января 1996 г., доля восточного региона в валовой промышленной продукции Китая с 60,3% в 1985 г. возросла до 66% в 1995 г., тогда как доля центрального региона сократилась с 27,2 до 23,8%, а западного — с 12,5 до 10,2%¹⁰. Разрыв в среднедушевом производстве валового внутреннего продукта между лидировавшим Шанхаем и занимавшей последнее место в общекитайской таблице о рангах провинции Гуйчжоу был в 1995 г. почти десятикратным: соответственно 17403 и 1796 ю. Прямым следствием различий в уровне экономического развития территорий стало и заметное различие в уровне жизни населения: среднедушевое потребление в Шанхае составило 5343 ю., а в Гуйчжоу — лишь 942. Соотношение средних доходов горожан восточного, центрального и западного районов КНР, составлявшее в 1985 г. 1,15:0,88:1, увеличилось до 1,42:0,97:1 в 1995 г., а разрыв в доходах жителей деревни вырос за это десятилетие еще значительно: с 1,39:1,11:1 до 2,00:1,32:1¹¹.

Новым явлением последних двух—трех лет стало попадание в число депрессивных регионов провинций с повышенным сосредоточением крупных государственных предприятий. Так, при росте в 1996 г. индекса реальной заработной платы в среднем по стране по сравнению с предыдущим годом (103,8 при 100 в 1995 г.) он сократился в таких провинциях, как Гуйчжоу (99,4), Хунань (99,2), Ганьсу (97,1), Хубэй (98,7), Ляонин (99,2)¹².

Экономический диспаритет влечет за собой и существенную дифференциацию регионов Китая в социальном отношении, включая качество жизни, образовательный уровень населения и т. п. В Китае весьма популярно ранжирование административных единиц по уровню социального развития (к сожалению, методика расчетов и критерии оценок объясняются далеко не всегда). В 1991 г. по сводному показателю социального развития, учитывающему такие факторы, как состояние экономики и окружающей среды, уровень жизни населения, социальное обеспечение, здравоохранение, культура, образование, общественный порядок, лидировали города центрального подчинения, а из провинций — Ляонин, Цзянсу, Гуандун, Шаньдун. В то же время наиболее заметно отставали от среднекитайского уровня Гуйчжоу, Юньнань, Аньхой, Цинхай, Ганьсу, Нинся¹³.

Результаты обследования уровня социального развития регионов Китая по 46 показателям, сведенным в ряд укрупненных групп, по состоянию на 1995 г. представлены в Табл. 1.

Китайское руководство неизменно стремится хотя бы частично компенсировать разрыв в уровнях экономического и социального развития регионов через *финансово-бюджетные рычаги*. Помимо кредитования отстающих регионов коммерческими банками под льготный процент, действовавшего до 1994 г. и замененного затем их кредитованием через специально учрежденные так называемые “политические” банки (Банк развития, Экспортно-импортный банк и Банк развития деревни), в КНР применяется целый ряд финансовых дотаций, основными получателями которых являются беднейшие провинции и автономные районы. Выделяют, в частности, дотации к ценам, дотации на покрытие убытков предприятий, частичное освобождение от налогов, дотации на жилье, на бытовые расходы рабочих и служащих, внешнеторговые дотации, бюджетные субвенции.

Таблица 1

Показатели социального развития регионов Китая в 1995 г.

Регион	Общая оценка		Социальная структура		Качество населения		Эконом. эффективность		Качество жизни		Общественный порядок	
	место	очки	место	очки	место	очки	место	очки	место	очки	место	очки
Страна												
в среднем		57,7		11,2		10,1		9,6		20,7		6,1
Пекин	1	83,4	1	18,9	1	16,5	3	12,9	2	28,7	9	6,4
Шанхай	2	81,4	2	16,4	2	16,3	2	14,1	1	29,5	16	5,1
Тяньцзинь	3	79,6	3	16,1	3	15,0	1	14,9	3	27,1	8	6,5
Гуандун	4	66,6	4	14,0	10	10,6	9	10,4	4	26,8	17	4,8
Ляонин	5	65,4	5	13,8	4	12,6	5	12,0	7	22,7	19	4,3
Хэйлунцзян	6	65,3	6	13,3	11	10,4	4	12,8	8	22,5	10	6,3
Цзянси	7	64,9	9	11,8	5	12,1	7	11,6	6	23,9	15	5,5
Чжэцзян	8	62,4	11	10,8	7	11,5	8	10,7	5	25,9	22	3,5
Шаньдун	9	61,6	13	10,0	9	10,7	6	11,8	11	21,9	4	7,2
Цзилинь	10	58,8	7	12,5	6	11,7	16	8,8	12	21,1	18	4,7
Фуцзянь	11	58,4	10	11,5	13	9,8	10	10,2	9	22,2	18	4,7
Хэбэй	12	58,0	16	9,3	15	9,2	12	10,0	10	22,1	3	7,4
Шаньси	13	57,8	8	11,9	12	10,1	11	10,1	16	19,4	10	6,3
Хубэй	14	56,3	13	10,3	13	9,8	13	9,8	14	19,9	8	6,5
Хайнань	15	54,2	12	10,5	19	8,6	14	9,7	17	18,6	6	6,8
Синьцзян	16	52,7	13	10,3	18	8,9	12	10,0	13	20,2	23	3,3
Хунань	17	52,3	18	8,9	15	9,2	17	8,7	15	19,7	13	5,8
АРВМ	18	51,4	12	10,5	17	9,0	12	10,0	25	15,7	11	6,2
Аньхой	19	50,2	23	7,3	23	7,9	13	9,8	19	17,6	1	7,6
Гуанси	20	49,6	20	8,2	18	8,9	17	8,7	18	17,7	12	6,0
Шэньси	21	49,5	15	9,5	8	11,2	22	6,4	25	15,7	7	6,7
Цзянси	22	49,3	14	9,8	24	7,8	18	8,6	22	16,2	5	6,9
Хэнань	23	49,2	22	7,8	21	8,1	15	9,0	20	16,8	2	7,5
Нинся	24	46,8	17	9,2	14	9,7	20	7,0	21	16,8	21	4,1
Сычуань	25	46,7	21	8,1	16	9,1	19	7,3	23	16,0	11	6,2
Ганьсу	26	44,4	22	7,8	20	8,3	21	6,9	27	14,5	5	6,9
Юньнань	27	44,3	25	6,2	22	8,0	15	9,0	26	15,5	14	5,6
Цинхай	28	42,9	19	8,5	21	8,1	23	6,3	24	15,8	20	4,2
Тибет	29	39,1	24	7,1	25	6,9	25	5,5	28	12,9	7	6,7
Гуйчжоу	30	36,3	26	5,0	26	6,1	24	5,9	29	12,5	6	6,8

Источник: Провинция Ляонин в 1996—1997 гг.: анализ и прогноз экономической и социальной ситуации. (На кит. яз.) Шэньян, 1997. С. 371—372. Методика расчетов в источнике не приведена.

До налоговой реформы 1994 г. в Китае четко различались регионы-финансовые доноры и регионы-получатели финансовых субвенций из центрального бюджета. В 1980—1989 гг. наибольшее превышение доходов местного бюджета над расходами имело место в Шанхае (суммарно 128 млрд. ю.), провинциях Цзянсу (37 млрд.), Ляонин (34 млрд.), городах Пекин (21 млрд.) и Тяньцзинь (19 млрд.). Напротив, максимальный дефицит бюджета был зафиксирован в АРВМ (21 млрд. ю.), Синьцзяне (18 млрд.), провинциях Цзилинь, Хэйлунцзян, Юньнань и Гуанси-Чжуанском автономном районе (более 10 млрд. ю. в каждом случае)¹⁴.

Сокращение числа регионов-доноров и, напротив, рост числа регионов с дефицитом местных бюджетов — с 10 в 1953—1979 гг. до 20 в 1980—1989 гг. — предопределил активные поиски в Китае путей более эффективного и, можно сказать, нормативного перераспределения финансовых потоков между регионами, осуществляемого при регулирующей роли центра. Долгое время эти поиски шли вокруг усовершенствования финансового подряда провинций, известного под названием «питания у разных очагов». В соответствии с этим принципом «доходным» провинциям и городам устанавливались те или иные

нормативы отчислений финансовых доходов в центральный бюджет, а регионам с пассивным сальдо бюджета — верхние лимиты централизованных дотаций. Например, в 1988—1990 гг. количественные параметры трансфера средств в центральный бюджет были установлены для Шанхая (10,5 млрд. ю. ежегодно), Гуандуна (1413 млн. ю. в базовый год плюс 9%-ный прирост). Для ряда районов устанавливался процент доходов, оставляемых на месте, плюс ежегодный прирост отчислений центру (например, у Пекина 50 и 4%, у Ляонина, соответственно 58 и 3,5% и т. п.). Большинство дотационных провинций получали фиксированную цифру субвенций у центра: 1842 млн. ю. в АРВМ, 742 млн. в Гуйчжоу, 673 млн. в Юньнани и т. д.¹⁵

Система “питания у разных очагов” выявила в процессе функционирования множество трудноустраняемых недостатков. Имел место, в частности, разрыв между почти монопольным правом центра устанавливать базу и процент финансовых отчислений для регионов, одной стороны, и самим сбором налогов, находившимся почти исключительно в ведении мест. Как следствие, шел бесконечный торг между центром и регионами вокруг сумм отчислений или дотаций, активность провинций-доноров в аккумуляции налоговых средств подрывалась уже самой необходимостью отчислять центру больше средств при сборе большей суммы налогов. Распространенным явлением стало предоставление местным предприятиям льгот по налоговым выплатам, особенно после выполнения провинцией обязательств по перечислению средств центру (из-за которого правительство ежегодно недополучило 30—40 млрд. ю.), перевод в регионах всеми правдами и неправдами финансовых потоков из бюджетных каналов во внебюджетные: за период 1978—1992 гг. номинальная величина доходов госбюджета выросла в 4 раза, а объем внебюджетных средств — в 12 раз¹⁶.

Параметры центрального бюджета, его доля в консолидированном бюджете и в валовом внутреннем продукте достигли критически низких значений.

С начала 1994 г. в рамках создания системы макроэкономического регулирования, адекватной ускорению рыночных преобразований в экономике страны, в Китае был проведен ряд крупных реформ, затронувших также налоговую и бюджетную сферы.

Были укрупнены виды взимаемых налогов, положено начало разграничению видов налогов, взимаемых отдельно центром и провинциями (см. Табл. 2), созданы самостоятельные системы сбора налогов для центрального и региональных бюджетов.

Таблица 2

Разграничение налогов и других бюджетных доходов между центральным и местными бюджетами в Китае с 1994 г.

Постоянные доходы центра	Совместные доходы центра и мест	Постоянные доходы мест
1. Акцизы 2. Подоходный налог предприятий центрального подчинения 3. Акцизы и налог на добавленную стоимость, взимаемые таможей 4. Подоходный налог с местных банков и иностранных банков и не-	1. НДС: 75% центру 25% местам 2. Налог на ресурсы 100% налога на разработку морских месторождений нефти - центру, 100% всей остальной части налога на ресурсы - местам. 3. Налог на операции с	1. Налог на хозяйственную деятельность 2. Подоходный налог предприятий местного подчинения (пункты 1, 2 - за вычетом средств, поименованных в пунктах 4 и 5 первой колонки). 3. Индивидуальный подоходный налог.

<p>банковских кредитно-денежных институтов.</p> <p>5. Доходы, централизованно собираемые и перечисляемые главными конторами банков и страховых компаний, железными дорогами (ндс, налог на хозяйственную деятельность, налог на поддержку городского строительства, прибыль).</p> <p>6. Таможенные пошлины.</p> <p>7. Перечисляемая прибыль предприятий центрального подчинения.</p>	<p>ценными бумагами:</p> <p>50% центру</p> <p>50% местам</p>	<p>4. Регулирующий налог с инвестиций в основные фонды.</p> <p>5. Налог на пользование землей в городах.</p> <p>6. Налог на недвижимость.</p> <p>7. Налог на пользование водными транспортными средствами.</p> <p>8. Гербовые сборы.</p> <p>9. Налог на забой скота.</p> <p>10. Сельхозналог.</p> <p>11. Спецсельхозналог.</p> <p>12. Налог на изъятие из обращения пахотной земли.</p> <p>13. Налог на наследство.</p> <p>14. Налог на добавленную стоимость на землю.</p> <p>15. Доходы от возмездной передачи права пользования землей, находящейся в государственной собственности.</p> <p>16. Налог на сделки.</p> <p>17. Налог на поддержку городского строительства (кроме средств, поименованных в пункте 5 первой колонки).</p>
--	--	--

Источник: Китай в 1994—1995 гг.: анализ и прогноз социальной ситуации. (На кит. яз.) Пекин. 1995. С. 88.

В результате проведенной реформы распределение финансовых доходов между центральным и местным бюджетами формально изменилось в пользу центра (см. Табл. 3).

Таблица 3

**Доходы бюджета КНР в разбивке
на центральный и местных бюджеты (млрд. ю.)**

Наименование	1992	1993	1994	1995	1996
Доходы, всего	348,34	343,89	521,81	624,22	736,66
в том числе центр	97,95	95,75	290,65	325,66	364,91
места	250,39	339,14	231,16	298,56	371,75

Источник: Краткая статистика Китая 1997. (На кит. яз.) Пекин, 1997. С. 48.

Однако одновременно был установлен пятилетний переходный период, в течение которого сохраняется передача финансовых доходов из центрального бюджета в местные примерно на уровне 1993 г. Фактическая доля центра в совокупном финансовом потенциале страны даже снизилась: с 23,3% в 1993 г. до 20,7% в 1994 г. При этом доля трансфера из центрального бюджета в

расходах местных бюджетов в 1995 г. составила 29% в восточном, 38,5% — в центральном и 50,6% — в западном регионе Китая¹⁷.

В центральном бюджете доля затрат социального характера относительно невелика: в 1992 и 1993 гг. расходы на культуру, образование, здравоохранение составляли около 5% общих расходов центрального бюджета, в 1994 г. — 7,8%, а расходы на дотации к ценам — соответственно около 3, 4 и 5%. Определенное исключение составляет высшее образование, затраты на которое финансируются почти исключительно из центрального бюджета.

В местных бюджетах доля затрат социального характера, как правило, существенно выше. Так, в 1994 г. в провинции Хунань затраты на культуру, образование и здравоохранение составили свыше 27% общих расходов провинциального бюджета, на дотации к ценам — свыше 8%, на разного рода социальную помощь — около 2,5%. В провинции Хубэй эти доли составили, соответственно, 31, 6 и 3%. В целом по местным бюджетам (с учетом средств, переведенных из центрального бюджета) доля затрат на культуру, образование и здравоохранение в 1994 г. составила 32% общих расходов, дотаций к ценам 6% и социальной помощи 2,6%¹⁸.

Существующие в Китае прогнозы экономического развития, как правило, не обещают сколько-нибудь существенного сокращения разрыва в уровнях развития восточного, центрального и западного регионов страны в ближайшие 15 лет. В то же время, задача серьезной корректировки региональной политики, призванная не допустить превращения межрегиональных противоречий в серьезный дестабилизирующий фактор, становится для Китая все более настоящей.

Мониторинг настроений населения через социологические опросы все шире используется в Китае для “измерения” социальной температуры. Результаты опросов последних лет демонстрируют устойчивый рост обеспокоенности населения неудовлетворительным состоянием правопорядка, нарастающим бытовой преступности, безработицей и отчасти — начавшейся реформой системы социального обеспечения. Среди мер, которые в наибольшей степени способствовали бы укреплению социальной стабильности в стране респонденты отмечают борьбу с коррупцией, ускорение реформы государственных предприятий, увеличение внимания правительства к вопросам строительства духовной культуры, преодолению безработицы, противодействию инфляции. В целом же, как показал опрос в не самой сегодня благополучной провинции Ляонин в августе 1996 г., у населения в основном сохраняется положительное отношение к реформам. Опасения по поводу возможного ущерба были высказаны респондентами лишь применительно к реформе системы медицинского обеспечения (40% опрошенных) и жилищной реформе (12%), тогда как реформа системы пенсионного обеспечения, системы ценообразования, труда, занятости, заработной платы получила позитивную оценку подавляющего большинства респондентов¹⁹.

Судя по всему, китайскому руководству в общем и целом пока удается обеспечивать поддержку населения реформенных преобразований, что благотворно влияет на общую социально-политическую стабильность в КНР.

1. Wolfgang Pape (Ed.) *Shaping Factors in East Asia by the Year 2000 and Beyond. A Study for the European Commission.* Hamburg. Institute of Asian Affairs. 1996. PP. 168-173.
2. Китай в 1993-1994 гг.: анализ и прогноз социальной ситуации. (На кит. яз.) Пекин, 1994. С. 287.
3. Китай в 1996-1997 гг.: анализ и прогноз социальной ситуации. (На кит. яз.) Пекин, 1997. С. 81, 163).

4. Китай в 1994-1995 гг.: анализ и прогноз социальной ситуации. (На кит. яз.) Пекин, 1995. С. 45.
5. Краткая статистика Китая 1997. Пекин, 1997. С. 65; Гуанмин жибао. 1997. 11 августа.
6. Китай в 1996-1997 гг... (На кит. яз.) С. 26.
7. Китай в 1993-1994 гг... (На кит. яз.) С. 287.
8. Китай в 1996-1997 гг... (На кит. яз.) С. 27.
9. Вэй Хоукай, Лю Кай, Чжоу Миньян, Ян Дали, Ху Усянь. Развитие регионов Китая - Экономический рост, институциональные изменения, региональные различия. (На кит. яз.) Пекин, 1997. С. 11, 160.
10. Цзинцзи жибао. 1997. 19 февраля.
11. Китай в 1996-1997 г... (На кит. яз.) С. 34.
12. Статистический ежегодник Китая 1997 (На кит. яз.) Пекин, 1997. С. 123.
13. См.: Чжунго синьси бао. 1993. 13 января.
14. Вэй Вэй, Ван Цзянь, Го Фанцин. Анализ сравнительных преимуществ регионов Китая. (На кит. яз.) Пекин, 1992. С. 282.
15. Вэй Вэй, Ван Цзянь, Го Фанцин. Анализ сравнительных преимуществ регионов Китая (На кит. яз.) Пекин, 1992. С. 283; Leroy Jin. Monetary Policy and Financial Institutions in China, 1978-90. New York, 1994. P. 134.
16. Чжаньлюе юй гуаньли (Стратегия и управление) (На кит. яз.) Пекин, 1997. №. 4. С. 6..
17. Вэй Хоукай, Лю Кай... Цит. соч. С. 157, 159.
18. Расчет по данным: Финансовый ежегодник Китая 1995. Пекин, 1995. С. 416, 373, 375, 347.
19. Провинция Ляонин в 1996-1997 гг.: анализ и прогноз экономической и социальной ситуации (На кит. яз.) Шэньян, 1997. С. 368.

Политика КНР на Корейском полуострове и отношения между Китаем и Республикой Корея

© 1998

Пак Ду Бок

1. О политике КНР в отношении Корейского полуострова

На базе обмена визитами на высшем уровне в 1995 г. между Республикой Корея и Китаем отношения двух стран обрели заметное развитие как в качественном, так и в количественном отношении.

После установления дипломатических отношений между Республикой Корея и Китаем их контакты какое-то время находились под гнетом серьезной несбалансированности в экономической сфере. В последнее время это явление, пусть медленно, но все же обрело тенденцию к улучшению. В этом находит свое выражение стремление обеих сторон к качественному изменению своих взаимоотношений. Вместе с тем можно также видеть желание Китая устранить элемент неравновесия в отношениях с Республикой Корея, чтобы в результате его политика на Корейском полуострове развивалась в направлении партнерства.

Причина серьезной несбалансированности в отношениях двух стран заключалась в том, что в результате сохранявшейся долгие годы враждебности требовался известный переходный период. Кроме того, оказывали свое влияние политическая ситуация в Китае, а также особые союзнические отношения между КНР и Северной Кореей. Поэтому только в последнее время отношения КНР и Республикой Корея из экономической сферы начали распространяться на сферу политики и безопасности, и дала о себе знать тенденция к устранению несбалансированности. Это говорит о том, что влияние переходного характера, а также структурных факторов, мешавших гармоничному развитию отношений между двумя странами, постепенно ослабевало.

Премьер китайского правительства Ли Пэн заявил в ноябре 1994 г. во время визита в Республику Корея, что в вопросе об отношениях между Северной и Южной Кореей Китай основывается на принципах независимости и самостоятельности и не исходит из идеологических или социальных критериев. Как подчеркнул премьер Ли Пэн, в своей политике на Корейском полуострове Китай твердо придерживается внешнеполитических принципов независимости и самостоятельности, отвергая концепцию лагерей (восточного и западного) и влияния идеологии. Очевидно, что в этом видно стремление Китая добиваться полной свободы его политики на Корейском полуострове от идеологического воздействия и наследия Мао Цзэдуна. Такого рода тенденция имеет решающее значение в процессе преобразования Китаем его особых отношений с Северной Кореей, зиждившихся на революционных и идеологиче-

ских основах (кровный союз), и превращения их в нормальные межгосударственные отношения, базирующиеся на интересах этих стран и взаимном благоприятствовании. В результате устраняются препятствия на пути развития уравновешенных связей между Республикой Корея и Китаем.

Особенно примечательным является то обстоятельство, что подчеркивание в китайской политике на Корейском полуострове принципа независимости и самостоятельности означает серьезное изменение в значимости и статусе фактора Северной Кореи, игравшего до недавних пор решающую роль в процессе определения политики КНР на Корейском полуострове. Это можно видеть в отнюдь не полном совпадении нынешних интересов и позиций КНР и Северной Кореи по проблеме Корейского полуострова. Трещина между ними постепенно расширяется.

Однако подвижки в характере отношений между Китаем и Северной Кореей свидетельствуют лишь о снижении важности связки революции и идеологии как основы отношений между КНР и Северной Кореей, но отнюдь не означают, что исчезает или сокращается заинтересованность Китая в Северной Корее. Невзирая на изменения характера их связей, по-прежнему сохраняют свою важность геополитические интересы в отношениях между КНР и Северной Кореей. Кроме того, отнюдь не исключается и возможность того, что значение этого фактора даже еще более возрастет вслед за грядущими переменами в структурном устройстве региона Северо-Восточной Азии. После посещения президентом Тайваня Ли Дэньхуэем США в 1995 г. фактически ухудшились американо-китайские отношения, что привело к новой актуализации стратегического внимания и заинтересованности Китая в Северной Корее. Особенно знаменательно, что решающее значение для повышения стратегической важности Северной Кореи для КНР явилась происшедшая одновременно с осложнением американо-китайских отношений активизация политики внедрения США в Северную Корею.

В условиях, когда в результате ухудшения американо-китайских отношений антиамериканские настроения в китайском обществе усилились, политика активного вмешательства США в китайские дела могла интерпретироваться лишь как блокада Китая, а активное стремление Соединенных Штатов улучшить их отношения с Северной Кореей, также рассматривалось главным звеном той же политике блокады Китая. В то же время активизация политики США в отношении Северной Кореи и усиление стратегической заинтересованности в ней со стороны КНР в будущем также становятся фактором, провоцирующим конкуренцию США и КНР за влияние на Северную Корею. При этом особенно важно, что в Китае, возможно, осознали, что в долгосрочном плане в этой конкуренции не исключен вариант, при котором для него сложится неблагоприятная ситуация. Причина этого состоит в том, что Северная Корея отказалась от политики одностороннего склонения к социализму и ради проведения всесторонней политики не может не пойти на прорыв в отношениях с США и, следовательно, может поставить улучшение этих отношений на приоритетное место в своей внешней политике. Однако отстаивание абсолютного превосходства и влияния Китая в Северной Корее играет определяющую роль в обеспечении поля маневрирования для КНР на Корейском полуострове и даже во всей Северо-Восточной Азии. В предстоящей конкуренции США и Китая за Северную Корею, если бы Китай оказался вытесненным, то он не только утратил бы свои ведущие позиции в этом регионе, но и оказался перед угрозой остаться в пассивном положении. Поэтому Китай сохраняет заинтересованность продолжать обеспечивать свои стратегические позиции в Северной Корее. В последнее время КНР усилила обмены людьми с Северной Кореей, направляла туда с визитом бэйхайскую военно-морскую эскадру, увеличила экономическую поддержку Пхеньяну в соответствии с научно-техническим соглашением между КНР и Северной Кореей. Кроме того, Китай пока сохраняет действие принципа расчетов в твердой валюте за поставки товаров, провозглашенный в 1992 г., в экономических обменах между

КНР и Северной Кореей. Все это можно понять, принимая во внимание вышеупомянутые соображения.

Стратегическая заинтересованность Китая в Северной Корее и укрепление важных связей с ней будут лимитировать его возможности оказывать давление на Пхеньян и ограничивать сферу деятельности КНР в вопросах, затрагивающих Корейский полуостров. Особенно неблагоприятно это будет отражаться на необходимости устранения несбалансированности в южнокорейско-китайских отношениях. Но этим дело не ограничивается. Стратегическая заинтересованность Китая в Северной Корее ведет к тому, что не следует ожидать позитивных действий КНР, направленных на аннулирование китайско-северокорейского договора о союзе, чтобы демонтировать структуры холодной войны на Корейском полуострове.

2. Положение в сфере экономического сотрудничества и направления его развития между Республикой Корея и Китаем

В 1997 г. КНР и Республика Корея отметили пятую годовщину официального установления дипломатических отношений между ними. В этот период двусторонняя торговля развивалась быстрыми темпами, давая среднегодовой прирост 40%. После США и Японии Китай стал третьим крупнейшим торговым партнером Республики Корея. В 1996 г. торговый оборот между двумя странами достиг 19,85 млрд. ам. долл., увеличившись более чем втрое по сравнению с 1992 г., когда были установлены дипотношения. В последнее время структура торговли между двумя странами приобрела тенденцию к многообразию, поэтому можно предвидеть, что объем двусторонней торговли будет продолжать расти.

За исключением 1993 г., когда в торговле Республики Корея с Китаем существовал дефицит в 2,2 млрд. долл., Республика Корея постоянно имеет положительное сальдо в торговле с КНР. В 1996 г. оно достигло 2,99 млрд. долл., что на 72% превысило уровень 1995 г. Поэтому вопрос о несбалансированности торговли в процессе урегулирования экономических отношений стал проблемой, ждущей обязательного разрешения. Вместе с тем заслуживает внимания, что по большей части китайский дефицит в торговле с Республикой Корея образовался в результате импорта сырья, необходимого для функционирования предприятий КНР с корейскими инвестициями, а объем экспорта продукции этих предприятий в третьи страны уже достиг 5 млрд. долл. Следует подчеркнуть, что если в прошлом южнокорейские инвестиции в Китае, направлявшиеся главным образом в легкую промышленность и отличавшиеся небольшими объемами, то теперь они постепенно становятся более разнообразными, а их объемы непрерывно растут. По предварительным данным, к 2000 г. корейские предприятия будут закупать в КНР или реэкспортировать продукцию на 15 млрд. долл. В долгосрочном плане можно надеяться, что благодаря действию механизма различных производственных структур двух стран, постепенно будет расти сбалансированность в торговле, которая уступит место несбалансированности. Эта проблема не так уж сложна.

С конца 1996 г. по 1997 г. прямые капиталовложения Республики Корея в 2900 объектов в Китае составили 2,72 млрд. долл. (контрактные инвестиции в 3875 объектов общим объемом в 4,62 млрд. долл.). За один только 1996 год количество объектов возросло на 876, а капвложения на 1,57 млрд. долл. Поэтому Китай вышел на первое место по количеству объектов корейских инвестиций, а по объему инвестиций уступает лишь Соединенным Штатам Америки. До настоящего времени инвестиции Республики Корея в Китае направлялись в большинстве случаев в малоконкурентоспособные мелкие и средние объекты со значительными трудовыми ресурсами, главной продукцией которых являются текстиль, одежда, обувь, шерстяные изделия, продовольствие. Они расположены в провинции Шаньдун, городе Тяньцзинь и трех провинциях Северо-Востока КНР. Однако в последнее время совершается по-

ворот в направлении к крупномасштабным инвестициям в крупные технику и капиталоемкие предприятия. Из этого видно, что вполне реальные инвестиции в химическую промышленность, электронику, информатику, машиностроение, атомную энергетику, к чему питают интерес в Китае. Вот почему в китайской политике по привлечению иностранных инвестиций постепенно будет происходить поворот от региональных к отраслевым предпочтениям, особенно это, по-видимому, будет касаться предпочтений для передовых технологий, сельского хозяйства, капитального оборудования. Поэтому Республика Корея должна усиливать экономическое сотрудничество, соединяя свой капитал и технологии с производственной политикой Китая.

Экономические обмены между двумя странами, как можно надеяться, будут продолжать расширяться и углубляться на базе взаимной хозяйственной дополняемости. Это означает, что обе страны будут наполнять жизнью двусторонние экономические обмены, исходя из принципа взаимодополняемости в области минеральных ресурсов и производственных структур, шаг за шагом устраняя известные различия и мобилизуя возможности географической и культурной близости двух стран. По мере продолжающегося экономического роста в Китае весьма возможно полное устранение или же замедление действия тормозящих факторов в двустороннем экономическом сотрудничестве. Оно будет возрастать по своим масштабам, многообразию и содержательности.

Преодолев этап расширения торговли и мелкомасштабных прямых капиталовложений, впредь предусматривается оказание содействия производственному сотрудничеству в таких обширных областях, как крупномасштабные прямые инвестиции, внедрение технологий, товарность капитального оборудования, совместное освоение рынков.

В более отдаленной перспективе углубление экономического сотрудничества между Республикой Корея и Китаем, которым принадлежит значительный удельный вес в мировой экономике, будет оказывать серьезное воздействие на формирование производства в хозяйственном кольце Северо-Восточной Азии. В настоящее время взаимодополняемость между странами этого региона в области ресурсов и производственных структур весьма велика, высока и степень взаимозависимости в сфере торговли и инвестиций, а поэтому потенциал экономического сотрудничества здесь очень значителен. Однако в данном регионе еще нет официального органа, содействующего экономическому сотрудничеству, и отсутствует механизм многостороннего сотрудничества на правительственном уровне. В настоящее время лишь под эгидой UNDP осуществляется проект освоения Тумынган. Северная Корея одновременно занимается освоением передового района Раджин-Сонбон. На этих проектах проверяется, осуществимо ли сотрудничество стран Северо-Восточной Азии с различными политическими и экономическими системами. Поэтому для реализации указанных проектов требуется корейско-китайское взаимодействие. Однако Северная Корея чинит препятствия фирмам Республики Корея, желающим принять участие в работе комиссии по капиталовложениям в проект Раджин Сонбон, заняв не надлежащую для страны, куда вкладываются инвестиции, позицию. Подобное поведение Северной Кореи служит препятствием для формирования экономического кольца Северо-Восточной и даже Восточной Азии. Проект освоения района не может быть успешным без поступления японских инвестиций, в которых нуждается материк, и без американских стратегически необходимых инвестиций, а также без инвестиций фирм Республики Корея.

3. Сотрудничество между Кореей и КНР и направления его развития в политической сфере и в вопросах безопасности

Между Республикой Корея и КНР было проведено уже 6 встреч в верхах и 18 конференций министров иностранных дел. Кроме того, стороны

обменялись визитами премьеров и глав парламента, председателей Верховного суда и других высокопоставленных деятелей. В результате очень заметное развитие получили отношения двух стран в политической и дипломатической областях. Особенно показательным явилось разумное и справедливое решение китайского правительства в связи с бегством бывшего секретаря ЦК Трудовой партии Северной Кореи Хван Чжан Об 12 февраля 1997 г. В этом решении ярко отразился тот факт, что между Кореей и КНР сложилось тесное взаимодействие не только в экономической области, но и в сфере внешней политики. Сегодня необходимость сотрудничества между двумя государствами сильно возросла не только в целях обеспечения мира в Северо-Восточной Азии, но и для создания нового порядка в Восточной Азии после окончания холодной войны, налаживания регионального сотрудничества. Это особенно проявилось в том, что по мере новых изменений в корейско-американских отношениях отнюдь нельзя было исключать возможности появления противоречий и напряженности между соседними великими державами в связи с проблемой Корейского полуострова, а развитие подобной тенденции не могло бы не оказать негативного воздействия на стабильность в Северо-Восточной Азии. Поэтому Республика Корея и Китай, стремящиеся к взаимовыгодным отношениям и исключению конфликта интересов, должны как никогда раньше укреплять сотрудничество в политической сфере и в вопросах безопасности. В последнее время между ними установлен механизм диалога и обмена в руководящей страте и заложена база для всестороннего развития отношений сотрудничества, включая область политики и безопасности. Однако нынешнее развитие отношений двух стран в этой области может испытывать сильное влияние со стороны целого ряда факторов, например, ухудшения отношений между США и Китаем, проявлений конкурентной борьбы между ними за влияние на Северную Корею и пр. или же развития внутренней ситуации в Республике Корея и Китае. В этой связи в Республике Корея чрезвычайно внимательно следят за внутриполитическим положением в Китае после недавней кончины Дэн Сяопина и проявляют глубокую озабоченность по вопросу о том, подвергнутся ли корейско-китайские отношения и политика КНР на Корейском полуострове воздействию со стороны китайско-американских отношений и других внешних факторов.

Это тем более важно учитывать, что в последнее время режим в Северной Корее переживает кризис, а китайско-американские отношения осложнились, что привело к усилению стратегической заинтересованности Китая в Северной Корее. Данное обстоятельство не благоприятствует развитию корейско-китайского сотрудничества в сфере политики и безопасности, а также углублению позитивной роли КНР в решении проблемы Корейского полуострова.

Данный феномен уже полностью проявил себя в политике и позиции Китая в вопросах об установлении мира на Корейском полуострове, устранении здесь элементов холодной войны, обеспечении открытости северокорейского режима.

Государственные интересы Республики Корея и Китая наиболее значимая общая идея сохранения мира. Национальная объединяет первостепенной важности для Республики Корея является обеспечение мирной жизни и мирного объединения Корейского полуострова. А если говорить о развитии вперед дела модернизации в Китае, то и для этого мир на Корейском полуострове является чрезвычайно важным национальным интересом КНР. Однако ее политику на Корейском полуострове отделяет дистанция от того, на что мы рассчитываем, и она вряд ли может считаться позитивной. Дело в том, что в Китае настаивают на необходимости прекращения военных действий до тех пор, пока не будет заключено соглашение о мире на Корейском полуострове. Но одновременно в КНР не предпринимают эффективных мер в связи с нарушениями Северной Кореей соглашения о прекращении военных действий. В Ки-

тае обошли молчанием и даже заняли позицию стороннего наблюдателя во время инцидента с северокорейской подводной лодкой, который имел место в 1996 г. Это тем более трудно объяснить, учитывая, что указанный инцидент явился серьезным вызовом безопасности для этого региона, в том числе для Корейского полуострова и Китая. Из этого видно, что позиция, занятая Китаем, никак не может считаться отвечающей интересам решения проблемы обеспечения мира на Корейском полуострове.

Кроме того, китайская позиция в вопросе о четырехсторонней конференции, поставленном Республикой Корея и США в связи с необходимостью обеспечения мира на Корейском полуострове, также совсем не такая, на которую мы рассчитывали.

На первый взгляд в Китае в целом одобрительно относятся к идее проведения четырехсторонней конференции, поскольку там первыми пришли к заключению, что на Корейском полуострове созрели исторические условия для замены системы прекращения военных действий системой мира. Кроме того, предложение о четырехсторонней конференции в основном совпадает с позицией китайской стороны относительно участников заключения соглашения о мире. Однако же ее подход к четырехсторонней конференции, по всем признакам, чрезвычайно негативен, Китай постоянно занимает позицию стороннего наблюдателя. Прежде всего в Китае постоянно уходят от формального прояснения своей позиции в отношении четырехсторонней конференции. Пока этого не делают в Северной Корее, Пекин, в частности, заявляет следующее: поскольку-де в Северной Корее еще идет обсуждение данного вопроса, Китай воздерживается от официального изложения своей позиции до того, как официально объявит свою позицию Северная Корея, такой подход, по мнению Пекина, благоприятствует созданию атмосферы для проведения четырехсторонней конференции.

В Китае считают, что если он объявит о своей позиции раньше Северной Корее, то это, возможно, будет выглядеть как оказание на нее давления и нельзя в этом случае исключать, что северокорейцы могут отреагировать наперекор китайской позиции. Этот китайский метод, как нам представляется, играет очень большую роль.

Нельзя не отметить, что подобная позиция Китая в вопросе об успешном проведении четырехсторонней конференции, призванной содействовать созданию на Корейском полуострове системы мира, на самом деле является не "конструктивной", а весьма и весьма негативной и пассивной. Ведь для того, чтобы играть более позитивную и конструктивную роль в период обсуждений этого вопроса в Северной Корее, следует оказывать на нее активное воздействие. Иными словами, когда в Северной Корее совещаются по этой проблеме, Китай должен бы ясно заявить о своей платформе и занять более активную позицию для оказания влияния на принятие решения Северной Кореей. По всем признакам, внутренний кризис в Северной Корее, ухудшение китайско-американских отношений и вызванное этим усиление стратегического подхода КНР к Северной Корее, видимо, стали причиной того, что Китаю затруднительно сыграть позитивную роль по проблеме утверждения мира на Корейском полуострове.

Республике Корея и Китаю вместе предстоит решать еще очень много внешнеполитических проблем.

Прежде всего о реформах и открытости в Северной Корее. Проведение там политики реформ и открытости в конечном счете тесно связано не только с выживанием северокорейского режима, но и с утверждением стабильности в Северо-Восточной Азии и системы регионального сотрудничества. Поэтому от Китая ожидается, что он сыграет в этом вопросе активную роль. Китай, в частности, просто обязан направить Северной Корее позитивный сигнал: в условиях, когда в мировой экономике быстро распространяется тенденция к открытости, чем быстрее Северная Корея откроет свои двери, тем лучше.

Вместе с вопросом об открытости Северной Кореи на Китай возлагается надежда и в связи с еще одной проблемой - проблемой беженцев из Северной Кореи. Данная проблема - и политическая, и вместе с тем затрагивает права человека. В настоящее время в Китае ведут беспокойную жизнь 1500 северокорейских беженцев, поскольку согласно заключенному между КНР и Северной Кореей соглашению о выдаче преступников в случае, если Пхеньян потребует, эти люди в любой момент могут быть задержаны. Кроме того, в Китае недавно был обнародован исправленный уголовный кодекс, который официально установил положения, чреватые непосредственной угрозой беженцам. Среди покинувших Северную Корею, кроме таких отъявленных преступников, как убийцы и грабители, имеются и люди, ставшие беженцами из-за жизненных невзгод и недовольства существующим строем. Таких следует защищать из гуманитарных соображений. Как недавно сообщалось, принимая меры в связи с притоком в страну большого количества беженцев из Северной Кореи, Китай создал пункты по их приему. В будущем в случае возникновения проблемы с наплывом беженцев между Республикой Корея и Китаем необходимо проводить исчерпывающие предварительные консультации и выработку реактивных мер.

Кроме того, проблемой, требующей срочного разрешения, стала также нормализация связей в неполитической сфере между Республикой Корея и Тайванем. После установления корейско-китайских дипломатических отношений эту проблему оказалось невозможно вывести из крайне неблагоприятной ситуации. В связи с возникшим недавно вопросом о намерении Тайваня вывезти свои ядерные отходы в Северную Корею произошло резкое ухудшение отношений между Республикой Корея и Тайванем, и это, можно сказать, получило очень большой резонанс. Данный инцидент, возникший по причине экономических трудностей Северной Кореи и острой необходимости для Тайваня в вывозе его ядерных отходов за пределы острова, как нам кажется, обусловлен и более глубокими политическими замыслами со стороны Тайваня. Если это ухудшение корейско-тайваньских отношений не будет преодолено, аналогичные эксцессы могут возникнуть вновь и вновь. Из-за этого пекинской политике "единого Китая" был бы брошен серьезный вызов. Следовательно, нормализация отношений между Республикой Корея и Тайванем в неполитической сфере в конечном итоге явилась бы наиболее эффективным средством помешать стремлениям Тайваня осуществлять на Корейском полуострове концепцию "одна страна, два района". Республика Корея и КНР очень нуждаются в достижении общего понимания в этом вопросе.

Для предотвращения переброски тайваньских ядерных отходов в Северную Корею мы ожидаем, что Китай поведет себя более активно в отношении Северной Кореи и Тайваня. Контакты между Республикой Корея и Тайванем серьезно осложнились, при этом существует и известная специфика в отношениях между Южной и Северной Кореей. В таких условиях у Республики Корея чрезвычайно ограничены возможности, и она мало что в состоянии предпринять, чтобы предотвратить напряженность и дальнейшие осложнения. Правда, жесткая позиция тайваньской стороны в этом вопросе в последнее время в какой-то степени изменилась к лучшему и стала более гибкой. Однако мы озабочены тем, как конкретно отреагирует китайская сторона и в каком направлении она пойдет, если Тайвань настаит на переброске своих ядерных отходов в Северную Корею.

Далее, в последнее время важная проблема, ждущая своего разрешения в корейско-китайских отношениях, возникла из-за многочисленных случаев мошенничества со стороны китайских корейцев.

Еще одна проблема. После нормализации отношений между Республикой Корея и Китаем и по мере развития контактов между Республикой Корея и сообществом корейцев, проживающих в КНР, и резкой активизации обменов китайское правительство, считая этих корейцев гражданами КНР, стало демонстрировать признаки того, что у него возникли опасения в связи с их

колебаниями в вопросе лояльности или взглядов на страну проживания. В Китае опасаются, что среди китайских корейцев распространяются просеульские настроения и национализм. В Республике Корея исходят из того, что по происхождению эти люди принадлежат к одной (что и народ Республики Корея) нации, но они безусловно являются гражданами Китайской Народной Республики. Основываясь на этом, Республика Корея юридически причисляет их к иностранцам, вместе с тем выражая надежду, что они будут той национальной средой, которая как следует интегрируется в Китае, и именно ради этого Сеул ищет с ними связь и оказывает им поддержку.

В ходе широких обменов людьми между Республикой Корея и сообществом китайских корейцев различия в культуре, духовных ценностях и другие сложные факторы, порожденные неодинаковыми общественным устройством и условиями жизни в двух странах, приводят к быстрому ухудшению отношения и чувств китайских корейцев к Республике Корея и ее жителям. Дело доходит до того, что у части корейской общины в КНР это выливается во враждебные проявления в отношении Республики Корея и ее граждан, а личная безопасность последних во время посещения этих районов подвергается серьезным угрозам.

Поэтому Республике Корея и Китаю следует прилагать усилия для укрепления сотрудничества и выправления превратных представлений китайских корейцев о Республике Корея и обеспечивать личную безопасность ее граждан, посещающих районы проживания корейцев в Китае. Вот почему Республика Корея и Китай в качестве минимальных мер и организационного обеспечения личной безопасности граждан Республики Корея, приезжающих с визитами в КНР, должны договориться об учреждении в этом районе корейского генерального консульства. Эта мера преследует цель не только обеспечения личной безопасности граждан Республики Корея в этом районе, но и призвана внести вклад в коррекцию неправильных представлений и позиции китайских корейцев в отношении Республики Корея и ее жителей, в развитие между обеими странами здоровых отношений и содействие южнокорейским предприятиям в их продвижении в этот район. Однако правительство КНР, кажется, до сегодняшнего времени ведет себя весьма пассивно и занимает отрицательную позицию в вопросе об учреждении генерального консульства Республики Корея в Шэньяне. По-видимому, его беспокоит целый комплекс политических проблем и, в частности, как бы в результате этого шага районы Северо-Восточного Китая не установили особых отношений с Кореей, существовавшие долгое время в прошлом, и как бы не породить подозрительность Северной Кореи, а также не обострить проблему корейского меньшинства в КНР.

Однако правительство КНР должно занять более позитивную позицию по вопросу об учреждении генерального консульства Республики Корея, что рассматривается как решающая мера в целях обеспечения личной безопасности граждан Республики Корея, посещающих различные районы Китая. Китайской стороне следует смотреть вперед, имея в виду, что открытие корейского генерального консульства не только помогло бы оздоровлению отношений между Республикой Корея и корейским сообществом в КНР, но и развитию корейцев - граждан Китая как здорового национального меньшинства в пределах этого государства. Сейчас настало время для решения этого вопроса.

Япония: курс на структурные реформы

© 1998

А.Сенаторов

Прошло более полувека с того времени, как в Японии в процессе глубоких демократических реформ был ликвидирован тоталитарный императорский режим и заложен фундамент для развития страны по пути мира и прогресса.

Наделение представительных органов реальными полномочиями, демократический порядок избрания главы исполнительной власти парламентом, установление коллективной ответственности правительства перед парламентом, развитие местного самоуправления, свобода деятельности политических и общественных организаций, демократизация образования и средств массовой информации - все это способствовало активному проявлению энергии и творческих возможностей японского народа. В то же время сохранялась высокая степень концентрации власти в руках центрального правительства, а общий объем и сферы государственного регулирования оставались значительно большими, чем в передовых странах Европы и в США. Такая особенность системы государственного управления отвечала стоящим перед Японией задачам сначала восстановления разрушенного и деформированного войной народного хозяйства, а затем организации мощного экономического подъема.

Во взаимодействии с парламентом правительство разрабатывало стратегию и направления хозяйственного развития, добиваясь его соответствия общим тенденциям и конъюнктуре мировой экономики, определяло приоритетные отрасли экономики и способы их поощрения, создавало благоприятные условия для отечественных промышленности и сельского хозяйства, всемерно содействовало расширению экспорта и т.д. Большой объем работы государственные органы выполняли в социальной сфере, начиная с регулирования трудовых отношений до решения многочисленных проблем социального обеспечения, образования и т.п. Это способствовало росту материального и культурного уровня жизни практически всех слоев населения, препятствовало перекосам в распределении общественного богатства, создавая тем самым и необходимый фон для политической стабильности.

Долгое время нынешняя система государственного управления не вызывала особого беспокойства основной массы населения Японии, а за ее пределами чаще всего рассматривалась как важный фактор феноменальных достижений японской экономики. Однако сегодня в Японии господствуют иные взгляды.

"Начиная с первых послевоенных лет и до сих пор, - пишет К. Омаэ, - бюрократический механизм Японии успешно работает, поощряя развитие эко-

номики. Но то, что в нем десять лет ранее считалось плюсом, в последнее время оказывается минусом”¹.

Нередко нынешнее государственное вмешательство в экономику и другие области жизни страны ассоциируется даже с “системой мобилизации на войну”, установившейся в 1940-е годы в императорской Японии. Сегодняшняя Япония характеризуется как государство со “сплошным регулированием, делающим невозможным нормальную работу рыночного механизма”².

Разительный переход к такого рода отрицательным оценкам объясняется воздействием многих факторов внутреннего и международного плана. Всепроницающее вмешательство правительственных чиновников в разные стороны жизни общества, бюрократизация государственного управления становились все более несовместимыми с другой тенденцией - укоренением демократического сознания, стремлением к самостоятельному, без посредства государства, решению возникающих проблем гражданского общества между его субъектами. Это проявилось, в особенности, в том, что органы местного самоуправления стали тяготиться назойливой опекой со стороны правительственных учреждений, большой зависимостью, в том числе финансовой, от центра.

При поражающем изменении облика японской экономики, за послевоенный период гигантски разросшейся и чрезвычайно усложнившейся по своей структуре, становилось ясно, что государственное регулирование в его всепроникающем виде уже не может быть рациональным. Тем более, что на первый план выходит не простое наращивание производства, а повышение “качества жизни”, удовлетворение ставших несравненно более многообразными запросов потребителей. От персонала государственных учреждений в такой обстановке трудно требовать принятия оперативных и безошибочных решений. С другой стороны, утвердилось в основном цивилизованное, хотя и не без исключений, рыночное хозяйствование. Главное же, деловой мир, а также органы местного самоуправления в своем большинстве уже подготовлены к тому, чтобы успешно действовать под собственную ответственность.

Япония, если она хочет сохранить свои передовые позиции, по мере интернационализации мировой экономики должна срочно адаптироваться к новым международным условиям и тенденциям. Укрепившимся на международных рынках японским предприятиям отвечает либерализация внешней торговли, снятие барьеров, мешающих свободному перемещению капиталов. Защита же отечественных предпринимателей государственным протекционизмом оборачивается жесткими ответными мерами иностранных государств. Тепличные условия, создаваемые правительством для отдельных отраслей или слоев предпринимателей снижают волю бизнесменов к проявлению инициативы, совершенствованию производства, повышению его эффективности, а с другой стороны, делают непосильным бремя, которое ложится на другие предприятия, открытые для ожесточающейся международной конкуренции.

Помимо того, становится уже невозможным не реагировать на требования партнеров по внешнеэкономическим связям, особенно со стороны США, полностью открыть японские внутренние рынки. На торгово-экономических переговорах дело дошло до прямых настояний американцев обратиться к “структурным переменам”.

Замедление темпов экономического роста, вступление в периоды застоя, недавние катастрофические последствия “экономики мыльного пузыря”, иначе говоря финансовых спекуляций, надвигающиеся финансовые трудности, связанные с быстрым “старением населения”, еще один важный фактор, заставляющий японцев думать, что им следует менять для оживления экономики, повышения ее способности преодолевать внутренние критические ситу-

ации, для сохранения высокой конкурентоспособности на международных рынках.

Наконец, поворот общественного сознания в Японии в сторону признания необходимости каких-то крупных перемен, чтобы обеспечить ее "выживание" в новых внутренних и международных условиях, происходил под сильным воздействием неолиберальных идей американских теоретиков. Суть неолиберализма, или экономического либерализма состоит в первую очередь в почти безусловной вере в всемогущество рыночного механизма, в критике кейнсианского государственного вмешательства, регулирования экономических процессов. На практике неолиберальные теории, как известно, легли в основу рейганомики и тэтчеризма, либеральных реформ некоторых других стран с акцентом на дерегуляцию и приватизацию.

Отзвуком неолиберальной волны в Японии стала в 1980-е годы административно-финансовая реформа при правлении кабинета Я. Накасонэ. В то время реформа встретила сильное сопротивление, хотя и была довольно ограниченной. Главный ее результат - в приватизации ряда предприятий общественного сектора, начиная с государственных железных дорог неэффективная, убыточная работа которых ложилась тяжелым грузом на государственные финансы.

В последующие годы критика системы японского государственного управления непрерывно нарастала как внутри страны, так и извне. Дальнейшее распространение получили идеи неолиберализма, чему способствовали развал Советского Союза, события в странах Восточной Европы, воспринятые как доказательство несостоятельности централизованно планируемой экономики и превосходства свободной рыночной экономики. В Японии заговорили об опасности отставания от других стран в проведении либеральных реформ.

Неотложность реформирования по разным причинам признавалась и в правящей Либерально-демократической партии, и в оппозиционных партиях. Это наглядно проявилось, например, в единодушном принятии парламентом летом 1993 г. постановления, требующего расширения полномочий органов местного самоуправления, "исправления методов администрирования из центра".

Потеря либерал-демократами в том же году большинства в парламенте и переход к формированию правительств на коалиционной основе ускорили поворот к практическим шагам по реформированию, главным содержанием которого стала признаваться административная реформа.

При семипартийном правительстве во главе с М.Хосокава началась разработка планов смягчения регулирования, а при правительствах трехпартийной коалиции (социалисты, либерал-демократы и небольшая партия Сакигакаэ) административная реформа получила законодательное и организационное оформление. При кабинете Т.Мураяма парламент принял Закон об учреждении Комитета административной реформы, своего рода "третьего органа", призванного наблюдать за ходом реформы и обладающего правом соответствующих обследований и рекомендаций премьер-министру, к которым он должен относиться "с уважением". В декабре 1994 г. такой комитет был образован, а в марте 1995 г. правительство приняло пятилетний план дерегуляции. В мае 1995 г. парламент принимает закон о децентрализации, в котором определены основные параметры работы по расширению прав местных органов самоуправления и укреплению их независимости от центра. По аналогии с Комитетом административной реформы учреждается Комитет продвижения децентрализации.

Решимость к осуществлению широкомасштабных реформ укрепилась после выборов палаты представителей в октябре 1996 г. по новой избиратель-

ной системе³. Либерал-демократы восстановили свое лидерство в парламенте и при внешней поддержке потерпевших поражение и резко ослабленных Социал-демократической партии и Сакигакэ сформировали однопартийное правительство. В январе 1997 г. премьер-министр Р.Хасимото объявил курс на одновременное проведение "шести реформ", то есть продолжение административной реформы и осуществление реформ структуры финансов, системы денежного обращения, экономической структуры, социального обеспечения, образования. Намерение правительства твердо идти по заявленному курсу Р.Хасимото выразил еще раз в сентябре 1997 г. после реорганизации состава кабинета министров.

Кратко рассмотрим цели и конкретное содержание каждой из намеченных реформ, которые согласно правительственным планам, должны в основном завершиться к 21-му веку.

Административная реформа рассматривается правительством как центральная и приоритетная. В декабре 1996 г. прежняя ее программа пересмотрена и значительно расширена. В дополнение к Комитету административной реформы Р.Хасимото собственным распоряжением учредил Совет административной реформы, который возглавил лично. Задачей совета названо изучение "нового видения государственных функций, адекватных 21-му веку" и на этой основе подготовка плана реорганизации правительственной структуры.

Девиз реформы, провозглашенный кабинетом Хасимото, "осуществление управления в интересах народа через построение стройной, работающей по правилам, открытой администрации". Составители программы административной реформы подчеркивают, что в результате реформы администрация должна стать простой и эффективной, отвечающей новой эпохе, уважительно относящейся к народному суверенитету, открытой для народа и заслуживающей его доверия; предоставляющей народу высококачественное обслуживание⁴. Тем самым правительство стремится показать соответствие реформы общенародным интересам, отличие своей программы от прежнего как бы приземленного акцента на дерегуляцию, приватизацию и децентрализацию. В число основных задач реформы включены реорганизация центральных министерств и управлений, упрощение государственного аппарата в целом и открытость его работы, повышение качества административных услуг.

Вместе с тем очевидно, что основной смысл реформы правительство, как и прежде, видит в масштабной дерегуляции, продолжении приватизации и довольно ограниченной децентрализации. Как заявил в парламенте Р. Хасимото, его кабинет ведет комплексное, не оставляющее запретных мест, изучение возможностей, во-первых, отмены вмешательства государства и органов местного самоуправления в экономический процесс нынешними методами административного регулирования, во-вторых, передачи в частное ведение тех сфер обслуживания, которые сейчас входят в общественный сектор, и в-третьих, передачи от государства на места тех дел, где требуется административное вмешательство⁵.

Наибольший объем работы в рамках административной реформы приходится на дерегуляцию (японцы используют термин "*кисэй канна*", означающий буквально "смягчение регулирования"). Критики "бюрократической системы" неустанно напоминают, что почти половина (42%) производства товаров и услуг в Японии подлежат какой-либо регламентации, тогда как этот показатель в США снижен до 7%. До начала административной реформы уже существовало мнение о желательности отмены около 10 тысяч случаев регу-

лирования (запреты, ограничения, лицензирование и т.п.) из 11,4 тыс., закрепленных разными законодательными актами и правительственными указами.

Еще осенью 1993 г. глава первого коалиционного правительства М.Хосокава получил от сформированного по его указанию Комитета исследования экономических реформ (руководитель - председатель Федерации экономических организаций Г.Хираива) рекомендацию приступить к широкомасштабному отказу от административного регулирования не только в экономике, но и в других сферах. С этого времени списки подлежащих пересмотру разных видов регулирования непрерывно расширяются, в том числе по требованию предпринимательских организаций, затрагивая трудовое законодательство и даже меры, направленные на защиту окружающей среды.

Создается впечатление, что правительство в основном одобряет тот подход к дерегуляции, который исходит от деловых кругов. Р. Хасимото заявил, что в планировании дерегуляции его кабинет будет ориентироваться в первую очередь на отмену экономического регулирования⁸.

Парламент становится полем острого столкновения мнений по предлагаемому правительством многочисленным поправкам к существующим законам.

Что касается приватизации, то значительные резервы дальнейшего ее проведения находятся в процессе тщательной ревизии деятельности "особых юридических лиц", то есть предприятий и учреждений с правительственными капиталовложениями, созданных в разное время специальными законами, в которых им предписано достижение той или иной общественной цели.

В децентрализации практические результаты пока невелики. Упомянувшемуся выше Комитету продвижение децентрализации потребовалось более двух лет, чтобы завершить конкретизацию концепции расширения прав местного самоуправления, упрочения его независимости от центра. Теперь на основе рекомендаций комитета правительству предстоит к середине 1998 г. составить детальный план осуществления предлагаемых мер.

Очевидно, что существенной децентрализации, тем более радикальных перемен в сторону перехода чуть ли не к "федеративной" системе, а такие предложения в Японии иногда раздавались, ожидать не приходится. Судя по окончательным рекомендациям Комитета продвижения децентрализации, а также по Программе административной реформы, двухзвенное построение местного самоуправления (префектуры и первичные единицы - города, поселки, деревни) остается неизменной, а основные перемены произойдут в следующем:

- органам местного самоуправления будут полностью переданы те государственные функции, которые они и ранее выполняли, но по поручению и под строгим контролем правительственных учреждений (в префектурах исполнение поручений центра составляет около 80% всего объема работы их администрации);

- органы местного самоуправления получают право на самостоятельное принятие решений по городскому (поселковому, деревенскому) строительству, в котором они до сих пор были связаны необходимостью получения разрешений от центра и многочисленных согласований с ним;

- несколько расширится финансовая самостоятельность местного самоуправления (большой выбор местных налогов, отмена порядка получения разрешений на займы и т.п., другие меры при осуществлении налоговой реформы);

- правительство будет всемерно поощрять слияние городов, поселков, деревень, полагая, что их укрупнение расширит возможности самостоятельного, особенно с точки зрения финансирования, решения проблем местного значения.

Важным элементом административной реформы рассматривается **реорганизация правительственной структуры**. Согласно разработанной Советом административной реформы концепции, одобренной в ноябре 1997 г., предлагается осуществить следующие перемены:

Во-первых, осуществить правовые и организационные меры с целью повысить руководящую роль премьер-министра в правительстве. А именно: пересмотреть соответствующие статьи закона о кабинете министров, расширить и укрепить аппарат помощников премьер-министра (создать его собственный "мозговой центр"), расширить и усилить функции тех подразделений кабинета, которые подотчетны непосредственно главе правительства.

Во-вторых, сократить число министерств и управлений почти вдвое, до одной канцелярии кабинета министров и 12 министерств и управлений. Нынешние 20 министерских должностей в основном сохранить, чтобы министры без портфеля по указанию премьер-министра могли использоваться для разработки перспективных направлений политики и решения актуальных проблем.

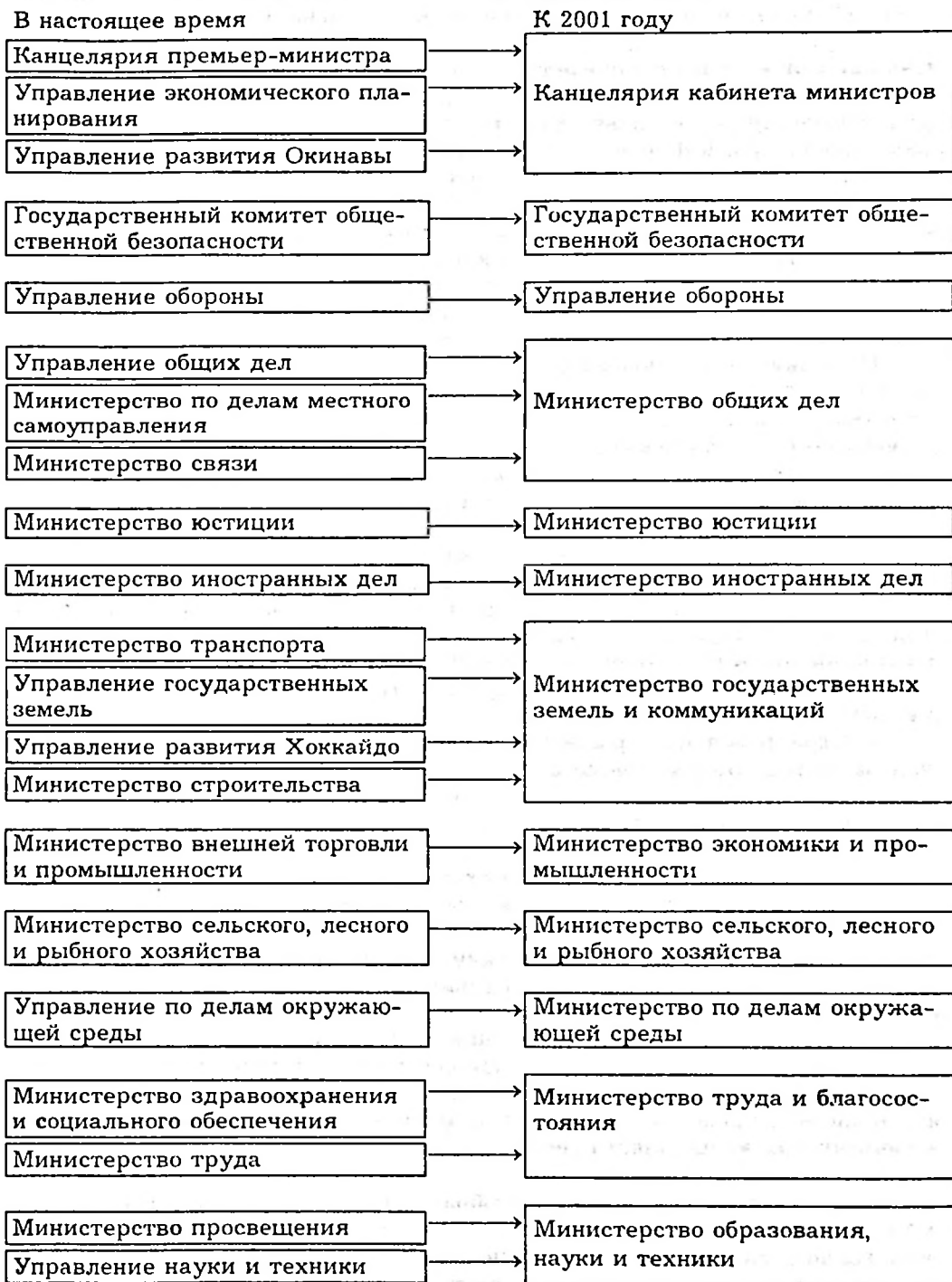
В новой структуре кабинета имеется в виду, как правило, исключить отраслевые министерства, реорганизация должна обеспечить комплексное и безопасное освоение государственной территории и ее ресурсов. Управление общих дел предлагается преобразовать в министерство, резко расширив его функции.

3 декабря 1997 г. Совет административной реформы представил окончательный доклад с предложениями о перестройке структуры кабинета министров (см. схему). Следующая ступень - подготовка правительственного законопроекта и, как ожидается, поступление его в парламент весной 1998 г. на рассмотрение.

Среди прочих элементов административной реформы отметим меры, направленные на упрощение и повышение эффективности работы администрации. К ним относится рационализация структур на разных уровнях, включая некоторое, не слишком масштабное сокращение штатов, усиление административного надзора и кадрового контроля, наведение более строгого порядка в расходовании денежных средств. Чтобы повысить народное доверие, предусматривается расширение открытости административной информации путем принятия специального закона. Намечена большая серия организационных и технических мер для повышения качества административных услуг, включая оперативную реакцию на обращение граждан⁷.

Реформа структуры финансов является для правительства Японии, пожалуй, самым важным и неотложным делом. В январе 1997 г. Р.Хасимото сообщил парламенту, что совокупный долг государства и органов местного самоуправления достиг 442 трлн. иен (в сентябре им же названа еще более крупная сумма долга - 476 трлн. иен). Глава правительства заявляет, что в условиях быстрого старения населения бремя громадного долга переложить на будущее поколение недопустимо⁸.

Схема плана реорганизации структуры кабинета министров

1997 финансовый год был объявлен "годом реформы структуры финансов". С целью пополнения доходов государственного бюджета с трех до пяти процентов повышен налог на потребление. В части расходов поставлена задача сдерживать их рост в пределах 1,5%, чтобы за счет сбора налогов полностью покрыть бюджетные расходы, за исключением расходов на выплаты по государственному долгу. Переход к такой структуре финансов рассматривается как "первый шаг к финансовому оздоровлению". Определена линия на последующее сокращение расходов государства при сохранении финансового поощрения тех сфер, которые будут считаться приоритетными в реформе экономической структуры. Имеется в виду пересмотр налогообложения, чтобы "снизить бремя работающего поколения и разделить его со всеми членами общества". Правительство обещает при этом "принять необходимые меры, чтобы не допустить большого воздействия налоговой реформы на лиц с низкими доходами в возрасте старше 65 лет"⁹.

Первоначально объявленная долгосрочная цель реформы - к 2005 г., а по возможности и скорее, снизить финансовый дефицит государства и органов местного самоуправления до трех процентов ВВП, а в обычном счете государственного бюджета освободиться от зависимости или резко уменьшить ее от разных видов общественных займов.

В конце 1997 г. по предложению правительства парламент принял закон о реформе финансовой структуры, в котором определены ее основные направления и главные количественные показатели.

Общие цели реформы сводятся к трем моментам:

1. Финансовый дефицит государства и органов местного самоуправления до 2003 фин. года (то есть на два года раньше, чем первоначально намечалось) уменьшить до трех процентов ВВП.

2. За тот же период свести к нулю выпуск новых займов на покрытие финансового дефицита.

3. Стремиться к сокращению обычных совокупных расходов каждого финансового года по сравнению с предыдущим. К 2000 году, центральному в проведении реформы, добиться того, чтобы расходы текущего года не превышали расходы предыдущего.

Установлены следующие показатели по расходам на 2000 фин. год по сравнению с 1997 годом: увеличить расходы на социальное обеспечение примерно на 6%, а расходы на поощрение науки и техники на 5%; сохранить в прежних размерах расходы на культуру и образование, оборону, на мероприятия в сфере энергетики, на поддержку мелкого и среднего предпринимательства; уменьшить расходы на предприятия общественного сектора более чем на 7%, на правительственную помощь развивающимся странам на 10%, дотации органам местного самоуправления на 27%¹⁰.

К мероприятиям, касающимся данной реформы, можно отнести также принятие по инициативе правительства в 1997 г. закона, по которому функция финансовой проверки передается от министерства финансов к вновь учреждаемому при канцелярии премьер-министра управлению финансовой инспекции.

Реформа системы денежного обращения имеет целью "идти ногу в ногу" с международной либерализацией и прогрессом информатики, восстановить Токио в качестве мирового финансового рынка наряду с Нью-Йорком и Лондоном, поднять международный статус иены", она должна стать "неотъемлемым элементом сохранения экономической активности страны, встретившейся со старением общества"¹¹. В этих словах Р.Хасимото выражены целевая установка и ожидания последствий данной реформы.

Намечено осуществить “коренную либерализацию” различных сделок в сфере денежного обращения, включая те, которые выходят за пределы государственных границ, содействовать иностранному участию в национальных банках, на рынке ценных бумаг и в страховании. Поставлена задача пересмотреть ограничения, касающиеся использования “денежного богатства частных лиц”, а также методы налогообложения в финансовых сделках.

Подчеркивается, что реформа должна сделать систему денежного обращения не только свободной, но и справедливой - привлекательной для ее пользователей, дающей возможность безопасного вложения капиталов в растущие отрасли народного хозяйства, особенно в новые виды предприятий. С другой стороны, реформа предполагает, что рискованные сделки должны осуществляться их участниками под собственную ответственность. Правительство обещает “прозрачное и справедливое руководство денежным обращением посредством максимальной его открытости, четко установленных правил”¹².

В сентябре 1997 г. правительство доложило парламенту о завершении работы по составлению графика дерегуляции финансового рынка Японии до конца 2001 года¹³. Пересмотрен закон о Банке Японии, что должно укрепить его независимость, обеспечить прозрачность процесса принятия решений в политическом комитете банка, который признан высшим органом, определяющим денежную политику. Внесены в парламент или разрабатываются многие другие правительственные законопроекты.

Устойчивость финансового рынка в нынешних условиях невозможно осуществить исключительно на национальном уровне. Мероприятия, разрабатываемые японским правительством, тесно соотносятся с планами участия в международных финансовых учреждениях, во Всемирной торговой организации.

Реформа экономической структуры предлагается как комплекс мер по “восстановлению” японской экономической мощи. Поскольку вступление в 21-й век сулит обострение международной конкуренции, особую актуальность приобретает задача повышения эффективности работы предприятий, а, помимо того, возникает необходимость в большей мере ориентироваться на удовлетворение потребностей собственной страны.

Реформа нацелена на создание финансовых, технических и кадровых условий для развития новых производств и услуг, на осуществление комплексной политики поощрения роста в перспективных сферах экономики. Непременным моментом создания благоприятных условий для предпринимательства в целом рассматриваются меры по дерегуляции, осуществляемые в процессе административной реформы. А к конкретным мерам поощрения прогрессивных, отвечающих современным международным и внутренним условиям изменений экономической структуры относятся в первую очередь активная техническая помощь инновационным отраслям промышленности, поддержка осуществляемых совместно промышленными и академическими кругами исследований и работ, содействие внедрению их результатов, целенаправленные налоговые льготы соответствующим юридическим лицам.

Еще до формального объявления курса на реформу экономической структуры, в конце 1996 г. правительство разработало “Программу изменения и творческого совершенствования экономической структуры”. Особое внимание в ней обращено на содействие развитию индустрии услуг, но одновременно отмечается необходимость сохранения обрабатывающей промышленности в качестве фундамента японской экономики. Признано неизбежным считаться с концентрацией высокого технического потенциала в нынешних центрах материального производства, ориентированного на передовые достижения. Подчеркивается важность поддержки мелких и средних предприятий, стремя-

щихся к прогрессивным методам хозяйствования. Приоритетными в этой программе, как отмечает Р. Хасимото, являются товарообращение, энергетика, информатика и связь. В их развитии целью ставится не уступать международному уровню, особенно по себестоимости¹⁴. В соответствии с наметками данной программы правительство утвердило в мае 1997 г. конкретный план действий до 2001 года с приложением перечня мероприятий, направленных на снижение себестоимости продукции и услуг.

Одним из элементов реформы экономической структуры намечено сделать преобразования и в сельском хозяйстве. Имеется в виду подготовка нового "основного закона" о сельском хозяйстве взамен принятого в 1961 г. действующего закона, считающегося устаревшим. Новый закон, по словам Р. Хасимото, должен "послужить воспитанию прилежных сельскохозяйственных предпринимателей, возрождению жизнедеятельной деревни", "определить сельскохозяйственную политику, отвечающую системе Всемирной торговой организации"¹⁵. Иначе говоря, пока лишь в самых общих словах сформулирована трудная задача адаптации японского сельского хозяйства к требованиям мировой либерализации этой сферы экономики.

Провозгласив реформу структуры собственной экономики, Япония высказала решимость также принять энергичное участие в формировании "справедливой, прозрачной, многосторонней экономической системы" в международном масштабе, в частности, в установлении "новых правил" экономического сотрудничества Всемирной торговой организации¹⁶.

Реформа системы социального обеспечения, как и реформа структуры финансов, вызвана трудностями государственного финансирования, в данном случае социальной сферы. Цель реформы - создание устойчивой системы, дающей возможность и в сложных условиях быстрого старения и замедления темпов экономического роста "эффективно предоставлять высококачественные услуги, отвечающие новым требованиям к социальному обеспечению". По замыслу правительства это можно сделать на основе "строгого уважения личности", ее стремления к "самостоятельности и самопомощи", а также "опираясь на дух общественной солидарности"¹⁷.

На практике речь идет о том, как оптимально распределить бремя социального обеспечения между предприятиями, государством, органами местного самоуправления и теми, кто получает социальную помощь.

Эта реформа началась без промедления с принятия летом 1997 г. поправок к закону о медицинском страховании, включая непопулярное, не получившее поддержки оппозиционных партий, решение о значительном увеличении доли пациентов в оплате медицинских услуг и медикаментов. Пересмотр и дифференцированный подход к оплате медицинского обслуживания, прочих социальных услуг, в том числе в домах престарелых, будет продолжен.

Большие дискуссии вызвало введение в дополнение к медицинскому страхованию и пенсиям системы обязательного страхования разнообразных услуг престарелым, включая помощь на дому. По этой системе часть страховых взносов будут платить все граждане в возрасте от 40 лет. Начиная с 2000 года престарелые в возрасте 65 лет и старше при необходимости смогут по заключению специалистов и по определенным нормам получать такие услуги, оплачивая лишь 10 процентов их стоимости. Соответствующий закон принят в декабре 1997 г.

Правительство обещает также "по-настоящему заняться" осуществлением десятилетней программы поддержки престарелых и плана поддержки инвалидов¹⁸.

Реформа образования. О том, что в Японии назрела "третья" реформа образования разговоры идут давно. Первой реформой называют школьные преобразования 70-80-х гг. прошлого века, а второй - послевоенные перемены, обеспечившие демократизацию образования и тем самым создавшие необходимую образовательную базу для экономического и культурного подъема страны. В 1971 г. Центральным консультативным советом по образованию были представлены рекомендации по серьезной перестройке как школьного, так и высшего образования. Тогда замысел "третьей реформы" не получил общественной поддержки, но некоторые из рекомендаций правительство осуществило по частям¹⁹. Еще одна, незавершенная попытка реформы, относится к середине 1980-х гг., когда либерал-демократы включили ее в число конкретных политических задач своей партии, а их лидер, премьер-министр Накасонэ настойчиво призывал к проведению реформы, делая главный акцент на повышение роли школы в нравственном воспитании молодежи.

По правительственному курсу, изложенному премьер-министром Р.Хасимото, и предварительным предложениям Центрального консультативного совета по образованию²⁰, можно судить, что нынешняя реформа будет направлена на решение, по меньшей мере, следующих задач:

- поворот школьного образования, основное внимание, в котором сейчас делается на равные возможности и равное качество, в сторону раскрытия многообразных индивидуальных способностей личности;

- расширение выбора в образовании и содействие образованию в течение всей жизни человека, обеспечивающему непрерывную его активную деятельность;

- перестройка высшего образования для полной адаптации к новым международным условиям, процессам интернационализации и информатизации, научно-техническому прогрессу как с точки зрения подготовки кадров, так и участия высшей школы в научных исследованиях;

- расширение культурного обмена с зарубежными странами, повышение в этой связи эффективности изучения иностранных языков;

- повышение роли нравственного воспитания путем объединения усилий школы, семьи и местных обществ.

* * *

Итак, оценивая нынешнюю обстановку в собственной стране и на международной арене, прогнозируя, что может принести вступление в 21-й век, и, безусловно, не забывая, на каком фундаменте страна достигла в послевоенный период громадных успехов, японцы решились приступить к проведению реформ, затрагивающих разные сферы жизни общества.

Споры вокруг каждой из намеченных реформ продолжаются. Несомненно, парламент будет многократно становиться полем острейших столкновений мнений при обсуждении законопроектов, определяющих социальную направленность, глубину, конкретное содержание преобразований. И это естественно, поскольку реформы затрагивают интересы разных классов и слоев общества.

"Группы давления", особенно организации предпринимателей и профсоюзы, непосредственно или через политические партии добиваются того, чтобы реформы шли по предлагаемым ими сценариям или, по меньшей мере, не наносили им прямого ущерба.

Наибольшую активность и настойчивость проявляет Федерация экономических организаций (Кэйданрэн). С.Тоёда, до прошлого года занимавший

пост председателя Кэйданрэн, считает, что эта организация должна сыграть особо важную роль в "глубоком преобразовании нынешней экономической и социальной системы". Необходимо, говорил капитан делового мира, "твердо осуществить три большие структурные реформы, административную, в ходе которой в первую очередь отменить или смягчить регулирование, а также финансовую и налоговую реформы". Тоёда призвал экономические круги без колебаний оказывать всестороннюю поддержку премьер-министру Р.Хасимото в претворении в жизнь его курса на реформы²¹.

Иное отношение к реформам у профсоюзов. По мнению председателя Японской конфедерации профсоюзов Э.Васио, характер дискуссии относительно предлагаемых правительством административных и финансовых перемен вызывает опасения, что результатом реформ станут ухудшение социального обеспечения, увеличение разрыва в доходах как следствия неограниченной конкуренции, ухудшение условий труда из-за нестабильной занятости и пересмотра трудовых стандартов.

Интересны и высказывания руководителя этого профцентра об отношении политических партий к реформам. Э.Васио отмечает засилье партий, группировок и отдельных политиков, начиная с либерал-демократов, ориентирующихся на неоконсервативную (неолиберальную) идеологию с ее безграничной верой в возможности свободной рыночной экономики. Одновременно он констатирует, что противостоят неоконсерватизму лишь коммунисты и "социалисты старого типа". Принципы и идеалы большинства оппозиционных партий, по мнению Э. Васио, туманны, к тому же эти партии раздираются внутренними противоречиями. Возлагать надежды на Социал-демократическую партию профсоюзы также не могут, считает Э. Васио, ввиду ее сотрудничества с либерал-демократами²².

Если профсоюзный лидер говорит об отсутствии в парламенте сильных оппонентов правительственному курсу на реформы с явным сожалением, то бывший премьер-министр Я.Накасонэ, твердый сторонник и энергичный проповедник неолиберальных идей, напротив, выражает по этому поводу большое удовлетворение. Он считает, что в "паруса кабинета Хасимото дует попутный ветер" и призывает главу правительства действовать смелее, "прижать оппозицию", используя то обстоятельство, что "все партии связали себя обещаниями содействовать административной реформе"²³.

Вышеприведенные высказывания двух видных общественных деятелей не стоит воспринимать как полную и точную картину расстановки политических сил в Японии, но господствующие тенденции применительно к реформам они отражают объективно. Тем не менее было бы поспешным делать вывод о том, что Япония готова безоглядно решиться на перестройку именно по широко пропагандируемому сейчас американскому образцу.

В Японии нередко слышатся голоса тех, кто призывает в ходе реформ не бросаться в крайность, осуждает "кампанию за полную свободу предпринимательской деятельности". За умеренный, с точки зрения здравого смысла подход к реформам выступают ученые и специалисты-практики, некоторая часть предпринимателей. "Сопrotивление реформам со стороны бюрократии", о котором сегодня так много пишут в японской прессе, объясняется не только эгоистическими соображениями правительственных чиновников или их консерватизмом, привычкой к командным методам руководства. Отношение "бюрократов" к реформам определяется также основанным на глубоких знаниях и практическом опыте понимании пределов возможностей рыночной экономики без государственного вмешательства. Тем более, что целая серия крупных

банкротств, потрясших Японию в последнее время, способствует развенчанию мифа о всемогуществе рынка.

Можно предположить, что при проведении реформ японцы не станут примерять на себя американскую одежду, скорее будут оглядываться на опыт передовых стран Европы, где неоконсервативная волна пошла на убыль. Они постараются осуществить их с учетом национальной специфики. Нельзя сбрасывать со счетов, что японский менталитет, в частности, групповое сознание, требующее самоограничения личности, встраивания ее в систему общественных, государственных интересов, не согласуется с бессердечными, жестокими правилами неограниченной ничем рыночной экономики.

Завершая первичный, беглый обзор событий, знаменующих вступление Японии в полосу серьезных реформ, хотелось бы выразить надежду, что ход и последствия этих реформ будут постоянно в фокусе внимания российских японоведов разной специализации и они смогут дать более детальные сведения и оценки, представляющие несомненный интерес для нашей общественности.

1. Омаэ Кэнъити. Хэйсэй канрёрон (Бюрократия периода "Хэйсэй"). Токио, 1994. С. 16.
2. См., например, статью видного обозревателя А.Кодзима. // Гайко форуму. 1997, январь. № 101. С. 16.
3. См.: Сенаторов, И. Цветова. Выборы в Японии: первый опыт новой избирательной системы. // Проблемы Дальнего Востока. 1996, № 6. С. 9-18.
4. Токи-но угоки. 1997, № 3. С. 67.
5. Асахи симбун. 1997. 20 января, веч. выпуск.
6. Там же.
7. Полный текст Плана административной реформы см.: Токи-но угоки. 1997, № 3. С. 67-71.
8. Асахи симбун. 1997. 20 января, веч. выпуск; 1997. - 29 сентября, веч. выпуск.
9. Асахи симбун. 1997. 20 января, веч. выпуск.
10. Асахи симбун. 1997. 5 декабря.
11. Асахи симбун. 1997. 20 января, веч. выпуск.
12. Асахи симбун. 1997. 20 января, веч. выпуск.
13. График дерегуляции в этой сфере см.: Либерализация финансового рынка в Японии: Токийский вариант английского "биг бэнга"? // Япония сегодня. 1997, сентябрь. С. 7-8.
14. Асахи симбун. 1997. 20 января.
15. Асахи симбун. 1997. 20 января, веч. выпуск.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. См.: Соколов А.И. Япония: экономика и образования. М., 1982. С. 95-125.
20. Асахи симбун. 1997. 31 мая.
21. Гэкан Кэйданрэн. 1997, январь. С. 4-5.
22. Тью корон. 1997, № 12. С. 72-73.
23. Тью корон. 1997, № 6. С. 37-38.

О воззрениях корейцев на объединение

© 1998

И.Скорбатюк

Воззрения людей на окружающий мир, а также их оценочные критерии на протяжении длительного времени остаются неизменными, что имеет большое практическое значение, ибо позволяет постигать человеческое мировоззрение. Особенно значительным такое познание представляется в тех случаях, когда речь идет о мировоззрении людей в условиях значительных перемен в окружающем мире. В таких обстоятельствах приходится выделять события, которые влекут за собой существенные перемены в окружающем мире и наблюдать за тем, как преломляются эти перемены в мирозерцаниях людей.

В данном случае за отправное событие, позволяющее проследить за новейшими переменами в мировоззрениях корейцев берется так называемая советская "перестройка", которая началась в СССР во второй половине 80-х годов. Пока еще всем памятно, что тогда начавшиеся внутри СССР перемены, достаточно быстро обрели широкую известность за рубежом и "перестраиваться" на советский лад начинали многие страны мира. Буквально в течение года-другого рухнули многолетние бастионы холодной войны. Инициированные в Советском Союзе перемены как будто добавили людям разума для того, чтобы с реалистических позиций раз и навсегда отвергнуть утвердившиеся в мире гонку вооружений и устремленность к казавшейся неизбежной ядерной войне. А вслед за столь радикальными переменами в мировой политике, наметились положительные сдвиги и в мировой экономике, и в социальных сферах. И, наконец, начали меняться мировоззренческие и оценочные критерии конкретных людей.

Объединение с позиций КНДР

Руководство КНДР изначально занимало прочное место среди самых ярких противников советской "перестройки". И понять истоки корейской непримиримости к происходящим в СССР переменам нетрудно, если учесть, что за время своего существования руководство КНДР вписалось в рамки политических, экономических, социальных и военных структур Советского Союза, Китая и некоторых стран Восточной Европы. Разумеется, у руководства КНДР существовал и независимый политический курс, который по сути своей опять же был нацелен на увековечение своей приспособленности к СССР, Китаю и к прочим союзникам. А лучшей иллюстрацией этого независимого курса была политическая доктрина объединения Кореи, считавшаяся стержнем внутренней и внешней политики Севера. С позиций официальной идеологии и пропаганды доктрина объединения страны подавалась народу как сокровенное стремление людей к воссоединению расколотой иноземцами родины. Но при этом людям внушался лишь один способ воссоединения путем поглосце-

ния Юга (Чосон тхонгиль). Одновременно Южная Корея, с которой вроде бы предстояло объединиться, или которую надо было поглотить, полностью игнорировалась. Южную Корею не признавали сами северокорейские власти. Последняя яростно "защищалась" Пхеньяном от признания Советским Союзом, Китаем и др. союзными государствами.

Неприемлемость советских перемен для руководства Севера объяснялась и тем, что эти перемены достаточно скоро обретали признание среди союзников КНДР в Восточной Европе, а затем и в Китае. И КНДР начинала постепенно погружаться в пучину политической изоляции, в условиях которой ее политическая генеральная линия обретала все более очевидные свойства нереального и бесперспективного курса. Неизменно таким политический курс КНДР оставался в течение первого десятилетия после начала советской "перестройки"; не наблюдаются предпосылки политических перемен на Севере и до настоящего времени...

Политическая ирреальность в КНДР широко распространилась и на другие сферы социальной жизни. И в особенности - на северокорейскую экономику, которая была основана на внеэкономических принципах безвозмездных финансовых, материальных и технических воспомоществований из СССР, Китая и др. союзнических стран. При этом внутри КНДР широко пропагандировались такие постулаты, как "опора на собственные силы" (чарёк кэнгсэнь), как "национальная самосамость" (чучхе), смысл которых сводился к тому, что Северная Корея якобы ни от кого не зависит и хозяйствует самостоятельно, благодаря мудрому руководству.

Однако с распространением в мире идей "перестройки" для многих стран традиционное торгово-экономическое сотрудничество с КНДР стало чрезмерно тягостным и экономически бессмысленным. В этих условиях страны Восточной Европы первыми начали поиски более реалистических путей сотрудничества с Кореей. Однако северокорейское руководство оказалось не готовым к переменам. И в этих условиях пошла полоса дипломатических признаний Южной Кореи. А урегулирование дипломатических связей объективно повлекло за собой переориентацию торгово-экономического сотрудничества на Южную Корею, которая была экономически более развитой, чем КНДР, и готовой к гибкому сотрудничеству со странами Восточной Европы, с СССР, с Китаем. И в итоге, в течение очень короткого времени КНДР оказалась в крайне затруднительном экономическом положении. Внедрение новшеств в северокорейскую экономическую систему стало неизбежным. В декларативном плане пошли разговоры о свободных экономических зонах и совместных предприятиях в КНДР. Однако для претворения таких деклараций в жизнь не хватало смелости и опыта. К тому же, в этой ситуации на неэффективную в своей основе экономику Севера наложилась полоса стихийных бедствий. В стране сложилась очень напряженная ситуация с продовольствием, и вскоре "голодная" экономика стала одним из атрибутов нынешней внутривнутриполитической ситуации КНДР...

Событием очень большого значения для современной КНДР явилась кончина 8 июля 1994 г. президента Ким Ир Сена. Общеизвестно, что это произошло на 83-м году жизни президента, но для многих это событие оказалось неожиданным. Возможно, корейцы в какой-то части поверили пропаганде, будто великий вожь бессмертен. На несколько месяцев растянулись похороны Ким Ир Сена, которые так и не закончились погребением покойного. По утвердившимся в СССР, в Китае, Вьетнаме и некоторых других странах ритуальным стереотипам, забальзамированные останки Ким Ир Сена остались представленными на всеобщее обозрение в специальном саркофаге.

Неофициальным преемником Ким Ир Сена стал его сын Ким Чен Ир. Однако он не отважился сразу же занять пост президента КНДР или генерального секретаря ЦК ТПК, что мотивировалось в прессе обычаем соблюдения 3-летнего траура по покойному. По этой причине госструктура КНДР осталась как бы без высшего руководства и, естественно, оказалась неспособной к нормальному функционированию. Осталось бездействующим Верховное Народное собрание (парламент); в полуфункциональном состоянии находятся министерства и ведомства. А единственной более-менее действенной отраслью современной КНДР стали вооруженные силы, где Ким Чен Ир обрел пост верховного главнокомандующего. И получилось, будто в корейских войсках 3-летний траур соблюдать не обязательно. Мало того, северокорейские солдаты оказались универсальной социально-экономической силой. Они строят Кымганскую ГЭС. Солдаты же высаживают рис, спасают крестьянские посевы от наводнений. Те же солдаты активно участвуют в военных учениях. И те же самые солдаты бодро маршируют на военных парадах.

А наряду с такой активностью корейских солдат обретает зримую весомость то, что в настоящее время международные контакты с КНДР лучше устанавливать на генеральских, а не на дипломатических уровнях. И еще распространяются слухи, будто вот-вот начнется 2-я корейская война. Слухи упорно циркулируют по Югу Северу и не предпринимаются попытки их дезавуировать. А в случаях, когда рыбацкие суда ненароком нарушают водные рубежи между Югом и Севером, начинаются перестрелки...

С осложнением политической и экономической ситуации, а также в связи с заметной социальной нестабильностью в КНДР усилился поток корейцев-перебежчиков, устремляющихся на Юг. При этом, как всегда, каждый акт перехода корейцами демаркационной линии сопряжен с серьезной опасностью для жизни самих перебежчиков, а также для жизни их родных и близких. И тем не менее, бегут крестьяне и дипломаты, офицеры и ученые, летчики и разведчики. Намечается тенденция к побегам семей и целых родовых кланов. При этом, реакция северокорейских властей на каждый побег чаще всего просто замалчивается. И поэтому закономерно, что в начале нынешнего 1997 года совершил побег 74-летний секретарь ЦК ТПК Хван Чан Йоб, который до последнего времени считался главным пропагандистом КНДР, а в России известен как автор партийно-идеологической доктрины "чучхе" (корейская национальная самосамость).

На Юге Хвана встретили неоднозначно. Большинство жителей Сеула и, наверное, провинциалов восприняли его как "военного преступника", который на протяжении нескольких десятилетий непосредственно участвовал в принятии решений, направленных против Южной Кореи и ее населения. В то же время многих южан больно задело то, что Хван оставил на севере пожилую супругу, детей, внуков, всех родных и близких, которые там не могут рассчитывать на какое-либо снисхождение. Такие настроения южнокорейского населения оказались достоянием широкой прессы.

Что же касается южнокорейских властей, то ими побег Хвана был воспринят, как очередная победа над Севером. МИД даже оправдывал перебежчика тем, что-де Хвана нельзя считать "военным преступником", поскольку на протяжении Корейской войны 1950-53 гг. он находился в СССР, обучаясь на философском факультете МГУ. А вдобавок к тому, во время прибытия в Сеул власти позволили Хвану в течение нескольких минут выступить перед встречавшими его людьми. И Хван пытался объяснить совершенный им политический акт остро ощущаемой потребностью во всеуслышанье сказать, что пришла пора корейским властям перестать обманывать народ и воссоединить

страну. Однако его выступление оказалось недостаточно выразительным и очень уж коротким. Поэтому, наверное, немногие постигли его смысл. И Хван по сути дела стал еще одним "удачливым" перебежчиком за свободой. Неделю спустя после перехода Хвана южнокорейские власти приняли решение о строительстве на окраине Сеула специальной жилищно-бытовой зоны для перебежчиков с Севера. А затем 12 мая на рыболовном баркасе водоизмещением в 32 тонны на Юг перебрались 2 рыбацких семьи в составе 13 человек. И это известие почему-то вызывает ощущение, будто на Корейском полуострове наконец начинаются какие-то действия. Что замученные вождями и перманентным голодом жители Северном Кореи начали наконец осуществлять осознанные гражданские акции, имеющие целью воссоединение страны...

Объединение с позиций РК

Советская "перестройка" ощутимо коснулась и Республики Корея (РК). Но, если у руководства КНДР перестройка изначально возбуждала отрицательные реакции, то у руководства РК реакции были почти настолько же положительными. И такая противоположность реакций объяснялась тем, что РК получала от Советского Союза очень большие политические выгоды и преференции, каковые редко в истории преподносятся даже за большую плату. Во-первых, РК практически в одночасье получила полноценное дипломатическое признание многих стран современного мира, в том числе Советского Союза и Китая. Во-вторых, Советский Союз предоставил корейцам реальные возможности для воссоединения страны, однако корейцы оказались не готовыми к этому. Наверное, точно так же, как в 1945 г. корейцы оказались не готовыми к самостоятельному освобождению от разгромленной войсками СССР и США японской армии. Или так же, как в 1948 г. они же оказались не готовыми к созданию на полуострове единого корейского государства. И, наконец, в-третьих, РК в одночасье обрела очень большое политическое превосходство перед КНДР, которая оказалась в проигрыше из-за выше упомянутых ирреальностей политического курса. Естественно, что при указанных исходных политических выгодах и преференциях РК обрела реальные предпосылки для дальнейшего тесного сотрудничества с Россией.

По-видимому, тогдашний президент РК Ро Дэ У интуитивно ощущал истинный смысл перспектив тесного сотрудничества с Россией. И, наверное, не без его содействия в РК возникли предпосылки для эйфорического отношения корейцев к России. Однако в экономических сферах такое сотрудничество забуксовало уже с получением Россией первых кредитов. Российско-корейское сотрудничество в разных областях культуры стало определяться главным образом тем обстоятельством, что РК строит свою национальную культуру. И в результате политические, экономические и культурные отношения между Россией и Кореей стали развиваться медленно.

Приход к власти гражданского президента Ким Ен Сама ознаменовался бурным расцветом в РК так называемой гражданской демократии. А наиболее представительными акциями этого этапа стали суды над экс-президентами Чон Ду Хваном и Ро Дэ У, которые избирались на президентские посты, будучи генералами. Подсудимые обвинялись по ряду очень серьезных статей и им были вынесены суровые приговоры, в которых содержались и до сих пор содержатся не имеющие словесного выражения значения. В частности, экс-президенты напрямую не обвинялись в том, что будучи генералами, осмелились посягнуть на президентские посты, но такие обвинения угадываются. Ро Дэ У не обвинялся в том, что неизменно положительно отно-

сился к сотрудничеству с Россией, но для россиян очевидно, что с развитием гражданской демократии в РК российско-корейские отношения развиваются по убывающей. Интуитивно же в приговорах обвиняемым экс-президентам можно усмотреть суровые осуждения ныне покойным Ли Сын Ману и Пак Чон Хи, а также будущим корейским президентам.

Не исключено, что администрация Ким Ен Сама рассчитывала на какие-то особые отклики мировой общественности по поводу судов над экс-президентами в Южной Корее. Но мировая политическая элита предпочла обойти эти события молчанием. И в результате дальнейшее развитие гражданской демократии в РК чрезвычайно усложнилось. Для значительной части населения осужденные экс-президенты стали "мучениками". Корейское студенчество обрело новых "страдальцев" и разворачивает борьбу за их освобождение, требует и официального извинения перед ними. Относительно недавно без официальных пересмотров дел смертный приговор Чон Ду Хвану был заменен пожизненным заключением, а пожизненное заключение для Ро Дэ У - 17-летним тюремным заключением. Но никто из корейцев не считает вопрос об экс-президентах РК решенным. И все знают, что решен он будет до конца президентского срока Ким Ен Сама. Разумеется, как президент РК, Ким Ен Сам имеет полномочия решить эту проблему, то есть амнистировать осужденных. Однако это была бы уже 2-я амнистия, которая способна в какой-то мере дезавуировать судебные решения...

А между тем, в пылу демократических дебатов президент Ким Ен Сам заявил, что даже родной сын подлежит суду, если он замешан во взяточничестве. И без особой задержки в мае текущего года возникло дело Ким Ен Чхолья - младшего сына президента. Сперва с Кимом-младшим подискутировали члены парламента. Затем его пригласил на беседу прокурор. А далее, будто снежный ком покатылся: по обнаруженным суммам взяток, полученным неопытным молодым человеком, Ким Ен Чхолью забрезжил 1 год тюрьмы, затем - 3 года, далее - 5 лет... Президентский срок Ким Ен Сама заканчивается в декабре текущего года. А сын уже, почитай, потерян. И 4 кандидата в президенты, не жалея сил, роют землю вокруг уходящего Ким Ен Сама...

По-видимому, в РК питали большие надежды и на то, что при первой гражданской администрации Ким Ен Сама произойдут солидные подвижки в отношениях между Югом и Севером. Однако эти надежды стали подвергаться суровым испытаниям. Официальный Пхеньян воспринял приход к власти Ким Ен Сама с настороженностью, которая постепенно переросла в устойчивый негатив. Северяне практически отказались от тех соглашений, которые были достигнуты при Ро Дэ У. Прямые межкорейские контакты оказались низведенными до нуля. А когда южнокорейской прессой была не в меру раздута ядерная проблема на Севере, то для общения между южанами и северянами потребовались американцы в качестве посредников. Или же Юг и Север Кореи стали "общаться" между собой при помощи похожих на конфликты недружественных акций. К примеру, когда на Севере скончался Ким Ир Сен, официальный Сеул не счел нужным выразить соболезнование. И северяне обиделись. Когда же южане однажды доставили северянам продовольственную помощь, то портовые власти Чхончжина попытались арестовать на судне южнокорейский государственный флаг. Мало-помалу возросла напряженность вдоль демаркационной линии. В южнокорейских водах потерпела аварию подводная лодка северян... Север стал демонстративно избегать контактов с Югом, "перетягивая" на себя ореол потенциального инициатора и зачинателя диалога, а Юг тем временем превращался в своеобразного изобретателя предтекстов к началу диалога на полуострове.

И из такого рода южнокорейских предтекстов, пожалуй, наиболее известным стало предложение о переговорах по формуле <2х2>, которое очень скоро трансформировалось в предложение о <переговорах четырех>. Суть предложения заключалась в том, чтобы вовлечь в переговорный процесс Юг и Север Кореи (первая 2) при поддержке его делегатами США и Китая (вторая 2). Что же касается России и Японии, у которых несомненно есть свои интересы в Корее, то они не особенно вежливо отодвигались на какой-то второй план.

Инициаторами этого предложения выступили президенты США и РК во время их встречи на корейском острове Чэчжудо. Но при этом президенты по какой-то причине не учли, что в странах Востока и в т.ч. в Корее существует обычай, согласно которому при составлении каких-либо планов на будущее следует избегать всех возможных сопричастий к числу "4", которое при чтении созвучно со словом "смерть" и, по поверьям, приносит одно несчастье. По этой причине в восточных гостиницах не бывает 4-х этажей, в войсках - 4-х подразделений и т.д. И вот, произошло роковое стечение обстоятельств. Предложение было выдвинуто в четвертом по счету, т.е. в високосном 1996-ом году, в четвертом по счету, т.е. в апреле месяце, 16-го, т.е. полученном от 4х4 дня. Наконец, и само предложение - о <переговорах четырех>. Иными словами, обычай оказался нарушенным 4 раза и, значит, предложение заведомо было обречено на провал...

Последний призыв президента Ким Ен Сама начать <переговоры четырех> прозвучал на межпарламентской ассамблее 17 апреля 1997 года. Но, судя по всему, предложению не то, что грозит провал. Даже начавшись, переговоры четырех успехом не увенчаются, потому что число 4 приносит несчастье.

Памяти ученого

В 1997 году ИДВ РАН и российское корееведение понесло невосполнимую утрату. От нас ушел талантливый и разносторонний ученый, блестящий переводчик и обаятельный человек, кандидат филологических наук Иван Дмитриевич Скорбатюк.

Он был хорошо известен как филолог, но мало кто знаком с его работами по политической тематике. Предлагаемый доклад И.Д.Скорбатюка на международной конференции, прошедшей в ИДВ РАН летом 1997 года с участием ученых Ханьянского университета, был его последним.

Сянган и развитие «Большого Китая»

© 1998

Е.Верлин

Важнейшим фактором, определяющим линию политического поведения Китая, является переосмысление его руководством роли и места страны в процессах мирового экономического развития. Экономическая доминанта видится Пекином как исходная отправная точка формирования глобальной политики ведущих игроков мирового сообщества, а весь комплекс международных отношений рассматривается через призму «состояния совокупной мощи государств», продвигающих по всем азимутам свои национальные экономические позиции и интересы.

Соответственно, более взыскательно в Пекине сегодня подходят к анализу реальных результатов «политики открытых дверей»: наряду с позитивными учитываются негативные стороны 20-летнего экстенсивного роста, развития ресурсозатратной модели общественного производства, остающейся таковой несмотря на огромные зарубежные инвестиции и впечатляющие темпы развития.

С другой стороны, Пекин не намерен инкорпорироваться в «сообщество взаимозависимых стран» на предлагаемых Западом условиях, предусматривающих почти полную открытость внутреннего рынка и проведение системных реформ либерального толка. По-прежнему китайское руководство придерживается осторожного, поступательного подхода в осуществлении преобразований, «открывающего» Китай постепенно, «по мере созревания условий», исключая возможность политической или экономической дестабилизации, а также попадания в зависимость от Запада.

В этом контексте политика создания и расширения разного рода «спецзон» призвана как бы амортизировать и оптимизировать - в понимании Пекина - взаимодействие Китая с внешним миром.

При сохранении политики медленно-поступательного квази-реформирования возвращение Сянгана под юрисдикцию КНР, а вместе с тем и начало принципиально нового этапа развития «большого Китая» рассматриваются в Пекине как исторический шанс в контексте решения ключевых проблем модернизации страны. С успехом в деле сохранения и приумножения процветания и стабильности Сянгана при его дальнейшей интеграции с материком китайцы напрямую связывают будущее место и роль Китая в международном сообществе.

* * *

К моменту передачи Сянгана под юрисдикцию КНР в целом сформировались китайские подходы к экономической интеграции материка с анкла-

вом. Прежде всего отметим, что Сянгану отводится «уникальная роль в деле модернизации родины». Заявлено о «чрезвычайно тесной привязке» будущего экономического развития СОАР с задачами и целями 9-го пятилетнего и 15-летнего перспективного (до 2010 г.) народнохозяйственных планов страны. Как аксиомы преподносятся заявления китайских руководителей о «неразрывной связанности» их судеб и развития «по пути совместного процветания». В свою очередь, глава администрации СОАР Дун Цзяньхуа неоднократно высказывался в том духе, что Сянгану следует изыскать эффективные пути и методы содействия Китаю в реализации общенациональных экономических задач.

В выступлениях китайских руководителей и официальных публикациях, рассчитанных на широкую аудиторию, доминируют однозначно оптимистичные оценки будущего Сянгана, увязываемые прежде всего с благоприятным экономическим прогнозом для КНР. Предсказывается дальнейшее возрастание его роли во внешней торговле страны, чему в немалой степени будут способствовать целый ряд мер по дальнейшему «открытию» китайской экономики (дозированный допуск иностранного капитала в сферы внутренней и внешней торговли, в финансовый и страховой секторы и т. д.).

Сделан принципиальный вывод о незаменимости в обозримом будущем Сянгана как «окна» и «моста» между Китаем и внешним миром в силу уникального места и роли анклава как мирового финансового и торгового центра, его высокой степени экономической интеграции с материком. В подкрепление этого положения приводятся и преимущества инфраструктурного плана: не имеющий равных в регионе Сянганский порт (на него приходится свыше 40 процентов всех внешнеторговых грузов КНР), новая железнодорожная магистраль, связавшая анклав с внутренними районами Китая, крупнейший в Азии международный аэропорт и т. д.

Основной вопрос, которым задаются сейчас в Пекине и в Сянгане, состоит в том, как будет видоизменяться роль и место анклава в процессах внутренней трансформации и экономического развития Китая и какое взаимовлияние они (материк и СОАР) будут оказывать друг на друга.

В Пекине исходят из того, что Сянган мог бы играть более яркую партию в реальной модернизации КНР, в подъеме ее внутренних районов, базовых и наукоемких отраслей народного хозяйства. В адрес сянганского капитала последние годы звучат упреки, все чаще публичные, в том, что он имплантирует на материк в основном устаревшие технологии, дублирующие друг друга сборочные и пошивочные производства, то есть «индустрию без корней», неспособную к технологическому саморазвитию и к тому же ресурсозатратную и загрязняющую среду. Наряду с прочим это все более негативным образом сказывается на конкурентоспособности производимой в КНР экспортной продукции. (Даже на внутреннем китайском рынке по своему суммарному качественно-ценовому рейтингу изделия сянганских фирм стали заметно уступать продукции западных конкурентов).

* * *

О том, «что делать с Сянганом» в экономическом плане в свете его перехода под юрисдикцию КНР, в Пекине начали предметно размышлять с начала 90-х гг. К обследовательской (в том числе с выездами в анклав) и аналитической работе были подключены целый ряд правительственных ведомств, экономических и политологических центров.

В итоге был сделан принципиально важный вывод о необходимости массивной экспансии материкового капитала в лице ведущих корпораций

КНР на сянганский финансовый рынок. Необходимость такого шага была, в частности, сформулирована в аналитическом докладе экспертной группы Государственного комитета КНР по реформе экономической системы, подготовленном весной 1992 г. Доводы в пользу внедрения материкового капитала (и прежде всего на местную фондовую биржу) приводились следующие:

- Необходимо принципиально улучшить структуру экономики анклава за счет максимального задействования связки «Китай - Сянган - мировой рынок». Было констатировано, что Сянганская фондовая биржа на порядок уступает Токийской не только по суммарному объему сделок, но и по своим качественным параметрам: лишь 6,9 процента листинговых компаний Сянгана представляют производственный сектор (остальные компании занимаются торговлей, недвижимостью, финансовыми и прочими услугами и т. д.), в то время как на Токийской бирже ситуация прямо противоположная. С такой структурой бизнеса у Сянгана нет реальных шансов конкурировать с главными финансовыми центрами мира. Внедрение материковых корпораций в финансовую и экономическую жизнь анклава призвано способствовать кардинальному изменению такой ситуации.

- Сянганскую фондовую биржу можно использовать для наращивания финансовых ресурсов китайских корпораций, а также для привлечения международного капитала к участию в инвестиционных проектах в КНР.

- Сянган должен стать «полигоном» для китайского бизнеса в плане овладения современными приемами менеджмента, совершенствования структуры корпоративного управления применительно к требованиям мирового рынка. (См. «Capital», изд. «Бэйцзин шоуду чубаньшэ», 1997г., №5).

Результатом предпринятых Пекином усилий стало внедрение на Сянганскую биржу свыше десятка китайских корпораций, которые через свои дочерние листинговые фирмы контролируют к настоящему времени 4,5 процента котироваемых на бирже акций.

Все это сопровождается дальнейшим расширением активности китайского капитала вообще. В настоящее время в Сянгане действуют свыше 1800 материковых фирм и банков с суммарным объемом инвестиций порядка 25 миллиардов долларов. Доля капитала КНР в экономике анклава оценивается в целом в 20-25 процентов (22 процента - в торговле, 25 процентов - от суммы всех банковских вкладов, 21 процент - от суммы доходов по страховым операциям, 25 процентов - от всех грузоперевозок и т.д. (См. «Шицзе цзинци юй чжэнчжи», г.Пекин, 1997г., №6).

В конце 1996 г. группа экспертов МВТЭС, Канцелярии по делам Сянгана и Макао Госсовета КНР и Пекинского университета выступили в журнале «Гоцзи маои» с серией статей (под общей шапкой «Принципы и концепция»), в которых был в развернутой форме изложен подход правительственных кругов к адаптивному Сянгану к потребностям экономического развития «большого Китая». Доводы экспертов в их резюмированном виде выглядели следующим образом:

1. Объемы завязанной на Китай транзитной торговли Сянгана (около 90 процентов всего товарооборота анклава с материком) будут в обозримой перспективе все более сокращаться в силу дальнейшего «спрямления» каналов выхода китайских экспортных товаров на внешние рынки. Происходить это будет за счет активного расширения инфраструктуры зарубежных представительств и дочерних подразделений крупных внешнеторговых компаний КНР, аналогичной активности западного торгово-посреднического капитала в Китае и прочих неизбежных перемен, которые объективно ведут к снижению

роли сянганского посредничества в торговле Китая - особенно по традиционной экспортно-импортной номенклатуре - с внешним миром.

2. Под углом нынешних потребностей развития экономики - и Пекин четко дал понять это, в том числе и отменой льготного режима рядовым инвесторам - будут происходить дальнейшие качественные изменения в структуре давальческой торговли (составляет порядка 90 процентов от 100-миллиардного объема сянганского реэкспорта из Китая в другие страны). Подталкивает к этому прежде всего такой объективный фактор, как уменьшение доли прибыли, которую материковые фабрики получают от давальческой торговли в силу недостаточной стоимостной емкости и качественных параметров выпускаемой продукции, а также дальнейшего удорожания в КНР затрачиваемого на нее сырья, энергоресурсов и рабочей силы. Эта доля снизилась примерно до 10 процентов от стоимости единицы товара, произведенного на экспорт по линии давальческой торговли (в то время, как сянганский «навар» стабильно держится многие годы на уровне 30-40 процентов). В обозримом будущем, как считают китайские эксперты, давальческая торговля в ее нынешнем виде и с учетом конкуренции со стороны других азиатских стран может стать убыточной для КНР, а следовательно, окончательно отмереть.

Происходит заметное сокращение доли сянганских инвестиций в КНР в суммарном объеме зарубежных капиталовложений (с 68% в 1992 г. до около 50% в настоящее время). Эту тенденцию в Пекине связывают прежде всего со структурной перестройкой инвестиционной политики КНР, в которой все больший упор делается на базовые и инфраструктурные проекты, то есть те области, куда сянганский капитал деньги почти не вкладывает, считая их менее прибыльными и сопряженными с большими рисками.

Призывы выправить создавшееся положение путем «стимулирования» активности сянганского бизнеса в нужном для Пекина направлении подкрепляются в последнее время конкретными и все более жесткими мерами по ограничению «дублирующих» инвестиций в прибрежных районах КНР в виде низкотехнологичных пошивочных и сборочных производств. Конечно, в практической жизни это вовсе не будет означать полного запрета «дубляжа», но он будет, во-первых, все больше переноситься во внутренние районы, а во-вторых, становится монополией материковых компаний и их руководителей, приватизировавших де-факто с помощью своих «прописанных» в Сянгане дочерних фирм вполне достаточные производственные мощности и капиталы для инвестиций в расширение обычных производств на материке.

Краеугольной задачей, к решению которой Пекин намерен привлечь сянганский капитал, становится повышение технологического уровня и стоимостной емкости китайского экспорта. С этой целью предлагается «соединить преимущества Китая в области научных исследований и разработок с возможностями Сянгана в плане освоения новой продукции и маркетинга». Учитывая, что частные фирмы анклава проявляют в этом плане известный консерватизм и осторожность, требующиеся «весьма значительные инвестиции» (со всеми вытекающими отсюда рисками) должны, согласно рекомендациям пекинских экспертов, взять на себя крупные китайские корпорации и новая администрация Сянгана. В этом, очевидно, состояла одна из главных причин столь ревностного отслеживания Пекином бюджетных расходов Сянгана на переходном этапе, почти нескрываемой китайцами боязни, что миллиарды долларов могли бы быть потрачены на дорогостоящие подряды британским кампаниям и социальные программы.

Согласно китайским наметкам, в прилегающих к СОАР прибрежных «спецзонах» КНР будут создаваться научно-технические парки; их костяк со-

ставят научные лаборатории КНР, имеющие перспективные разработки, которые могут быть доведены до «товарной стадии» именно с помощью Сянгана с последующим налаживанием крупномасштабного экспорта качественно новых, высокотехнологичных и конкурентоспособных товаров. (См. «Гоцзи маои», 1996г., № 12, стр. 5-7)

Характерно, что идеи, высказанные упомянутой группой экспертов, в последующие месяцы так или иначе озвучивались и развивались в других специализированных изданиях, а также в центральной и местной печати.

В принципе, согласно стратегическим наметкам руководящих лиц ряда центральных ведомств и «спецзон» КНР, в обозримом будущем должен сформироваться «новый экономический район Китая, объединяющий Сянган, Шэньчжэнь и дельту реки Чжуцзян». Мэр Шэньчжэня Ли Цзыбинь недавно публично заявил о том, что в результате соединения усилий китайской и сянганской сторон его Шэньчжэньская спецзона должна превратиться в предстоящие годы в «коридор новых и высокотехнологичных отраслей», соединяющий материк с анклавом и стимулирующий принципиально иного качества экономический рост в рамках всего «большого Китая» (см. «Чайна дэйли», 21.05.97).

Судя по всему, Пекин уже в 1996 г. фактически приступил к реализации намеченных целей. Усиливаются рычаги воздействия на сянганские компании «материкового происхождения», которые не только контролируют четвертую часть сянганской экономики, но и реально осуществляют свыше половины всех сянганских инвестиций на материке и львиную долю транзитной торговли.

По сообщениям различных источников, в последние годы в отношении этих компаний, прежде всего крупных (находящихся под прямым контролем центрального правительства) осуществляется установка на прекращение «голых спекуляций» и «хаотичного зарабатывания денег» (в частности, за счет игры акциями на сянганской бирже) и подчинение своей деятельности экономическим потребностям страны. Ряд руководителей китайских компаний в Сянгане и их зарубежных филиалов (в основном в США) были даже сняты со своих должностей за игнорирование рекомендаций Центра. Однако большинство уже «перестраивается», что, в частности, выражается в начале «скупки» ими на сянганской бирже контрольных пакетов акций ведущих местных компаний, действующих в ключевых сферах экономики (энергетика, телекоммуникации и т.д.), а также фирм, которые можно использовать для качественно-го подъема технологического уровня китайской промышленности. Конкретно речь идет о фирмах, специализирующихся на приобретении на Западе и дистрибуции в Азии патентов и лицензий, высокотехнологического оборудования, на внедренческом и инжиниринговом бизнесе и т. д. (Данный ход Пекина, судя по всему, не остался незамеченным в Вашингтоне, что нашло отражение в соответствующем законопроекте, принятом весной 1997 г. палатой представителей Конгресса США, который предусматривает санкции в отношении СОАР в случае обнаружения каналов утечки через Сянган в Китай технологий «двойного назначения»).

Необходимо отметить, что идея придания Сянгану более высокого технологического и научно-технического профиля встречает не только позитивную реакцию. В Сянгане, да и в самом Китае (в частности, в ряде публикаций близкого к ЦК КПК журнала «Ляован») высказывается такая точка зрения: Сянган достаточно успешно выполняет роль торгового, финансового и консультационного посредника в деловом взаимодействии Китая с внешним ми-

ром и нет смысла ломать этот профиль, пытаюсь превратить его во «второй Сингапур», «азиатскую силиконовую долину» и т. д.

Отвечая сторонникам такой позиции, эксперт Исследовательского центра проблем развития Госсовета КНР Се Мингань резонно парировал таким доводом: роль Сянгана как посредника, как огромного сервисного центра между Китаем и внешним миром может иметь под собой в качестве твердой основы лишь развивающееся, конкурентоспособное материальное производство, организованное сянганским капиталом на материке, и ориентированное на экспорт, а следовательно претерпевающее постоянную качественную трансформацию, что невозможно добиться без решения вышеупомянутой задачи. (См. «Шицзе цзинци юй чжэнчжи», 1997 г, №6).

* * *

В отличие от однозначно позитивных прогнозов, рассчитанных на публику или внешнюю аудиторию, «внутренние» оценки перспектив Сянгана куда как более взвешены и неоднозначны, учитывают факторы не только позитивного порядка, но и потенциально дестабилизирующие.

Прежде всего со всей определенностью высказывается убеждение в том, что китайские тайкуны Сянгана в обозримом будущем попытаются потеснить британский капитал с его командных высот в Сянгане, прежде всего в банковско-финансовой сфере. (См. «Capital», 1997 г., №5). Сянганские тайкуны в последние годы предприняли несколько серьезных и в ряде случаев успешных попыток в этом направлении. Очевидно, что на фоне растущего экономического влияния Китая в Сянгане конкуренция, противоречия и конфликты интересов между «китайским» и «иностранным» капиталом здесь будут все более обостряться.

При этом в Пекине считают маловероятной возможность принципиального изменения в ближайшие годы существующего на сегодня в сянганском финансовом мире расклада сил, при котором китайский капитал все еще находится в «зависимом состоянии» от капитала британского. Подобная ситуация «финансового колониализма» увязывается с сохранением контроля британского капитала Сянгана над крупнейшими банковскими и финансовыми структурами (кстати, кредитовавшими в 60 - 70-е годы крупнейшие на сегодня китайские кланы Сянгана - Ли Кайшина, братьев Го и др.), что позволяет Лондону сохранять в целом практически монопольные позиции на финансовом рынке анклава.

Серьезной головной болью для Пекина, очевидно, останется сам статус Сянгана как мирового финансового центра, чья стабильность и благополучие зависят не только от степени интеграции анклава с материком, но и от неподвластных Пекину изменений международной деловой конъюнктуры. Китайцы внимательно отслеживают все более усиливающийся процесс диверсификации инвестиций сянганского капитала, усиливающего свою экспансию в ЮВА, все более активно инвестирующего на Западе и относительно сокращающего свои капиталовложения как в самом Сянгане, так и на материке. Пекин, с одной стороны, радуется, а с другой, пугает приток в образующиеся в результате этого «ниши» значительных масс «чужого», иностранного капитала. Ведь по мере дальнейшей интернационализации вращающихся там капиталов Сянган - оставаясь крупнейшим инвестором на китайском рынке - все более попадает в зависимость от внешних факторов. Соответственно, возрастает зависимость не только от общемировых экономических процессов, но и от изменений ситуации в стране, откуда происходит осевший в Сянгане капитал (не говоря уже

о ее взаимоотношениях с КНР). К тому же значительная доля поступивших в «переходный» период на сянганский рынок денег относится в категории «горячих», что вызывает у китайцев весьма негативные ассоциации (финансовый кризис в Мексике в 1995г.). Следствие этой обеспокоенности - выдвигание темы «стратегической безопасности» национальной экономики в разряд одной из центральных в современной китайской политологии.

Не прибавляет китайцам оптимизма и такая особенность Сянгана, как приобретение «заграничной страховки» львиной долей иностранных и собственно сянганских компаний и банков (у первых штаб-квартиры остаются в западных странах, вторые регистрируют их в офф-шорных зонах). Соответственно, рычаги контроля и принятия решений находятся вне Сянгана, что всегда чревато массовым оттоком капитала «в одну ночь», а значит, опасностью внезапного обвального краха всего финансового рынка СОАР.

Очевидно, что при наложении на данную ситуацию тех или иных политических обстоятельств Сянган может «детонировать» с катастрофическими последствиями для всей КНР.

* * *

Суть и содержание китайских подходов к проблеме экономической интеграции Сянгана, несомненно, свидетельствуют о серьезной и глубокой проработке всего комплекса относящихся к делу вопросов. Их трезвый и реалистичный анализ основывается на известной концепции Дэн Сяопина «одно государство, две системы», включающей в себя, в частности, установку на «сочетание трех интересов» (Китая, Великобритании и Сянгана).

Очевидно, что «уход» Великобритании как суверена 1 июля 1997 г. не означает ее скорого экономического отступления из анклава. И те, кто разрабатывает в Пекине соответствующую политику, прекрасно понимают, что это не выгодно никому, и вовсе не намерены провоцировать данный процесс, предостерегая против любых попыток создать привилегированные условия для материкового бизнеса и его «этнических союзников» в Сянгане⁷.

Однако есть в КНР и могущественные силы - особенно на местах, а также в руководстве министерств, столичных и провинциальных банков и компаний, - которые вовсе не против того, чтобы воспользоваться ситуацией и потеснить «иностраный» капитал в анклав, добившись там для себя не только де-факто статуса наибольшего благоприятствования, но и перенеся на сянганскую почву всю сопутствующую материковому бизнесу атрибутику - коррупционность, семейственность и т.п. У этих сил есть и достаточно влиятельные покровители в политических и идеологических кругах Пекина, которые мотивируют свои рассуждения, например, тем, что, мол, после векового периода привилегированного статуса британского бизнеса в Сянгане есть все моральные основания для того, чтобы обеспечить такое же положение для китайского капитала.

Вместе с тем, есть и более глубинная подкладка под стремлением указанных сил приступить к последовательному «окиитаиванию» Сянгана. Это боязнь перспективы все большего углубления воздействия Сянгана, а посредством него и Запада в целом на все китайское общество. Консерваторы вполне обоснованно утверждают, что «сянганский канал» - наиболее эффективный, мощный и убедительный инструмент эрозии существующего в КНР строя. Этот инструмент невозможно утилитарно приспособить только для повышения уровня менеджмента, поднятия технологического уровня производства и прочих глобальных задач развития «большого Китая». К тому же, рассужда-

ют скептики, главные рычаги влияния в экономике Сянгана в варианте концепции «одна страна, две системы» еще долго будут оставаться у Запада...

Эти и подобные рассуждения вполне разделяются многими экспертами Сянгана и западных стран. Не случайно появилось расхожее выражение, что «1 июля 1997 года началась эпоха присоединения Китая к Сянгану».

Предстоящие несколько лет, несомненно, покажут, насколько сработает китайский сценарий интеграции Сянгана в КНР на фоне столь разнообразного спектра взаимопересекающихся интересов различных сил.

* * *

Для России в данном сюжете безусловно интересен «сянганский аспект» программы перевода китайской экономики на рельсы интенсивного, высокотехнологического развития. Эта программа имеет для Пекина приоритетный, долгосрочный характер, будет последовательно, хотя и не без трудностей, осуществляться. К тому же она в целом находит понимание и заинтересованный отклик у основной части китайской предпринимательской элиты Сянгана, сознающей объективную необходимость и даже безальтернативность своего участия в намечаемой трансформации.

Судя по всему, в Китае и Сянгане с интересом воспринимают идею более активного участия сянганского капитала в российско-китайских инвестиционных проектах, в том числе осуществляемых непосредственно на российской территории.

-
1. "Capital", 1997 г., № 5.
  2. "Шицзе цзинци юй чжэнчжи", Пекин, 1997 г., № 6.
  3. "Гоцзи маои", 1996 г., № 12, с. 5-7.
  4. "China Daili", 21.05.1997 г.
  5. "Шицзе цзинци юй чжэнчжи", 1997 г., № 6.
  6. "Capital", 1997 г., № 5.
  7. "Шицзе цзинци юй чжэнчжи", 1997 г., № 6, с. 7.

Финансовый кризис в Азии и его экономические и политические последствия

© 1998

В. Михеев

*«В кризисе сокрыта возможность»
китайская поговорка*

Финансовый кризис в Азии, начавшийся в середине 1997 г. и достигший апогея в начале с.г., вызвал не только панику на биржах, но и оживленные дискуссии о его причинах, перспективах преодоления, последствиях для мировой экономики. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе материалов МВФ, ведущих мировых, региональных и страновых средств массовой информации представить анализ последних событий в финансовой жизни Азии под углом зрения российских экономических проблем и внешнеполитических интересов. Статья фокусируется на осмыслении следующих ключевых вопросов:

- насколько глубок и долгосрочен финансовый кризис в Азии;
- как он повлияет на динамику экономического развития стран в него вовлеченных или другими словами означает ли кризис конец «азиатского экономического чуда»;
- каковы будут его последствия для региональной и мировой экономики, в том числе для экономики Китая и России;
- с какими региональными и глобальными политическими последствиями финансового кризиса в Азии предстоит столкнуться России.

1. Хронология кризиса.

Финансовый кризис наиболее остро проявился сначала в Таиланде и затем распространился на Малайзию, Филиппины, Индонезию, Южную Корею. Кризис совпал с продолжающейся стагнацией экономики и крахом ряда финансовых институтов в Японии. В меньшей степени он затронул страны с положительным сальдо платежного баланса и большими валютными резервами – Китай, Тайвань, Сингапур, Гонконг.

Хронология событий выглядит следующим образом.

23 января 1997 г. Одна из ведущих южнокорейских сталелитейных корпораций «Ханбо» открывает список неплательщиков по долгам, к которому позже присоединяются другие крупные корейские компании.

- 14-15 мая 1997 г. Таиландский бат попадает под спекулятивную атаку биржевых игроков, решивших, что замедление экономического роста и политическая нестабильность в стране посылают сигнал о целесообразности избавляться от активов в тайской валюте. Тайские власти при поддержке Сингапура бросают большие резервы на поддержку бата и сохранение его привязки к американскому доллару. Финансовая напряженность в Таиланде скачивается на положении дел на Филиппинах: Центробанк этой страны за одну ночь поднимает ставку рефинансирования до 13% и начинает активно сбрасывать доллары, чтобы удержать курс песо.

- 19 июня 1997 г. Отставка министра финансов Таиланда, последовательно выступавшего против девальвации бата, незамедлительно сказалась на финансовом рынке Филиппин, поднявших ставку рефинансирования до 15%.

- 27 июня. Центробанк Таиланда приостанавливает деятельность 16 компаний и требует их слияния.

- 30 июня. Премьер министр Таиланда уверяет страну в том, что девальвации бата не будет.

- 2 июля. Центробанк Таиланда объявляет о введении плавающего курса бата по отношению к доллару и обращается в МВФ с просьбой о предоставлении «технической помощи». Это заявление моментально вызывает девальвацию бата на 20%. Центральный банк в Маниле мобилизует все свои ресурсы для того, чтобы защитить песо.

- 8 июля. Центробанк Малайзии вынужден прибегнуть к крупномасштабной интервенции на валютном рынке, чтобы защитить рингит. Джакарта расширяет валютный коридор колебания рупии с 8 до 12%.

- 14 июля. МВФ предлагает Филиппинам \$1,1 млрд. в качестве финансовой помощи под осуществление экстренных мероприятий по защите национальной финансовой системы по схеме преодоления мексиканского финансового кризиса 1995 года.

- 24 июля. Обвал на национальных валютных рынках Индонезии, Таиланда, Малайзии и Филиппин. Сингапурский доллар начинает постепенное падение.

- 11 августа. МВФ обнародует план спасения финансовой системы Таиланда, предусматривающий выделение стабилизационных кредитов на \$16,7 млрд. Позже к ним будут добавлены полмиллиарда долларов от Брунея.

- 14 августа. Индонезия отказывается от системы поддержки национальной валюты – рупия катастрофически падает в цене.

- 20 сентября. Премьер министр Малайзии Махатхир Мохамад на конференции МВФ в Гонконге делает заявление о том, что торговля валютой «аморальна» и ее следует прекратить. Махатхир обвиняет американского бизнесмена Сороса в сознательном провоцировании финансового кризиса в Азии.

- 8 октября. Индонезия обращается к МВФ за финансовой помощью.

- 20-23 октября. Падение почти на четверть за 4 дня индекса Хан Сен на гонконгской бирже – как результат неустойчивого положения гонконгского доллара. Быстро начинает падать южнокорейская вона.

- 31 октября. МВФ объявляет о предоставлении Индонезии кредита спасения в размере \$40 млрд.

- МВФ принимает решение о выделении \$21 млрд. Южной Корее, через два дня Сеул получает 5,2 млрд.

- 6 января 1998 г. Индонезия обнародует новый бюджет на 1998/1999 гг., предусматривающий 32%-е увеличение доходов и расходов и 4%-й экономический рост. Рынок реагирует моментальным обесценением национальной валюты на 50%, полагая, что бюджет не согласуется с жесткими требованиями МВФ по сокращению расходов и замедлению экономического роста.

- 8 января. МВФ и Южная Корея договариваются о 90-дневной отсрочке выплаты краткосрочных южнокорейских кредитов.

- 10 января. Президент Индонезии Сухарто, оказавшись под сильным давлением МВФ и США, требующих соблюдения условий предоставления кредитов МВФ, объявляет о замораживании строительства 15 дорогостоящих объектов инфраструктуры.

- 15 января. Сухарто подписывает с МВФ новое соглашение об ужесточении экономических реформ.

- 22 января. Новый обвал на валютной бирже в Индонезии вследствие решения 76-летнего президента страны Сухарто вновь баллотироваться на мартовских президентских выборах. Дальнейшее падение курса акций в Гонконге – вдвое по сравнению с пиковым значением августа 1997 г.

- 27 января. Очередное соглашение МВФ с Индонезией об усилении жесткости экономического курса.

- Конец января. Признаки стабилизации южнокорейской воны. За период с 1 по 22 января вона упала на 2,31%, тогда как индонезийская рупия упала на 55,53%, тайландский бат – на 12,15%, малайзийский рингит – на 14,5%, филиппинское песо – на 7,6%. Падение воны было даже несколько меньшим, чем падение сингапурского и тайваньского доллара – на 4,74% и 2,43% соответственно.

- 29 января. Южная Корея достигла договоренности с банками-кредиторами об отсрочке выплаты части краткосрочной задолженности (\$25 млрд. из \$90 млрд. причитающихся на этот год) на 1-3 года под 8-8,5% годовых.

- Последняя декада января 1998 г. Началась активная скупка акций на азиатских фондовых рынках иностранными (европейскими и американскими) компаниями.

- 2 февраля. Вице-премьер КНР Ли Ланцин на международном экономическом форуме в Давосе дает заверения, что Китай не будет девальвировать юань. В АСЕАН воспринимают эти слова с облегчением, но настороженность по отношению к возможности девальвации юаня сохраняется.

В итоге на начало февраля с.г. Южная Корея, Индонезия, Таиланд, Филиппины имеют соглашения с МВФ и западными странами о предоставлении экстренной финансовой помощи для преодоления нынешнего кризиса. Объемы помощи составляют соответственно 58,5, 43, 17,2 и 1,1 млрд. долл. Малайзия отказалась от финансовой помощи МВФ.

Одновременно и повсеместно понижаются прогнозы развития экономики азиатского региона, и, хотя и в меньшей степени, мировой экономики в целом на 1998 г.

2. Причины финансового кризиса.

Азиатский финансовый кризис 1997 г. обусловило совпадение по времени трех факторов-угроз финансовой безопасности неоиндустриальных стран: объективные противоречия ускоренного индустриального развития по рыночному пути; ошибки руководства НИС и их ведущих корпораций, в том числе происходящие из психологической неготовности признать возможность сбоя в «работе» модели ускоренного развития; внешний толчок, обусловивший форсированное обострение внутренних проблем и их проявление в форме финансового кризиса.

Интеграционная и информационная взаимозависимость государств региона, как следствие процессов глобализации экономики, привела к достаточно быстрому расползанию кризиса, начавшегося в одной стране – Таиланде.

Объективные противоречия «неоиндустриализма» проявились в том, что «классическая» неоиндустриальная модель развития со временем исчерпала свои возможности. Азиатские «спринтеры» оказались перед насущной необходимостью «бежать медленнее», однако своевременно притормозить не сумели.

Экспортная стратегия развития базировалась на низких издержках производства за счет хорошо обученной и вместе с тем дешевой рабочей силы, минимизации нормы прибыли и увеличения массы прибыли за счет агрессивного расширения продаж на мировых рынках. Однако по мере экономических успехов НИС росла зарплата, повышался жизненный уровень, увеличивались издержки производства: в середине 90-х годов, например, средняя цена южнокорейского автомобиля на американском рынке была лишь на 1 тыс. долл ниже средней цены японского автомобиля. В условиях растущей конкуренции крупные корпорации вынуждены были маневрировать ресурсами, инвестируя в новые сулящие прибыль отрасли. Однако делать это за счет внутренней перегруппировки ресурсов, в т.ч. посредством закрытия менее рентабельных предприятий внутри корпораций, последние не могли. В Южной Корее, например, этому мешало трудовое законодательство, крайне затруднявшее увольнение рабочих. Кроме того, закрывать производства в неоиндустриальных странах Азии считается чем-то постыдным, свидетельством слабости.

В результате стремительно нарастали внешние заимствования для финансирования новых стратегических планов. Притоку иностранного капитала и росту потребностей в нем у азиатских корпораций способствовали устойчивые на протяжении долгих лет темпы индустриального развития Азии: привлекательность региона для инвесторов выглядела непоколебимой. «Легкие» деньги и экономические успехи провоцировали скачок в спросе на дорогостоящие объекты инфраструктуры с большим сроком окупаемости. В Индонезии и Южной Корее огромные средства стали вкладываться в грандиозные проекты развития ультрасовременной транспортной системы, в Таиланде – в роскошные отели, в Южной Корее – в создание собственного спутника и т.д.

Ситуацию, как ни парадоксально, усугубили благоприятные для азиатских стран внешнеэкономические условия первой половины 90-х годов. Необычно низкие процентные ставки в индустриально развитых странах в это время подталкивали приток иностранных капиталов в бурно развивавшийся азиатский регион. Падение курса доллара США по отношению к йене и немецкой марке в 1993–1995 гг. способствовало повышению конкурентоспособности азиатских экономик, чьи валюты формально, либо фактически, были привязаны к американскому доллару. Соответственно, когда курс доллара начал расти в 1995–1996 гг., это негативно сказалось на азиатском экспорте.

Таким образом, во второй половине 90-х явно оформилось противоречие между притоком иностранных капиталов в азиатские экономики и способностью последних эффективно «переварить» одалживаемые средства, опираясь на традиционную экспорт-ориентированную модель развития. Внешние заимствования превысили предел общественно допустимой ошибки, а система «раннего оповещения» об опасности отсутствовала. Хотя ряд западных экономистов еще в первой половине 90-х годов предупреждал азиатских «тигров» о возможном наступлении кризиса, однако их предостережениям не вняли, посчитав авторов не компетентными в азиатских делах.

Не смог заставить задуматься азиатские НИС и финансовый кризис в Мексике. Здесь сказалось, видимо, отличие азиатского финансового кризиса конца 90-х от латиноамериканского кризиса середины 90-х, которое состоит в том, что первый вызван сверхмерным ростом задолженности частных корпораций, тогда как в латиноамериканском варианте проблему создавали государственные заимствования.

Смягчить отмеченное противоречие неоиндустриальных экономик могла бы эффективная государственная система контроля за внешними частными заимствованиями – однако таковой в пострадавших странах Азии не оказалось. Необходимой смене модели развития с акцентом на повышение эффективности на основе новейших достижений научно-технического прогресса

помешала объективная слабость неоиндустриализма, опирающегося на использование технологических достижений "вчера" передовых стран.

Ошибки руководства азиатских стран и корпораций состоят, очевидно, в том, что они не сумели вовремя уловить обострение объективного противоречия неоиндустриальной экономической модели. Вопрос, однако, не столько в том, что не было сделано, сколько в том, почему не было сделано. Здесь можно высказать предположение, что во второй половине 90-х исчерпали свои позитивные возможности те особые формы отношений между властью и бизнесом, которые сложились в Азии и которые на начальном этапе были двигателем азиатской модели развития.

Речь идет, во-первых, об особых, доверительных отношениях между лидерами частного бизнеса и высшими государственными чиновниками, основанных на традиционных для Азии «пожертвованиях» *тех*, у кого деньги, в пользу *тех*, у кого власть. Во-вторых, о «семейной» взаимовыручке и поддержке внутри крупных финансово-промышленных группировок. В слабой экономике эти особенности помогали частному бизнесу преодолевать неизбежный (особенно в начале экономического бума) непрофессионализм управленцев и избегать неизбежных (но не выгодных экономике в целом) банкротств. Однако со временем «пожертвования» привели к расцвету коррупции и nepотизма, а семейная взаимовыручка стала преградой на пути повышения экономической эффективности.

Не случайно реформы в Южной Корее начались с реформирования работы *чэболь* в сторону их большей «открытости» свободному рынку, а реакцией властей на банкротство сталелитейного концерна «Ханбо» стали три года тюрьмы сыну тогдашнего президента Южной Кореи Ким Ен Сама. Крах гонконгской финансовой корпорации «Перегрин», вызвавший панику на азиатских биржах, стал также следствием «завязки» инвестиций корпорации в развитие транспортных коммуникаций Индонезии под гарантии личного покровительства одного из сыновей Сухарто.

Сложившаяся система отношений «бизнес-власти» обострила объективные противоречия азиатского неоиндустриализма. Однако для того, чтобы они сказались в столь острой форме нужен был внешний толчок.

Появились разные объяснения, в том числе и спекуляции вокруг того, что стало *внешним толчком*, приведшим к финансовому кризису 1997 г.

Премьер министр Малайзии Махатир, как отмечалось выше, считает майскую (1997 г.) атаку на тайландский бат «кознями» американского финансиста Сороса.

По другой версии азиатский финансовый кризис это - реакция спекулятивного капитала на переход Гонконга под юрисдикцию Китая, в результате чего международный спекулятивный капитал потерял доверие к азиатскому фондовому рынку.

Следующая версия - кризис спровоцирован Китаем, который использовал установление контроля над Гонконгом для того, чтобы ослабить экономики стран АСЕАН и получить дополнительные преимущества в китайско-асеановском экономическом соперничестве за влияние в Азии. Подтверждением, правда косвенным, этой версии может стать достаточно спокойная реакция официального Пекина на события в Азии. Китай оптимистически оценивает перспективы преодоления регионом финансовых трудностей и не намерен отказываться от объявленных реформ собственной финансовой сферы. Кроме того, по мнению ряда международных финансистов, одним из косвенных факторов азиатского кризиса 1997 года стала 33%-ая девальвация китайского юаня в 1994 г., повысившая конкурентоспособность китайских товаров относительно товаров стран АСЕАН. Нынешние заявления Китая о том, что он не намерен девальвировать юань, «в интересах финансовой стабильности в Азии» расцениваются в АСЕАН как попытка Пекина усилить свое политиче-

ское влияние в регионе как страны, от финансовой политики которой зависит общерегиональная экономическая стабильность.

Еще одна версия – инициатором потрясений стали США, решившие таким образом нанести удар по китайской экономике, вышедшей сейчас на второе место в мире по объему ВВП после Америки. Сторонники этой версии могли бы объяснить спокойную реакцию Китая на кризис стремлением Пекина сохранить доверие мирового капитала к китайским реформам, показать, что китайская экономика устойчива к региональным финансовым бурям.

Если исходить из того, что стало главным событием 1997 г., так или иначе затронувшим экономическую и политическую жизнь АТР, то можно признать, что переход Гонконга под юрисдикцию Китая косвенно сыграл роль катализатора финансового кризиса. Но если посмотреть на события с точки зрения того, кому это выгодно, то можно увидеть, что в выигрыше оказался международный спекулятивный капитал, приступивший с конца января 1998 г. к активной скупке акций по-прежнему перспективных азиатских компаний, обесценившихся до рекордного за последние 20 лет уровня.

Однако даже если две последние версии и справедливы, то все равно в основе финансового кризиса лежат внутренние противоречия азиатского неоиндустриализма, без обострения которых спекулятивные атаки биржевых игроков не дали бы такого результата. Именно эти противоречия привели к сверхинвестициям в промышленность и строительство, которые продолжали наращиваться в условиях, когда их прибыльность значительно упала.

Следовательно, логика преодоления кризиса должна исходить из (а) сдерживания сверхинвестиций и (б) повышения их эффективности. Замедление темпов экономического роста, сокращение расходов, ужесточение кредита работают на сдерживание сверхинвестиций. Совершенствование управления на макро и микроуровнях, внедрение достижений научно-технического прогресса, усиление конкуренции путем открытия рынков способствуют росту эффективности капиталовложений.

3. Программы МВФ по преодолению финансового кризиса.

Изначально МВФ просмотрел финансовый кризис в Азии. Еще в мае 1997 г. МВФ в своем традиционном издании «World Economic Outlook» дал достаточно оптимистический прогноз развития азиатских государств, вскоре оказавшихся в кризисе. МВФ прогнозировал рост ВВП Таиланда в 1997 г. на уровне 6,8, а в 1998 г. – 7%, Индонезии – 8,5% за двухлетний период 1997-1998 гг., Малайзии – 6,4 и Филиппин – 3,6% — также за двухлетний период. Аналогичный прогноз для Южной Кореи предсказывал рост ВВП страны на 5,6-6 в 1997 г. и 6,3% в 1998 г. Последняя цифра, впрочем, была скорректирована в сентябре до 2,5%, что вызвало протест Сеула. В октябре, в разгар кризиса все эти прогнозы были существенно пересмотрены в сторону уменьшения до нулевого или на десятые доли процента роста по всем странам.

Анализируя причины возникновения и ход развития финансового кризиса в Азии, МВФ отделяет кризис в странах АСЕАН и Южной Кореи от продолжающейся стагнации в Японии. Положение Японии видится достаточно прочным, а череда банкротств и финансовых скандалов объясняется МВФ сугубо внутренними причинами. Тем не менее в МВФ существует опасение, что углубление кризиса в Азии, прежде всего в Южной Кореи, может больно ударить по японской экономике с последующими неизбежными тяжелыми последствиями для США и Европы. Поэтому приоритет в программах помощи МВФ явно отдал Сеулу.

В анализе причин кризиса и в программах по его преодолению МВФ акцентирует внимание на сбалансированности макроэкономических показателей развития и усилении международной конкурентоспособности, оставляя в стороне социальные и политические факторы. Именно это обстоятельство ста-

ло причиной недовольства азиатских стран программами помощи МВФ. В Сеуле недовольство вылилось в акции протеста населения и распространение в обществе чувства национального унижения. Малайзия вообще отказалась от помощи МВФ. Индонезия долго торговалась об условиях предоставления такой помощи. Таиланд какое-то время пытался обойтись без участия МВФ.

Главную причину кризиса в Таиланде МВФ видит в увеличении в 1997 г. и без того большого дефицита текущего платежного баланса вследствие замедления роста национального экспорта. Последнее в свою очередь обусловлено уменьшением конкурентоспособности тайской экономики из-за привязки бата к усиливающемуся доллару и отставания от стран-конкурентов в структурной перестройке экономики. Большой приток в Таиланд иностранного капитала, сопровождавшийся увеличением в его структуре доли краткосрочных инвестиций, осуществлялся через слабый банковский сектор и направлялся на рынок недвижимости, спекулятивно взвинчивая цены на недвижимость. В результате рынок взорвался, когда должники оказались не в состоянии вернуть краткосрочные заимствования.

Анализируя причины расползания кризиса в Таиланде на другие азиатские страны, МВФ выделяет две причины: прямое воздействие падения курса тайского бата и внутренние проблемы других стран Азии. Падение курса бата усилило конкурентоспособность тайского экспорта и, следовательно, поставило в менее выгодное положение их конкурентов из других стран Азии. Валюта последних оказалась под сильным прессом. Внутренние же проблемы стран АСЕАН и Южной Кореи во многом схожи с таиландскими:

- большой дефицит текущего платежного баланса;
- слабость финансовой системы и спекулятивно завышенные цены на недвижимость;
- привязка национальной валюты к доллару. В условиях начавшегося кризиса это привело к росту ажиотажного спроса азиатских компаний на свободно конвертируемую валюту. Как только национальные и иностранные фирмы увидели опасность того, что привязка не будет сохранена, а процентные ставки могут быть увеличены, они поспешили сбросить национальную валюту;
- сохранение государственного контроля над экономикой, который успешно работал при низкой степени интегрированности азиатских стран в мировую экономику, но стал давать сбои на этапе глобализации экономических и кредитно-финансовых отношений.

Выступая в декабре 1997 г. в Куала-Лумпуре, директор-распорядитель МВФ М. Камдессю указал и еще на одну причину кризиса, которую он назвал «синдромом отрицания» в каждой из стран считали: «такое никогда не случится с нами, с другими – да, но не с нами». Тогда же руководитель МВФ говорил и том, что фонд давно, еще в 1996 г., предупреждал власти Таиланда об опасности чрезмерных заимствований, однако те не реагировали на сигналы об опасности. Последнее, вероятно, объясняется тем, что «сигналы об опасности» не были убедительными, ведь, как отмечалось выше, еще в мае 1997 г. МВФ давал очень оптимистичные прогнозы экономического развития Таиланда.

Программы спасения, предлагаемые МВФ, ориентированы на восстановление макроэкономического баланса в странах и, в общем виде, предусматривают замедление темпов экономического роста, сокращение государственных расходов, уменьшение дефицита текущего платежного баланса, ужесточение условий предоставления кредитов путем поднятия ставки рефинансирования, банкротство или реструктуризацию (слияние, поглощение) нерентабельных финансовых институтов, открытие финансового сектора экономики зарубежным капиталам и обеспечение «прозрачности» его работы.

При этом МВФ исходит из того, что сами страны-должники, равно как и кредиторы должны нести бремя ответственности за исправление ситуации. МВФ в своих программах не предусматривает оказание поддержки несостоя-

тельным финансовым институтам в повышении их ликвидности. Программы помощи МВФ оговорены условиями, обязывающими страны-реципиенты помощи провести реформирование финансового сектора в направлении придания ему большей открытости и ужесточения «правил игры».

Программы помощи МВФ подверглись критике – как со стороны стран-реципиентов, так и ряда американских политиков и финансистов – за чрезмерный универсализм, не учитывающий специфики стран. Бывший госсекретарь США Г. Киссинджер указал на то, что в Азии используются старые латиноамериканские рецепты, тогда как причина азиатского кризиса кроется в чрезмерных частных, а не государственных, как в Латинской Америке, неэффективных заимствованиях. Малайзия отказалась от помощи МВФ, посчитав, что следование рекомендациям МВФ приведет к банкротству нужных экономике предприятий с тяжелыми социальными последствиями. Консервативные круги в американском конгрессе в принципе выступили против помощи азиатским странам, мотивируя свою позицию тем, что американский налогоплательщик не обязан помогать некомпетентным властям других государств.

МВФ, в ответ на критику, стал настойчиво проводить мысль, что программы помощи Южной Корее, Индонезии и Таиланду учитывают специфику финансовой ситуации в этих странах и направлены на оздоровление их финансовых систем и, в конечном счете, на выправление основных макроэкономических показателей.

В Южной Корее уже в самом начале использования программы спасения МВФ были приостановлены операции 9, а затем еще 5 из 30 коммерческих банков. Остальные банки должны представить в установленные сроки планы реорганизации, нацеленные на повышение степени ликвидности их активов и улучшение механизма расчетов. Если планы покажутся неприемлемыми для МВФ или не будут осуществляться, банки подлежат закрытию.

Двум корейским банкам предстоит слияние с корейским или иностранным партнером в сжатые сроки. В случае неудачи эти банки будут закрыты. Временно над ними установлен государственный контроль как условие предоставления финансовой поддержки со стороны правительства.

Правительство полностью гарантирует возврат вкладов резидентам-кредиторам за счет средств правительства. В 2000 г. эта программа будет заменена на другую: охваченные программой финансовые институты берут на себя бремя финансирования возврата средств мелким вкладчикам.

Правительство финансирует приобретение государственной корпорацией «Korea Asset Management Corporation» «плохих» активов банков и других финансовых компаний, представивших планы реорганизации, по ценам, отражающим их примерную стоимость.

В случае закрытия банка или финансовой компании правительство возмещает убытки только застрахованным кредиторам. Потери ложатся на плечи акционеров и незастрахованных кредиторов. Ликвидность центрального банка Кореи обеспечивается косвенным путем – в форме государственных или гарантированных государством ценных бумаг.

Общий объем помощи Южной Корее составляет 57 млрд. долл. в том числе 21 млрд. от МВФ, 10 млрд. от Всемирного Банка, 4 млрд. от Азиатского банка Развития, 22 млрд. от группы индустриальных стран, включая 10 млрд. от Японии и 4 млрд. от США. Кроме того, страны «большой семерки», а также Австралия, Бельгия, Голландия, Швеция и Швейцария заявили о готовности создать «вторую линию обороны» и оказать дополнительную помощь МВФ по поддержке южнокорейской экономики.

В Индонезии было закрыто 16 банков и потери их акционеров не были компенсированы. Правительство не гарантирует компенсацию вкладов в закрытые банки, за исключением вкладов мелких вкладчиков. Последним вклады будут компенсированы в течение 2 недель после закрытия банка, в размере до 20 млн.

рупий (2 тыс. долл) на один вклад в одной банке. Эти вклады будут компенсированы Центробанком за счет средств правительства. Остальные вклады могут быть компенсированы только по итогам продаж активов закрытых банков.

Слабые, но жизнеспособные банки должны будут представить Центробанку реабилитационные планы. В случае, если Центробанк не утвердит такой план, подавший его коммерческий банк будет закрыт и передан в административное управление Центробанка. Центробанк будет предоставлять займы неликвидным, но платежеспособным банкам по карательно высоким процентным ставкам. Правительство берет на себя гарантии по их рискам. Позже будет введена система страхования депозитов за счет собственных средств банков.

Большинство государственных банков будет приватизировано, а их деятельность подлежит международному аудиту. Капитализация этих банков будет происходить только по мере их приватизации. Региональные банки развития будут законсервированы. Их возвращение к деятельности станет возможным только после осуществления их акционерами (региональными органами власти) «вливания» наличных средств. Если эти банки не получают дополнительных средств в течение года, то они подлежат закрытию. В случаях с частными нефинансовыми корпорациями правительство не берет на себя гарантий по их обязательствам.

Общий объем помощи Индонезии составил 40 млрд. долл, в том числе 10 млрд. от МВФ, 4,5 млрд. от Всемирного Банка, 3,5 млрд. от Азиатского банка развития, 5 млрд. из индонезийских резервов на случай непредвиденных обстоятельств, по 5 млрд. от Японии и Сингапура, 3 млрд. от США и по 1 млрд. от Австралии, Малайзии, Китая и Гонконга.

В Таиланде остановили работы 58 финансовых корпораций (16 в начале кризиса, 42 – позже) из 91. 56 из этих компаний подлежат ликвидации, 2 могут возобновить работу в случае, если они представят жесткие реабилитационные планы. Созданный правительственный Фонд развития финансовых институтов (ФРФИ), задачей которого является восстановление предположительно жизнеспособных финансовых корпораций, не окажет этим двум корпорациям финансовой поддержки. В отношениях с выжившими участниками фондового рынка ФРФИ поднял процентные ставки, по которым предоставляются «кредиты спасения», выше максимально существующих в стране ставок по депозитам и объявил об адресном характере своей помощи – в зависимости от состояния дел в банке или финансовой корпорации.

Потери нежизнеспособных финансовых корпораций будут покрываться за счет средств от продажи их собственности. Акционеры понесут при этом убытки. Долги вкладчикам и кредиторам в первых 16 корпорациях, приостановивших свою деятельность, будут реструктурированы и выплачены в течение 6-60 месяцев – в зависимости от размера долга и текущих рыночных процентных ставок. Выплата будет происходить по мере завершения процедур ликвидации финансовых компаний. Механизм погашения долгов вкладчикам и кредиторам остальными закрытыми финансовыми корпорациями будет аналогичным, однако здесь допускается изменение условий погашения долга путем переговоров между должниками, с одной стороны, и кредиторами и вкладчиками, – с другой. Все другие, жизнеспособные, банки и финансовые корпорации выполняют обязательства перед вкладчиками и кредиторами незамедлительно, наличными (в батах) и через ФРФИ.

Жизнеспособные банки и финансовые институты должны будут увеличить свой уставной капитал в соответствии с новыми жесткими требованиями, разработанными Центробанком. По мере стабилизации финансовой системы правительственные гарантии, предоставленные финансовым институтам в момент кризиса, будут заменены системой гарантий вкладов, финансируемой самими банками и финансовыми корпорациями.

Общий объем полученной Таиландом финансовой помощи составил 17,2 млрд. долл, в т.ч. 4 млрд. от МВФ, 1,5 млрд. от Всемирного Банка, 1,2 млрд. от Азиатского Банка Развития, 4 млрд. от Японии, по 1 млрд. от Австралии, Китая, Гонконга, Малайзии, Сингапура, по 0,5 млрд. от Индонезии, Южной Кореи и Брунея.

Малайзия отказалась от помощи МВФ, однако ее собственная программа выхода из кризиса по своим ключевым параметрам совпадает с рекомендациями МВФ: снижение темпов экономического роста (правда, до 4-5%, а не до 0-1%), сокращение государственных расходов (на 18% ← примерно как в странах-реципиентах помощи МВФ), снижение дефицита госбюджета, урезание зарплат правительственным чиновникам, прекращение банковского кредитования зарубежных инвестиций, замораживание мегапроектов, включая мост между Малайзией и Таиландом. Главным пунктом разногласий между Малайзией и МВФ стал ключевой для всех программ спасения вопрос о поднятии национальными центральными банками ставок рефинансирования. По мнению малайзийских руководителей, предлагаемое МВФ поднятие ставок рефинансирования приведет к банкротству мелких и средних предприятий и негативно скажется на экономике.

Вопрос о чрезмерности требований МВФ по ставке рефинансирования подняла в конце января с.г. и Южная Корея, настаивающая на необходимости их снижения с 20% (как настаивает МВФ) до 15-17% (как позволяет южнокорейский рынок).

Помимо описанных планов восстановления финансового сектора, страны-реципиенты помощи осуществляют национальные программы по оздоровлению общеэкономической ситуации.

В Южной Корее акцент делается на изменение трудового законодательства с тем, чтобы облегчить процедуру увольнения наемных работников и тем самым расширить корпорациям поле для маневра. Эти меры встречают противодействие профсоюзов, опасющихся всплеска безработицы и социального напряжения. Второе направление реформ – требование к ведущим чэболь об изменении практики внутренних взаимоотношений перекрестной поддержки, что, в случае успеха, позволит повысить эффективность экономики за счет допущения банкротства неэффективных компаний, входящих в ту или иную чэболь.

В Индонезии к числу первоочередных относятся меры по предотвращению продовольственного кризиса вследствие ажиотажного спроса на рис, отмена субсидий и дотаций на продовольственные товары и продукты нефтепереработки, замораживание дорогостоящих проектов. Сложность ситуации в том, что отпуск цен на бензин резко поднимет стоимость транспортных услуг и больно ударит по интересам жителей архипелага. А отмена дотаций затронет личные интересы детей президента Сухарто.

В Таиланде, как и в Малайзии и Индонезии, заморожены дорогостоящие строительные проекты. Во всех странах правительство инициирует кампанию по сбору средств (золотых украшений, драгоценностей) в фонд помощи государству. Частные бизнесмены призываются вкладывать личные средства в восстановление работы их компаний.

(Окончание следует)

Внеэкономическая стратегия Китая: значение китайского опыта для России

© 1998

М.Потапов

Точкой отсчета нового политического курса реформ и открытости внешнему миру стал третий пленум ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), провозгласивший "открытость" долгосрочной политикой, необходимым условием и важнейшей предпосылкой модернизации экономики. Данное положение было включено в текст новой Конституции КНР 1982 г.

Главной целью открытости Китая внешнему миру было провозглашено стимулирование внутреннего экономического развития и углубление реформ посредством привлечения иностранного капитала, знаний и технологии, интеграции национального хозяйства в мировой рынок при активном регулировании внешнеэкономического сектора. Роль ключевых факторов в реализации открытой политики сыграли емкий внутренний рынок и резервы относительно дешевой рабочей силы, а ее отличительными чертами явились деполитизированность в выборе экономических партнеров на принципах равенства и взаимной выгоды и диверсификация форм внешнеэкономических связей и товарных рынков при сохранении различной степени их приоритетности. Внешнеполитическая деятельность в значительной степени подчинялась интересам открытой внешнеэкономической политики. общий акцент во внешнеэкономической стратегии КНР в конце нынешнего столетия постепенно переносится с развитых стран Запада на динамично развивающийся азиатско-тихоокеанский рынок.

Реализация открытой политики в Китае заметно повысила роль внешних факторов в народнохозяйственном развитии, ее достижения и проблемы в немалой степени определили ход экономических реформ, оказали воздействие на освоение зарубежного опыта. Смелое экспериментирование в области поиска рациональных форм расширения экспортного производства, освоения импортной технологии, новых видов сотрудничества с зарубежными партнерами обеспечили улучшение структуры товарооборота, создали более выгодные условия участия Китая в международном разделении труда и эффективном использовании имеющихся сырьевых, трудовых и технологических ресурсов.

Политика внешнеэкономической открытости стала отрицанием автаркического курса культурной революции, отражением понимания объективности закономерностей хозяйственной жизни, тенденций интернационализации производства. За прошедшие два десятилетия менялись тактические подходы к открытой политике, однако в целом укреплялось отношение к ней как к

долгосрочной стратегии, одному из реальных рычагов преодоления отсталости и технико-экономического прорыва.

Нынешний курс открытости Китая, на наш взгляд, не входит в противоречие с китайской концепцией "опоры на собственные силы" в современном ее понимании. Речь идет о том, что экономическое развитие страны с миллиардным населением может и должно идти прежде всего на основе собственных усилий. При этом необходима и открытость внешнему миру, широкое взаимодействие передовой техники и технологии, опыта управления, крупномасштабное привлечение иностранного капитала, глубокое вовлечение страны в мировые хозяйственные связи.

В современных условиях взаимозависимость государств в экономической области не обязательно должна вести к ущемлению политической независимости и экономической самостоятельности. Напротив, лишь на основе активного участия в международном разделении труда, которое стимулирует быстрое развитие производительных сил общества, возможно укрепление политического и экономического суверенитета. Исходя из этих предпосылок, Китай в своей внешнеэкономической стратегии ориентируется на снижение уровня зависимости от отдельных партнеров, всемерно расширяя сотрудничество на многосторонней основе, участвуя в международных экономических и финансовых организациях.

Китайская практика реализации политики открытости свидетельствует о том, что на первоначальном этапе преобладает опора на предоставление экономических льгот и преференций. В дальнейшем, по мере снижения экономического эффекта, приоритетное место занимает задача формирования благоприятной равноправной, недискриминационной среды для зарубежных партнеров в их экономическом сотрудничестве с Китаем. При этом облегчение доступа на рынок, как показывает китайский опыт, не должно быть односторонним процессом, в течение определенного периода времени сохраняются возможные "пределы" открытости для защиты "молодых" отраслей национальной промышленности.

Опыт экономического развития КНР начала 1990-х годов, характеризовавшегося ставкой на форсирование темпов роста, вызвал необходимость более тщательной проработки долгосрочной стратегии развития страны в ее международном аспекте. Более тесное и масштабное взаимодействие с мировым рынком продемонстрировало относительно невысокую конкурентоспособность многих китайских экспортных товаров, за исключением, пожалуй, производящихся на совместных предприятиях. В итоге идеи о скором превращении китайской экономики в ориентированную вовне систему хозяйства уступили место более реальной для имеющихся условий концепции экономики, в значительной степени опирающейся на внутренний рынок. Этому способствовало осознание экономической нецелесообразности крупномасштабного экспорта из внутренних районов, а также невозможности "завалить весь мир китайскими товарами" ввиду неизбежных ответных мер международного сообщества¹.

В ходе реформ произошло коренное изменение китайских подходов во внешнеэкономической политике. Углубление процессов регионализации и картелизации мировой экономики, ужесточение торгового протекционизма заставили КНР к началу 1990-х годов поставить на повестку дня задачу диверсификации своей внешней торговли. В настоящее время Китай стремится разумно сочетать элементы режима импортозамещения продукции "молодых" отраслей промышленности (энергетики, транспорта, связи) со стратегией экспортной ориентации в текстильной, легкой и электронной промышленности, по-

этапно ослабляя государственный контроль над внешней торговлей, поощряя привлечение иностранного капитала. Дальнейшая оптимизация товарной структуры китайского экспорта, по нашим оценкам, будет идти в направлении опережающего роста вывоза готовой промышленной продукции с высокой долей добавочной стоимости, повышением в ней технологического компонента, что должно уже в ближайшем будущем привести к смещению акцентов от трудоемкой к капиталоемкой и наукоемкой продукции.

К настоящему времени Китай, поощряя как экспорт, так и импортозамещающее производство, создал эффективный механизм стимулирования развития внешнеориентированной экономики. Инструментом этой политики служит максимально прагматическое управление внешнеэкономическим сектором народного хозяйства через исполнительные и партийные органы власти. Монополия государства на внешнюю торговлю КНР, таким образом, полностью не отменена, а постепенно трансформируется в систему прямого и косвенного государственного контроля над экспортно-импортными операциями. Осуществляющиеся меры по либерализации внешней торговли Китая обусловлены прежде всего интересами его экономики во взаимоотношениях с мировым рынком.

В целом итоги проведения открытой политики КНР можно расценить как успешные. Китай в считанные годы перешел от застоя и упадка к бурному всестороннему подъему и превратился в динамично развивающуюся державу мирового класса. Объем его внешней торговли к 1996 г. достиг 289,9 млрд. долл. (экспорт - 151,1 млрд. долл.). За годы реформ (1979-1996) общая сумма иностранных инвестиций, привлеченных в КНР по соглашениям, составила 592,9 млрд. долл., из которых фактически освоено 283,9 млрд. долл. Предпринимательские инвестиции, соответственно, насчитывают 477,0 млрд. долл. и 179,8 млрд. долл., а внешние займы из различных источников - 115,9 млрд. долл. и 104,1 млрд. долл. Валютные резервы страны к концу 1996 г. достигли 105 млрд. долл.²

Преобразования доказали свою результативность и завоевали поддержку как среди большинства правящей элиты, так и в народе в целом. Раскрывая причины успеха китайских экономических реформ, следует, конечно, отметить сложившуюся к началу 1980-х годов благоприятную конъюнктуру на мировом рынке капиталов, ряд объективных факторов - емкий внутренний рынок, дешевую рабочую силу, наличие богатой китайской диаспоры, которые несомненно сыграли положительную роль в развитии экспортного и промышленного потенциала страны, привлечении иностранного капитала. Однако главное на наш взгляд, кроется все же в том, что в Китае была обеспечена политическая стабильность, а основные усилия в деле перехода к рынку были подчинены развитию производительных сил, повышения эффективности производства и роста уровня жизни населения. В результате сложилась новая структура общества и социальных интересов, обеспечивающая необратимость проводимых преобразований.

Конечно, Китаю было легче набирать обороты экономического роста с исходного низкого уровня развития конца 1970-х годов. Однако динамичные темпы роста были достигнуты прежде всего благодаря правильно выбранной стратегии реформ, а не вследствие "преимуществ отсталости". По всей, безусловно, значительной роли зарубежной китайской диаспоры в экономике КНР, важно отметить, что первые реформенные шаги были сделаны государством в области децентрализации системы управления внешней торговлей и создания благоприятного политико-экономического климата для иностранных инвесторов.

Успеху китайских реформ благоприятствовало и то, что в конце 70-х годов Китай, не являясь членом СЭВ, не был отягощен взаимными обязательствами, что позволило ему безболезненно переключить свои торгово-экономические связи на западные страны. К тому же к началу реформ Китай не имел сколько-нибудь значительного внешнего долга и сумел быстро и на хороших условиях интегрироваться в международные рынки капиталов. В дальнейшем внешняя платежеспособность страны стала ключевым фактором сохранения высоких темпов развития экономики в условиях, когда Китай превратился в нетто-импортера ряда стратегически важных сырьевых ресурсов, включая зерно и нефть. Сыграла свою роль поэтапность и постепенность реформирования внешнеэкономического комплекса, сохранение определенной изоляции государственного сектора от внешнего рынка, опора на совместное предпринимательство.

Суммируя вышесказанное, хотелось бы особо подчеркнуть, что быстрые и ощутимые результаты Китаю принес стратегически верный для его условий выбор в пользу эволюционного пути реформ. Сохранение регулирующей роли государства обеспечило экономическую стабильность и последовательный характер преобразований. При этом китайское руководство рассматривало реформы исключительно как средство достижения цели экономической модернизации. Одновременно развитие процессов в данной области вряд ли можно считать однозначно предопределенным, жестко детерминированным. Китай шел эмпирическим путем, не заикливаясь на абстрактном теоретизировании.

Опыт Китая в области реализации внешнеэкономической стратегии свидетельствует о том, что странам с переходной экономикой, проводящим относительно либеральную и достаточно гибкую внешнеэкономическую политику, предусматривающую активное включение основных отраслей производства в международное разделение труда и достижение более глубокой степени вовлеченности национального хозяйства в мирохозяйственные связи, удастся достичь более высоких показателей экономического развития, чем государствам, практикующим жесткий контроль над внешнеэкономическим сектором экономики. Переход к открытой экономике, таким образом, является важным фактором формирования рыночных отношений и ускорения экономического развития общества.

Открытость может выступать как разрушительный фактор в русле шоковой терапии и как процесс, имеющий свою этапность, селективность и управляемость, не перерастающий в разрушительный протекционизм или монополизацию внутреннего рынка. Степень открытости экономики должна быть такой, чтобы обеспечивалась эффективная защита национальной промышленности и стимулировался рост внешней торговли и приток иностранных инвестиций. Важно достичь сбалансированности преимуществ и издержек открытой политики: с одной стороны, избежать "удушения" неконкурентоспособных молодых отраслей, а с другой - обеспечить "гладкое" вхождение страны в систему мировой экономики и ее адаптацию к изменениям мирохозяйственной конъюнктуры.

Анализ китайского опыта выявляет тот факт, что приоритетной задачей государства во внешнеэкономической сфере становится не эффективность отдельных внешнеэкономических операций, а выработка внешнеэкономической стратегии, определение направлений роста экспортного потенциала, оказание содействия отраслям и предприятиям в финансировании экспортных программ и стимулировании вывоза готовой продукции посредством рациональной таможенной защиты от иностранной конкуренции. Зарубежные зай-

мы и кредиты должны идти не на импорт высокодоходных товаров для их реализации населению, а под развитие приоритетных инвестиционных программ, нацеленных на импортозамещение или развитие экспорта.

Курс на реализацию открытой внешнеэкономической стратегии не должен быть продиктован лишь интересами максимизации экспорта. Это - вторичный, хотя и важный, ориентир по отношению к тем преимуществам, которые внешнеэкономическая открытость открывает в виде облегчения доступа к передовому международному опыту в технологии, организации и управлении.

Важная "составляющая" открытой внешнеэкономической политики, на примере Китая, заключается в делегировании полномочий и расширении прав непосредственных производителей во внешнеторговой деятельности при усилении валютно-финансового государственного регулирования. Следует, постепенно отменяя квоты и другие административные ограничения, опираться на единые тарифы, поэтапно снижая их уровень.

Заслуживает внимания применяемый Китаем общий подход к внедрению нововведений: сначала опытная проверка на ограниченной территории, и лишь затем, в случае успеха, их повсеместное распространение. По мере углубления рыночных преобразований увеличиваются и масштабы открытой политики: все больше преобладают крупные, долгосрочные объекты сотрудничества, достижения открытой политики постепенно "окупают" затраты на первоначальном этапе.

Другой важный вывод заключается в том, что ускорение и углубление реформ во внешнеэкономической сфере должно тщательно соизмеряться с общим положением дел в экономике. Забегание вперед на фоне неразвитого внутреннего рынка, несбалансированности народного хозяйства, значительного бюджетного дефицита, высокой инфляции может привести, как показывает опыт "переходных" стран, к общей экономической дестабилизации. Важное значение в этой связи приобретает эффективное регулирование платежного баланса, сдерживание внешнего заимствования и главное - контроль и участие государства в процессах формирования внутреннего рынка, постепенной трансформации социальной структуры общества.

Иными словами, как видно из китайского опыта, простого "открытия дверей" для ускорения внутреннего развития недостаточно. Открытая политика должна быть подкреплена реформами в других областях, нацеленными на повышение экономической эффективности, углубление рыночных отношений. Внешние вливания в неэффективную экономику бессмысленны и приводят в скором времени лишь к увеличению долгового бремени.

Наконец, стабильное развитие торгово-экономических отношений, помимо политической стабильности и благоприятной экономической конъюнктуры, требует видения долгосрочных перспектив и взаимного учета стратегических интересов, а также формирования надежного каркаса политических взаимоотношений как основы полномасштабного экономического сотрудничества.

Оценивая общую эволюцию китайской экономики за годы реформ, на наш взгляд, можно говорить о том, что на современном этапе в Китае наблюдается эволюционный тип перехода от административно-централизованной экономики к рыночному хозяйству, характеризующийся постепенной экономической либерализацией и интеграцией в мировой рынок при сохранении авторитарной политической власти. Важно отметить в этой связи наличие значительной самостоятельности местных, прежде всего провинциальных, органов власти и достижение определенного баланса их экономических интересов с центром, а также рост влияния правительства и парламента в реали-

зации экономических реформ, сопровождаемый передачей им от партийных органов ряда функций по управлению и регулированию экономики³.

В предстоящие годы внешнеэкономический фактор, несомненно, сохранит ведущую роль в наращивании производственно-технического потенциала Китая. По прогнозам китайских экономистов, внешняя торговля до конца столетия будет развиваться опережающими темпами по сравнению с другими отраслями народного хозяйства на уровне 10-11%. Исходя из этого, намеченный на 2000 г. рубеж товарооборота в 400 млрд. долл. может быть достигнут уже в 1998-99 гг.⁴ При этом даже поддержание в первой половине следующего столетия столь высоких темпов роста на уровне выше среднемировых сделает Китай лидером мировой торговли только по валовым показателям. В расчете на душу населения КНР будет по-прежнему уступать развитым державам.

Неоспоримые успехи Китая за годы реформ вовсе не означают, что все существующие проблемы решены, и КНР вышла на путь безоблачного устойчивого развития. В Китае ясно видят, например, что против ускорения темпов роста внешней торговли действуют факторы ухудшения конъюнктуры мирового рынка, усиления торгового протекционизма. Оказывает негативное влияние и тенденция постепенного роста стоимости рабочей силы и снижения конкурентоспособности товаров.

Следует отметить, что развитие и реформа в области внешнеэкономического сектора экономики КНР зависит и во многом определяются состоянием внутреннего экономического развития страны. На него, в свою очередь, влияют унаследованные от прошлого экономические диспропорции на межотраслевом и структурном уровнях, дефицит сырьевых и энергетических ресурсов, противоречия между провинциями и регионами и разрыв в уровне их экономического развития, имущественное расслоение населения, экологические проблемы и т.д. При этом, по нашему глубокому убеждению, существующая экономическая взаимозависимость и достаточно крепкие интеграционные связи провинций, когда внутренние районы служат источником сырья и рынком сбыта для приморских регионов, делают маловероятным раскол страны в обозримом будущем.

Решая задачи дальнейшего расширения экономического сотрудничества с Западом, Китай в настоящее время стоит перед необходимостью совершенствования своей правовой системы, расширения финансово-банковской сети, внедрения эффективной системы выполнения соглашений и контрактов, разрешения споров, развития частного сектора и сферы услуг, облегчения доступа на внутренний рынок.

Наши общие оптимистичные прогнозы развития китайской экономики в области внешнеэкономических связей основываются на накопленных КНР валютных резервах и иностранных инвестициях, стабильном курсе национальной валюты, результатах реформы системы управления отраслью, умело поддерживаемой политической и экономической стабильности и т.д. На наш взгляд, накопленный за годы реформ экономический потенциал в сочетании с удачным маневрированием ресурсами и углублением начатых преобразований позволит выиграть время для поиска путей решения фундаментальных проблем перехода к рынку.

В целом же, все говорит за то, что динамичное развитие внешнеэкономических связей КНР стало одним из основных гарантов необратимости реформенного процесса в Китае, что открытая внешнеэкономическая политика Китая как неотъемлемая часть экономических реформ играет на нынешнем этапе роль их генератора, стимулирующего совершенствование системы

управления хозяйственным механизмом, внедрение новых форм хозяйствования, формирование правовой базы.

Исходя из перспективы дальнейшего эволюционного развития китайской экономики и последовательного углубления преобразований, современная внешнеэкономическая стратегия КНР не претерпит, по нашему мнению, в обозримом будущем каких-либо кардинальных изменений под воздействием субъективных факторов (кадровых перестановок в высшем руководстве и т.п.). Несомненно, также, что конкретные подходы Китая к масштабам, формам и методам открытой политики не будут оставаться неизменными, требуя от китайского руководства гибкости и готовности к компромиссам, подталкивая внутренние экономические и в перспективе политические реформы.

* * *

Отмечая значение китайского опыта в области внешнеэкономической политики для России, следует подчеркнуть, что до настоящего времени изучение отечественной наукой экономической реформы в КНР страдало недостаточной глубиной и полнотой, зачастую преобладал поверхностный и догматический подход. Для России же в целях выхода из затянувшегося кризиса изучение процесса эволюционного перехода от централизованно-планируемой экономики к рыночному хозяйству приобретает особую актуальность. Китай является в этом отношении прекрасным примером. Оценивая его опыт в исследуемой области, можно сделать следующие выводы.

1. Положительному восприятию опыта КНР в реализации внешнеэкономической политики объективно способствует сходство базисных условий начала экономических реформ в России и Китае: нестабильность развития народного хозяйства, чрезмерная централизация управления, слабая инфраструктура, отсутствие опыта работы с иностранными инвесторами, неразработанность законодательства.

2. Однако при этом важно осознавать, что целый ряд факторов делают невозможным в современных российских условиях полную реализацию китайского варианта открытой внешнеэкономической политики. К таким факторам относится отсутствие у России своего "Гонконга" и зажиточной зарубежной диаспоры, готовой вкладывать средства на родине; принципиально иной ход развития российских экономических реформ, включая внешнеэкономическую сферу; отсутствие избытка дешевой рабочей силы в РФ; кардинально иная, по сравнению с началом 1980-х годов, современная международная политическая и экономическая ситуация (конъюнктура на мировом рынке капиталов, внешняя задолженность страны, отсутствие противостояния мировых систем и т.д.).

3. Безусловно, не стоит идеализировать опыт китайских реформ. При этом проблемы и противоречия, сохраняющиеся в китайском обществе на пути к рынку, вовсе не снижают актуальность китайского опыта для России. Тем более, что в китайской экономической реформе доля "универсально-рыночного" за последний период преобразований заметно потеснила традиционную "китайскую специфику". По нашему убеждению, китайская модель реформ достойна изучения, а ее наиболее эффективные компоненты, к которым относится положительный опыт реализации внешнеэкономической политики, ряд конкретных форм и методов ее проведения, непросто игнорировать в процессе строительства в России социально-ориентированной рыночной экономики.

4. Особого внимания, в частности, заслуживает роль государства в формировании свободной от политизации, разносторонней внешнеэкономической политики в области создания благоприятных условий для привлечения иностранного капитала в различных формах, регулирования его объемов, отраслевой и территориальной структуры; реализации внешнеторговой стратегии, сочетающей режим импортозамещения с экспортной ориентацией, акцент на вывоз капиталоемкой и наукоемкой продукции, использование методов прямого административного и косвенного экономического регулирования экспорта и импорта, осуществление "разумного" протекционизма по отношению к стратегически важным отечественным отраслям и предприятиям. При этом для получения максимально народнохозяйственного эффекта необходимо четкое выделение ограниченного круга приоритетных направлений использования внешних ресурсов, определение направлений роста экспортного потенциала, оказание содействия отраслям и предприятиям в части финансирования экспортных программ и стимулирования вывоза готовой продукции с высокой долей добавочной стоимости.

5. Весьма поучительным для России является опыт Китая в области создания открытых экономических районов - специальных экономических зон, зон свободной торговли, технологических парков, районов совместного освоения приграничных территорий и международного туризма и т.п. Китайский опыт свидетельствует о том, что в их создании недопустимо стремление к гигантомании по количеству или площади освоения. Особенно важно осознавать нереальность расчетов на мгновенный эффект и быстрые валютные доходы, работать над привлечением современных технологий и приобретением навыков и опыта управления. Необходимо также предоставлять льготы как иностранным, так и отечественным инвесторам, иметь детально разработанную законодательную базу, регулирующую конкретные вопросы налогообложения, землепользования, репатриации и использования прибылей и т.д.

6. Россию и Китай как страны с переходной экономикой в области региональной экономической интеграции сближает подход к созданию в АТР пространства свободной торговли и инвестиций в соответствии с концепцией "открытого регионализма". Пекин объективно заинтересован в подключении России к деятельности АТЭС и других региональных структур, поскольку это способно усилить его позиции в отношениях с США и Японией. Китайский подход к проблемам АТЭС представляет в настоящее время для России определенный интерес и в связи с разработкой российского национального плана либерализации торгового и инвестиционного режима.

7. Для российской экономики Китай, конечно, будет представлять опасность как серьезный конкурент, в том числе в борьбе за свободные капиталы. Однако, по нашему глубокому убеждению, России необходимо наращивать взаимодействие с КНР, а не прибегать к ее сдерживанию и изоляции. При этом Россия, несомненно, нуждается в стабильно развивающемся и предсказуемом Китае.

Несмотря на объективные проблемы и непростую конъюнктуру, российско-китайские экономические отношения имеют в целом хорошие перспективы. Наше партнерство с КНР, в отличие от стран Запада, характеризуется оптимальной взаимодополняемостью в развитии экономического и научно-технического обмена, близким технологическим уровнем производства, благоприятными перспективами расширения экспорта в Китай российской машинотехнической продукции, растущей экономической взаимозависимостью наших стран на субрегиональном уровне.

Однако выход на новые рубежи сотрудничества требует серьезных усилий и принципиальных стратегических решений как с нашей, так и с китайской стороны. Вовлечение Восточной Сибири и Дальнего Востока РФ в тесное межрегиональное сотрудничество в АТР и усиление роли России во внешнеэкономических связях КНР, на наш взгляд, неразрывно связано с интенсификацией двустороннего сотрудничества, переходом к современным формам производственной кооперации, компенсационной торговли, лизинга, передачи технологии, с повышением доли машинотехнической и энергетической продукции в российском экспорте. Иными словами, речь идет о трансформации нынешней торгово-посреднической схемы отношений в производственно-инвестиционную модель экономических связей, которая, как показывает опыт взаимодействия Китая со странами Запада, способна обеспечить в короткий срок кардинальный рост показателей взаимного товарооборота. Основными составляющими такой модели могли бы стать российская технология и сырьевые ресурсы (с глубокой степенью переработки), китайские трудовые услуги и техника, а также инвестиции и технологии Японии, Республики Корея, Гонконга и Тайваня. Данная схема сотрудничества обещает хороший эффект в области энергетики, транспорта, освоения морских ресурсов с последующим выходом на региональный уровень разделения труда.

8. В целом, как представляется, китайский опыт наглядно подтверждает тот факт, что для выхода на передовые позиции в мировой экономике не может быть разумных оснований для отрицания необходимости углубления торгово-экономического сотрудничества с развитыми странами, широкого привлечения иностранного капитала. Важно при этом избегать неравноправных отношений и односторонней зависимости. Углубление же экономических связей объективно приводит к естественной взаимозависимости сторон, что надежно исключает саму возможность диктата с чьей-либо стороны.

1. См. подробнее: Портяков В.Я. Китайская Народная Республика: поиск путей социально-экономического развития (конец 1970-х - первая половина 1990-х годов). ИБ ИДВ РАН. М, 1995. № 12. Часть 3. С. 71-72.
2. (Краткий статистический справочник Китая. 1997. Пекин., 1997. С. 63, 127, 132.
3. См. подробнее: Shirk S. How China Opened Its Door: The Political Success of the PRC's Foreign Trade and Investment Reforms. Wash., 1994. Pp 1-7.
4. Гоцзи шанбао. 1995. 14 декабря.
5. См.: Портяков В.Я. Указ. соч. С. 85.

Развитие сельских предприятий - стратегический выбор Китая

© 1998

А.Круглов

В числе важнейших задач экономического строительства на ближайшие 15 лет Председатель КНР Цзян Цзэминь в докладе на XV съезде КПК (сентябрь 1997 г.) назвал "продолжение развития волостных и поселковых предприятий".

Обращает на себя внимание принципиально новый, этапный, на наш взгляд, характер тезиса: "...всемерное развитие волостных и поселковых предприятий - это стратегический выбор ЦК КПК и Госсовета КНР", а также указания парткомам и правительствам разных уровней на "необходимость рассматривать его (то есть всестороннее развитие волостных и поселковых предприятий. - А.К.) в качестве центра тяжести расцвета экономики деревни и народного хозяйства в целом, они (то есть парткомы и правительства разных уровней. - А.К.) должны включить волостные и поселковые предприятия в общие планы развития народного хозяйства и общества, в единое планирование, размещение и распределение".

"Стратегический выбор" ЦК КПК и Госсовета КНР в 1997 г. обусловлен сложившейся обстановкой в стране и, конечно же, ролью и местом, которые сельские предприятия обрели в итоге прошедших лет своего развития.

К настоящему времени на их долю приходится (в масштабах страны) 1/4 валовой внутренней продукции, 3/5 добавленной стоимости общественного продукта деревни, 1/2 добавленной стоимости промышленной продукции, 1/4 финансовых доходов, 1/3 валютных доходов от экспорта, 1/3 доходов крестьян. Ныне сельские (волостные и поселковые) предприятия - один из основных поставщиков не только потребительских товаров, но и энергоносителей, деталей и узлов для обрабатывающей промышленности, химических удобрений и ядохимикатов для сельского хозяйства и т.д.; на их долю приходится более половины изделий из шелка и трикотажа, 95% производства кирпича и черепицы, мелких сельскохозяйственных орудий, три четверти производства кожаной обуви, 40% производства цемента и угля.

Иллюстрацией возросшей роли этих предприятий в экспортном потенциале страны может служить факт, что на их долю приходится около 40% всей обуви, которую носят жители планеты. Только в США экспортируется ежегодно 700 млн. пар, больше половины американского "обувного" импорта.

На них занято более 130 млн. крестьян, то есть они вобрали половину избыточной сельскохозяйственной рабочей силы деревни. Тем самым сэкономлены многомиллиардные государственные средства на создание новых рабочих мест в

городах для мигрирующих крестьян. Кроме того, удалось избежать обострения социальных проблем - коммунальных, транспортных, экологических и др., связанных с перенаселенностью городов. Иными словами, волостные и поселковые предприятия играют важную роль специфического пути перевода избыточной деревенской рабочей силы и ослабления демографического давления на города.

Во вступившем в действие с 1-го января 1997 г. "Закоме КНР о волостных и поселковых предприятиях" признается и фиксируется важность их роли и места как "опоры деревенской экономики, ведущей силы социалистической рыночной экономики и важной силы всего народного хозяйства, важной органической части - теоретической и практической - строительства социализма с китайской спецификой, фактора обеспечения социальной и политической стабильности"².

Волостные и поселковые предприятия - важный альтернативный источник финансирования сельского хозяйства. За время с 1978 г. из средств волостных и поселковых предприятий использовано на поддержку сельского хозяйства около 100 млрд. юаней. Оказание поддержки сельскому хозяйству зафиксировано в "Закоме КНР о волостных и поселковых предприятиях"; в частности, статья 41-я предусматривает, что волостные и поселковые предприятия, не берущие на себя ответственности за оказание поддержки сельскому хозяйству, могут быть лишены, полностью или частично, льгот, устанавливаемых данным Законом. Законом предусмотрено поощрение развития волостных и поселковых предприятий, производящих орудия сельскохозяйственного производства или производство на которых непосредственно обслуживает сельское хозяйство.

Как показала практика, сельские предприятия, вобрав около 30% рабочей силы деревни, являются важным источником реального повышения уровня доходов крестьян. Рост душевых доходов крестьян от повышения государством закупочных цен на зерно был невысок. Так, в 1996 г., например, он составил всего 26 юаней. Причем, одновременно происходил рост цен на сельскохозяйственные средства производства: в 1995 г. на 27,4 в 1996 г. - еще на 8,4%.

В 8-й пятилетке 50% прироста среднедушевых чистых доходов крестьян приходилось на сельские предприятия. В период до 2010 г. чистые доходы крестьян от деятельности, связанной с сельскими предприятиями, будут, по подсчетам китайских экономистов, расти ежегодно на 8%, в то время как от занятий собственно сельскохозяйственным производством - на 3%.

С возникновением и развитием волостных и поселковых предприятий связаны глубокие качественные изменения в облике китайской деревни, в ее производственной структуре и структуре занятости. На смену, по существу, монопольному положению земледелия (фактически - производству зерна) пришло комплексное занятие сельскохозяйственным производством, промышленностью и торговлей. В добавленной стоимости общественного продукта деревни удельный вес 1-й сферы (то есть сельского хозяйства) снизился с 70 до 40%, 2-й и 3-й сфер - (промышленности, строительства, торговли, транспортных перевозок, услуг и т.д.) вырос, соответственно, с 30 до 60%.

Важная роль отведена сельским предприятиям и в процессе урбанизации китайской деревни. Они выступают в качестве формы концентрации производства и рабочей силы в многочисленных (свыше 50 тысяч) поселках и малых городах, создаваемых по всей стране. По решению ЦК КПК и Госсовета КНР создание сельских предприятий впредь должно неразрывно связываться со строительством поселков и малых городов.

В принятых 5-м пленумом ЦК КПК 14-го созыва (сентябрь 1995 г.) "Рекомендациях по выработке 9-го пятилетнего плана экономического и соци-

ального развития страны (1996-2000 гг.) и перспективно-целевой программы на период до 2010 г." в качестве первоочередной задачи намечалось "существенное укрепление сельского хозяйства", и в этой связи устанавливалось в качестве основной меры для ее выполнения "стимулирование повсеместного развития сельских (волостных и поселковых) предприятий, интеграция торговли, промышленности и сельского хозяйства"³.

Относительно меньшая, по сравнению с госсектором, степень контроля, а также сравнительно быстрая оборачиваемость капитала делает сельские предприятия более привлекательными в глазах зарубежных инвесторов. К примеру, в 1995 г. они привлекли около 16 млрд. ам. долл., что более чем в 5,6 раз превысило общий объем иностранных инвестиций, привлеченных в экономику России за указанный год.

В условиях, когда все ощутимее становится тенденция сокращения (кроме инфраструктуры) привилегий и льгот для иностранных инвесторов (как в СЭЗ, так и на смешанных предприятиях с участием зарубежных капиталов) и, следовательно, все более вероятным станет сокращение притока средств из-за границы, привлекательность сельских предприятий для иностранных инвесторов, вероятно, еще более возрастет.

Расчеты подтверждают важность роли, отводимой сельским предприятиям во внешнеэкономическом аспекте. Так, по 9-му пятилетнему плану их экспортная продукция возрастет к концу 2000 г. на 85,2% (для сравнения - число занятых на них - на 25%, добавленная стоимость - на 37%).

Создание сельских предприятий не только не потребовало выделения сколько-нибудь значительных государственных средств, но, напротив, по мере их развития они становились одним из важнейших альтернативных источников пополнения доходной части бюджета страны. Об этом свидетельствуют, в частности, 150 млрд. юаней, внесенных в качестве налогов государству, что составило примерно 22% общей суммы налоговых поступлений.

Качественно новая черта сельских предприятий как закономерное следствие их развития - превращение их в субъекты капиталовложений. Уже в 1994 г. они составляли 660 млрд. юаней; и хотя количественно они вдвое уступали объему инвестиций в предприятия государственной собственности (1135 млрд. юаней), по абсолютным размерам прироста (386,2 млрд.) сравнялись с ростом инвестиций в основные фонды в государственном масштабе (388,2 млрд. юаней), а по темпам прироста - многократно обошли их (соответственно, 141 и 28%).

На современном этапе волостные и поселковые предприятия еще не порвали пуповины, связывающей их с деревней, сельским хозяйством, крестьянством, в общем, со всем тем, что принято называть "землей". (Да и в прямом смысле, их персонал - бывшие крестьяне - еще не потеряли своеобразие права на земельный надел). Как правило, волостные и поселковые предприятия составляют единое целое с экономикой деревни.

Являясь продуктом товарного хозяйства в деревне, они изначально связаны с рынком. Обладая всеми признаками предприятия, они представляют собой самостоятельные хозяйственные организации, находящиеся в собственности крестьян (или коллектива, общности крестьян). Вместе с тем они имеют свою специфику - большая часть их связана контрактами с крупной промышленностью, экспортная продукция почти полностью закупается государством. Еще одна характерная черта волостных и поселковых предприятий - тождественность отраслевых структур с городской промышленностью, что ведет к усилению конкуренции за сырье и энергоносители. В отличие от характерного для традиционной индустриализации направления развития по

пути стандартизации, для волостных и поселковых предприятий, напротив, предназначено, оставаясь дополнением к городской промышленности, делать ставку на специфику, на выпуск завоевавшей популярность местной продукции. 9-й пятилетний план (и перспективно-целевая программа до 2010 г.) ориентируют волостные и поселковые предприятия на развитие в сторону большей поддержки и обслуживания нужд сельского хозяйства и потребностей крестьян. В общих чертах, в зависимости от специфики данного региона, предполагается: в пригородных районах - развитие волостных и поселковых предприятий, обслуживающих промышленность городов; в приморских провинциях - предприятий, ориентированных на экспорт; в районах, богатых природными ресурсами - предприятий добывающих отраслей и промышленности стройматериалов.

Как у всякого продукта исторически сложившихся условий, у волостных и поселковых предприятий, по мере их развития, наблюдается трансформация некоторых приоритетов, принципов размещения и т.д. В частности, это касается тезиса "покидая сельскохозяйственное производство, не покидать деревни". Это связано с процессом массового создания поселков и малых городов, способствующих неизбежной концентрации волостных и поселковых предприятий.

В целом же, столь заметные роль и место волостных и поселковых предприятий в Китае обусловлены тем, что это - важная составная часть нащупываемого с большим напряжением сил китайского пути выхода из исторически сложившегося крайне непростого положения в деревне и в экономике в целом самой густонаселенной страны на планете.

Отмеченные выше положительные аспекты роли и места волостных и поселковых предприятий как бы аккумулируются и воплощаются в одной из главных их "ипостасей", имеющей самое непосредственное отношение к "строительству социалистической экономики с китайской спецификой". Поступающие от волостных и поселковых предприятий в распоряжение государства средства китайское руководство может использовать для поддержки убыточных государственных предприятий, получая тем самым возможность сохранять стабильность в стране для более осмотрительного проведения реформ.

Однако сегодня им брошен серьезный вызов самим ходом развития, самой жизнью, когда в повестку дня стратегии экономического развития страны поставлена прежде всего ориентация на сравнительно большую эффективность, на переход от экстенсивных к интенсивным методам.

В последние годы предпринимаются шаги по разрешению одной из важных проблем в этом отношении - проблемы собственности, в частности, в форме акционирования.

Целью процесса акционирования сельских предприятий, по замыслу, должно стать превращение их в полностью независимые от местных властей и наделенные правами акционерных и кооперативных.

Внедрение новой системы хозяйствования на сельских предприятиях (по существу, это одно из направлений "углубления реформы" в деревне) предусматривается возможность продажи их с аукциона, передачи в наследство, превращения в акционерные. На них предполагается распространить закон о банкротстве. Предусматривается также обязательное разграничение административных и хозяйственных функций в руководстве каждого из них. Иными словами, начался процесс осуществления системы имущественных прав.

Нетрудно видеть, что этот комплекс мер целиком и полностью повторяет программу "углубления реформ" в отношении государственных предприятий. Вместе с тем, очевидно, что по темпам осуществления он намного опережает государственный сектор. Сельские (волостные и поселковые) предприятия, очевидно, служат "испытательным полигоном", где "обкатываются"

сложные процессы на пути перехода от централизованной экономики к рыночной с элементами планирования и, в частности, что заслуживает пристального внимания, - исследуются возможности переноса, вернее, использования опыта волостных и поселковых предприятий для решения одной из сложнейших и насущнейших проблем - преобразования государственных предприятий.

Опыт развития сельской промышленности в Китае свидетельствует, что в конкретных условиях страны существовала и существует определенная объективная необходимость и экономическая целесообразность этого феномена. Поселково-волостные предприятия - продукт исторически сложившихся условий Китая. Побудительной причиной их создания и развития является обостряющееся демографическое давление. Испокон веков, еще во времена Ханьской династии, все большее число людей теснилось (и кормилось) на одной и той же площади пашни, истощая ее. И уже тогда остроту этой проблемы пытались ослабить, развивая традиционное кустарно-ремесленное производство и подсобное домашнее производство. Но лишь с разворачиванием реформы в деревне, в частности в связи с осуществлением системы подрядной производственной ответственности, короче, только в 80-е годы, созрели исторические условия для бурного развития поселково-волостных предприятий. Реформа в деревне, в очень большой степени содействуя решению экономических проблем, в то же время не предотвратила роста напряженности в социально-экономическом развитии деревни. Назрела насущная необходимость изменения ее экономической структуры. Иными словами, широкомасштабное развитие поселково-волостных предприятий было востребовано прежде всего для решения проблемы трудоустройства избыточной рабочей силы в деревне, рост которой, кстати сказать, обусловлен в значительной степени реформой, давшей шанс неактивному прежде в трудовом отношении населению. Развитие поселково-волостных предприятий - это ответная реакция на ситуацию, сложившуюся в китайской деревне в ходе проведения реформы. Это - ключ к осуществлению изменения экономической структуры деревни.

Китайский опыт использования роли волостных и поселковых предприятий дает обильную пищу для размышлений в целях использования всего полезного и предотвращения повторения отдельных негативных последствий.

При всей очевидности успеха ориентации сельских предприятий на рынок, о чем свидетельствует, например, коэффициент реализации произведенной ими продукции, достигший 93%, развитие и реформирование их продолжают оставаться в полном смысле проблематичными.

Среди внешних проблем - сохраняющееся напряженное положение в области капиталов. В общей сумме государственных кредитов удельный вес сельских предприятий невелик. Причем, после реформы финансовой системы и денежного обращения получение ими кредитов еще более затруднено. Обострилась ситуация с "треугольными долгами", т.е. со взаимной задолженностью сельских предприятий.

Что касается упомянутой выше "направляющей роли рынка", то ее проявление в новых условиях двоякое. С одной стороны, поскольку природе волостных и поселковых предприятий имманентно присущ рыночный характер, они не могут не следовать в своей деятельности законам конкуренции. В конечном счете, именно рынок, в особенности внешний, мировой, - "виновник" серьезного вызова, перед которым оказались волостные и поселковые предприятия. Многие из них, а это более 120 тыс., выпускающих экспортную продукцию, и примерно 40 тыс. - "на трех капиталах" (то есть с участием иностранного капитала, совместных и целиком на иностранных инвестициях), вплотную столкнулись с жизненно важной проблемой конкурентоспособности

в области себестоимости и цен, качества, номенклатуры, методов маркетинга и т.д., - короче со всем тем, что составляет сущность : "требований рынка". Проблема, в частности, обострилась тем, что в рамках мероприятий, обусловивших возможное членство КНР в ВТО, государство аннулировало квоты на 170 видов импортируемых товаров и снизило ставки таможенных пошлин - на 4 с лишним тысячи наименований, в том числе и на продукцию, тождественную производимой сельскими предприятиями.

В ряду внутренних проблем - остающееся еще не слишком рациональным размещение (а также структура продукции) сельских предприятий. Отсталость 3-й сферы (торговля, транспорт, услуги и т.д.), добывающей и сырьевой отраслей при сравнительно быстром развитии обрабатывающей промышленности. Преобладание первичной обработки над выпуском завершенной продукции.

Преобладающая часть сельских предприятий все еще размещена в условиях "натуральной деревни", т.е. в условиях неразвитой инфраструктуры. Лишь один процент их общего количества расположен в городах уездного подчинения и выше, 19% - в поселках и городах организационной структуры, 80% - в деревне. В этой связи настораживает ожидаемое (в частности в материалах 5-й сессии ВСНП 8-го созыва) снижение количества новых рабочих мест в городах в 1997 г. (по нашим подсчетам, на 22% по сравнению с 1996 г.), особенно на фоне набирающего обороты переформирования персонала государственных предприятий в процессе их реорганизации. Коэффициент безработицы предполагается сохранить на уровне предыдущего, 1996 г., то есть 3%, и проблема трудоустройства, таким образом, не станет менее острой. Напрашивается вывод о том, что основную роль в решении этой проблемы по-прежнему будут играть негосударственные сектора, прежде всего, сельские предприятия.

Между тем, как отмечалось, 1996 г., первый год 8-й пятилетки, дал повод для раздумий. Даже по оптимистичным данным "Статистического ежегодника", амплитуда роста числа занятых на волостных и поселковых предприятиях сократилась по сравнению с 1995 г. на 2 млн. чел., расчетные же данные свидетельствуют о снижении прироста почти на 6 млн. чел. Произошло, кстати, сокращение количества вновь трудоустроенной в городах рабочей силы из деревни (по нашим подсчетам, с 30,6 до 29,8% в общем количестве трудоустроенных), причем, предприятиями как государственной, так и коллективной собственности.

Сказанное с полным основанием можно отнести и к решению проблемы капиталовложений в сельское хозяйство. В целом пока не просматривается тенденции кардинального изменения сложившейся ситуации, при которой основное бремя финансирования сельскохозяйственного производства лежит на местах, точнее, на сельских предприятиях.

Продолжается относительное сокращение потенции волостных и поселковых предприятий к абсорбции избыточной рабочей силы. К началу 9-й пятилетки, как отмечалось, волостные и поселковые предприятия трудоустроили примерно половину избыточной рабочей силы китайской деревни; среднегодовой прирост их персонала за предыдущие 15 лет составлял примерно 7 млн. человек.

Для разрешения к 2010 г. проблемы избыточной рабочей силы в деревне, следовательно, необходимо, как минимум, сохранение указанной тенденции, то есть среднегодовой рост занятых на волостных и поселковых предприятиях должен по-прежнему составлять порядка 7 млн. чел.

Итогом первого года 9-й пятилетки (1996) стала опубликованная в Сообщении ГСУ КНР цифра, более чем вдвое меньшая, - 2,8 млн. чел. (правда, в "Статистическом ежегоднике Китая, 1997" приводится другой показатель -

6,5 млн. чел., но расчеты на основании данных указанного "Ежегодника" опровергают это в пользу первой цифры).

Так или иначе, в 9-м пятилетнем плане предусмотрен рост числа занятых на волостных и поселковых предприятиях до 160 млн. чел., то есть многим более чем на 30 млн. чел., тогда как в 8-й пятилетке (1991-1995) он составил 36 млн. человек.

Возвращаясь к общей оценке роли и места сельских предприятий, следует отметить, что декларируемая в решениях 5-й сессии ВСНП 8-го созыва в качестве неотложной задачи "поддержка направляющей роли рынка" не предполагает следования по пути индивидуального, тем более частного, предпринимательства. Преобладающее развитие негосударственного сектора в деревне в лице волостных и поселковых предприятий не означает альтернативного адекватного роста индивидуально-частных производственных фондов в деревне. Параллельно с увеличением доходов крестьян в результате деятельности сельских предприятий растут и коллективные накопления. На долю волостных и поселковых предприятий сейчас приходится примерно 80% (по данным 1995 г. 77%) общей коллективной собственности деревни.

Вместе с тем это отнюдь не означает концентрации капитала в руках владельцев предприятий дворов, а также созданных на объединенном капитале. Бурный процесс акционирования, развернувшийся среди волостных и поселковых предприятий за последние год-два, разумеется, в огромной степени содействует реализации этой тенденции. В этой связи представляется логичным предположить, что, в отличие от других азиатских развивающихся стран, формирование и складывание среднего класса в Китае скорее всего произойдет на базе волостных и поселковых предприятий. Спецификой (именно китайской спецификой) такого среднего класса, по-видимому, будет относительно слабо выраженное политическое лицо. Иными словами, в ближайшем обозримом будущем он еще не сложится в реальную политическую силу, претендующую на свою долю прав. В этом смысле волостные и поселковые предприятия обладают еще одним весомым аргументом в процессе поиска китайским руководством модели "с китайской спецификой", которая, соответствуя процессу экономической либерализации, вместе с тем, не требовала бы коренной перестройки существующих политических институтов, "вписывалась" в социально-политическую архитектуру существующего строя.

Итак, роль и место сельских (волостных и поселковых) предприятий во всех аспектах экономической жизни Китая - темпах и уровне развития производительных сил, источниках финансирования (в особенности, сельского хозяйства), трудоустройстве и т.д. - характеризуются высокой значимостью; важность их (то есть роли и места в народном хозяйстве) намного выше, чем для других государств. Их доминирующее положение в решении проблемы повышения уровня доходов крестьянства, составляющего три четверти населения страны, делает сельские предприятия ключевым звеном политической стабильности.

1. Жэньминь жибао. 1997. 22 сентября.
2. Жэньминь жибао. 1996. 31 октября.
3. Жэньминь жибао. 1995. 5 октября.

Интерпретация древнекитайской традиции с позиций современной экономической теории

© 1998

О.Борох

(Окончание, начало в ПДВ №1, 1998 г.)

В последние годы проблема взаимодействия индивидов между собой занимает важное место в мировой экономической науке. Эта тема интересует не только сторонников нового институционализма или, например, представителей неонавстрийской школы, то есть теоретических направлений, альтернативных "мэйнстриму", она также привлекает внимание ученых, работающих в русле основного течения современной экономической науки.

В рамках "мэйнстрима" проблема взаимодействия между экономическими агентами была разработана в теории игр (game theory). Эта теория была основана Дж.фон Нейманом и О.Моргенштерном в 40-е годы, а в 1994 г. специалисты по проблемам теории игр Дж.Харсаний, Дж.Нэш и Р.Селтен стали лауреатами Нобелевской премии по экономике. Теория игр подвергла пересмотру одну из основных предпосылок традиционной неоклассической экономической теории, согласно которой поведение каждого участника рынка не зависит от поведения остальных участников¹. Теория игр исходит из того, что рациональному индивиду приходится принимать решения в условиях взаимодействия с другими индивидами, и уделяет особое внимание исследованию взаимодействия индивидуальных решений.

Оценивая значение теории игр, тайваньский экономист У Хуйлинь (Институт экономических исследований Чжунхуа) писал, что она "расширила границы экономической теории, перейдя от традиционных представлений о максимизации индивидом полезности или прибыли, к анализу совместных действий людей". С точки зрения У Хуйлиня, "такой подход в большей степени соответствует реальной ситуации, при которой судьба человека зависит не только от решений индивида, но и от его взаимодействия с группами людей"².

Особое внимание и тайваньские экономисты, и ученые из континентального Китая уделяют обсуждению известной игровой модели, получившей в экономической литературе название "дилеммы заключенного" (prisoner's dilemma)³. В этой модели рассматривается проблема принятия решения, возникающая перед арестованными преступниками, которые подвергаются раздельным допросам. Каждый преступник знает, что, если никто из них не сознается и не проинформирует следствие об участии другого в преступлении, то он будет освобожден или получит умеренное наказание. Однако, если один из соучастников сознается, а другой нет, то сознавшийся будет освобожден, а другой будет сурово наказан. Если оба преступника сознаются, то они будут

осуждены, однако каждый получит меньший срок заключения, чем в том случае, когда сознается один.

Игровая модель “дилеммы заключенного” в контексте данной статьи представляет интерес прежде всего потому, что свидетельствует о возможности соглашения между индивидами с целью достижения взаимовыгодного результата. Пример “дилеммы заключенного” показывает, что для рационального агента, заинтересованного своей собственной судьбой, существует стимул сознаться, предоставив остальным нести последствия его поступка. Однако, если все примут такое решение, то результат для каждого будет хуже, чем он мог бы быть в том случае, если бы они могли договориться о том, что никто из них сознаваться не будет. Другими словами, в ситуации “дилеммы заключенного” преследование индивидом собственного интереса приводит к решению менее удовлетворительному, чем возможные альтернативы⁴.

По мнению китайских экономистов, значение этого примера состоит прежде всего в том, что из него следует вывод о возможности достижения оптимального результата путем координации своих действий с действиями других людей. Ссылаясь на “дилемму заключенного”, китайские ученые доказывают, что возможно такое равновесие, при котором взаимодействие будет более выгодным, чем рациональное преследование собственных интересов или, иными словами, проводят мысль о важности сотрудничества⁵.

Вывод о важности сотрудничества между индивидами, вытекающий из анализа модели “дилеммы заключенного”, рассматривается тайваньскими экономистами как возможный выход из ситуации “войны всех против всех”, по Гоббсу. “Представители основного течения - неоклассики - говорят нам: в заданных условиях, исходящее из мотивов получения собственной выгоды (*цзы ли*) поведение индивида может привести к оптимальному размещению ресурсов. В этой сосредоточенной исключительно на индивиде модели “мира одного человека” рыночные условия и ситуация в обществе рассматриваются по отношению к человеку как внешние заданные параметры, человеку необходимо только рассчитать способ поведения и стратегию, выгодную ему лично, и он будет жить в мире выгоды для себя и выгоды для других людей (*цзы ли ли жэнь*). Однако в соответствии с теорией Гоббса, если человеку проще избрать поведение “выгоды для себя в ущерб другим” (*хай жэнь ли цзи*), нежели “выгоды для себя и выгоды для других людей”, то такое общество в конечном счете превратится в “джунгли”, в которых всеми действиями человека и размещением ресурсов будут управлять сила и шантаж. Используя игровую модель “дилеммы заключенного”, теоретики игр пытаются найти для людей, живущих в “джунглях” Гоббса и действующих по принципу взаимного обмана и подозрений, способы, позволяющие им доброжелательно относиться друг к другу и сотрудничать между собой”⁶.

Проблема оптимального построения гармоничных отношений сотрудничества между людьми занимала важное место и в китайской классической традиции. Неудивительно, что Хуан Чуньсин и Гань Сюэпин доказывают, что “дилемма заключенного” и некоторые другие примеры теории игр органично вписываются в контекст древнекитайской мысли, полагая, что доциньские мудрецы также пытались найти альтернативу миру “войны всех против всех”, или, в китайских понятиях, “обществу, не имеющему Пути-*дао*”.

Проецируя модель “дилеммы заключенного” на древнекитайский материал, тайваньские экономисты оговаривают, что этот метод обычно не применяется при изучении китайской философии, однако его использование позволяет составить более четкое представление о взглядах представителей различных философских школ⁷.

В качестве области применения этого метода был избран древний "путь преданности и великодушия" (*чжун шу чжи дао*), этические требования которого зафиксированы в тексте "*Лунь юй*". Изречение Конфуция "не делай людям того, чего не желаешь себе"⁸ дает негативное определение "пути великодушия", а призыв "утверждать других в том, в чем желаешь утвердиться сам, подвигать других на то, на что желаешь подвигнуться сам"⁹ - суть позитивного "пути преданности" (*чжун дао*).

Другим примером стали идеи Мо-цзы о важности нравственного примера в добрых деяниях, способного изменить общество. Эта позиция нашла отражение в образе "дарения сливы в ответ на персик" (*тоу тао бао ли*), который был заимствован Мо-цзы из древней "Книги песен" (*Ши цзин*):

"Знай же, что слово найдет непременно ответ,

Блага, чтоб кануло без воздаяния - нет...

Кто мне подарит душистого персика плод,

Сливу всегда от меня в благодарность возьмет" (перевод А.А.Штукина)¹⁰.

Предложенный Мо-цзы принцип паритетного воздаяния анализируется с учетом введенного древним мудрецом дополнительного условия: "Я действую первым" (*во сянь цунши*). Несмотря на различия в этических взглядах конфуцианцев и моистов в доциньской мысли Древнего Китая, обе позиции рассматриваются тайваньскими экономистами как попытки разработать варианты стратегии, направленной на снятие "дилеммы заключенного". Весьма примечательна формулировка контрольного вопроса, который ставят перед студентами авторы учебника "Принципы экономической теории": "В данной главе показано, что Конфуций и Мо-цзы пытались решить "дилемму заключенного" - почему им это не удалось?"¹¹.

Отвечая на этот вопрос, авторы учебника доказывают, что в отличие от современной теории игр, где важнейшей поведенческой предпосылкой является принцип личного интереса и главным побудительным мотивом для согласования стратегий игроков служит возможность получения каждым из них большей выгоды, у древнекитайских мудрецов такая мотивация отсутствует.

Вовсе не обязательно, что в реальной жизни люди непременно выберут предложенную Конфуцием стратегию ненавязывания другому того, чего не желаешь себе. Важная проблема состоит в том, как партнеры одновременно смогут убедить друг друга, что они искренне приняли стратегию "пути великодушия". Как можно до принятия стратегии *шу дао* заставить партнера поверить в то, что ты сам ее примешь? Как самому поверить в то, что партнер выберет стратегию *шу дао*?

Сходная ситуация складывается в случае с этикой Мо-цзы, основывающейся на принципе "всеобщей любви и взаимной выгоды", хотя предложенная Мо-цзы стратегия поведения отличается от той, за которую выступал Конфуций.

Особенность этой стратегии можно пояснить на примере двух царств. Если одно из них пошлет войска походом на другое, то второе царство "ответит сливой на персик" и двинет свою армию. Наоборот, если первое царство не пошлет войска, то второе также последует его примеру. С этой точки зрения, ситуация, при которой одна сторона посылает войска, а другая не делает этого, невозможна. Мо-цзы вводит дополнительное условие - "я действую первым", чтобы сторона, делающая первый ход, могла определить исход игры.

Однако нет уверенности в том, что все люди выберут стратегию равного воздаяния и "подарят сливу в ответ на персик". Преследование своих

интересов может привести к тому, что доброе дело останется безответным, а одно из царств, зная о мирных намерениях другого, может решиться на агрессию, считая лучшим средством обороны нападение. Поскольку у начинающего игру отсутствует информация относительно возможной реакции партнера, он должен совершить добрый поступок, не будучи уверенным в том, что партнер выберет стратегию кооперативного поведения. В сложившейся ситуации акцент делается не на экономических, а на нравственных мотивах поведения, поскольку предполагается, что начинающий игру должен быть высокоморальным человеком.

Несмотря на то, что древнекитайские мыслители обсуждали проблемы согласования стратегий индивидуального поведения, сходные по виду с "дилеммой заключенного" в ее современном понимании, они не дали ее решения. Определяющим фактором их неудачи стало отсутствие предпосылки учета индивидуальных интересов и выгод. Классические высказывания Конфуция "отвечать добром на добро" (*и дэ бао дэ*) и "отвечать на зло справедливостью" (*и дэ бао юань*), также поддающиеся рассмотрению в терминах теории игр, были направлены исключительно на этическую гармонизацию общественных отношений. Хотя доциньские мыслители имели достаточно разработанные представления о выгоде *ли* и различали выгоду для других (*ли та*) и выгоду для себя (*цзы ли*), с точки зрения экономической мотивации предложенные ими нормы взаимоотношений были недостаточны для приближения к идеалу общества, обладающего истинным Путем-дао.

Как отмечалось ранее, значение теории игр китайские ученые видят прежде всего в том, что она уделила центральное внимание исследованию взаимодействия индивидуальных решений. Анализ игровой модели "дилемма заключенного" позволил расширить рамки традиционной неоклассической теории и перейти от изучения "мира одного человека" к "миру двух людей". Однако, как подчеркивают современные тайваньские экономисты, реальное общество значительно сложнее, чем "мир двух людей" - это "мир многих людей, в котором существуют обычаи, этико-ритуальные нормы (*ли*) и долг-справедливость (*и*), привычки, а также семьи, рынок, фирмы, местные организации, правительства"¹².

В последние десятилетия мировая экономическая наука стала осваивать новые области и все чаще обращаться к изучению различных явлений общественной жизни, которые раньше находились вне ее поля зрения. Одним из новых направлений современной экономической мысли Запада, вызывающим на Тайване повышенный интерес, является экономический анализ семейных отношений.

Долгое время семья трактовалась западной экономической теорией как мельчайшая, далее неделимая единица и отождествлялась с рациональным индивидом (главой семьи), максимизирующим полезность, а процессы, происходящие внутри семьи, не исследовались. Сегодня внутренняя структура семьи стала предметом анализа экономистов¹³. Особый вклад в изучение семейных отношений внес профессор Чикагского университета Г.Беккер.

Работы Г.Беккера пользуются большой популярностью на Тайване¹⁴. К числу выдвинутых Г.Беккером теоретических моделей, которые привлекли внимание тайваньских экономистов, относится так называемая "теорема об испорченном ребенке" (*Rotten Kid Theorem*) - альтруистическая модель внутрисемейного распределения.

Интерес к этой теореме объясняется, по нашему мнению, не только стремлением тайваньских ученых лучше разобраться в проблемах семейных отношений. Сформулированная Г.Беккером теорема заинтересовала их также

и потому, что американский ученый вписал в модель “человека экономического”, действующего рационально (то есть стремящегося к достижению наилучших из возможных результатов) иной тип мотивации, отличный от эгоизма, а именно альтруистическое поведение.

Попытка объяснить альтруистическое поведение с точки зрения модели рационального выбора стала теоретической новацией для западной экономической науки. Еще более новаторским такое объяснение представляется с точки зрения китайской традиции, где альтруизм рассматривался исключительно как моральное поведение, не только не связанное с экономическими интересами, но “противостоящее” им как выражение более высоких личностных добродетелей.

В соответствии с концепцией Г.Беккера, альтруизм понимается как положительная зависимость между функциями полезности разных людей (например, благосостояние матери тем выше, чем благополучней ее ребенок). Исходя из такого понимания альтруизма американским ученым была сформулирована “теорема об испорченном ребенке”, раскрывающая роль альтруизма в семье.

В основе предложенной Г.Беккером модели лежит аксиома, что в семье присутствует “альтруист” - глава семьи, структура предпочтений которого отражает заботу о благосостоянии всех остальных. Г.Беккер доказывает, что наличие одного альтруиста - главы семьи побуждает эгоистичных, но рационально действующих членов семьи, вести себя в соответствии с принципами альтруизма, в результате чего внутрисемейное распределение ресурсов строится так, чтобы максимизировать функцию полезности альтруиста.

Другими словами, если глава семьи (бенефактор) является альтруистом, то даже “испорченный ребенок” (бенефициарий), движимый исключительно эгоистическими мотивами, будет демонстрировать альтруистическое поведение, стремясь способствовать максимизации общего уровня благосостояния семьи¹⁵. Рассмотрим более подробно проводимое тайваньскими учеными сопоставление альтруистической модели внутрисемейного распределения Г.Беккера и классической конфуцианской концепции “добродетельного правления” (*дэ чжи*).

Анализируя модель “добродетельного правления” с точки зрения ее экономической эффективности, Хуан Чуньсин и Гань Сюэпин стали рассматривать *дэ чжи* как институт, задаваясь при этом вопросом, действительно ли можно с помощью добродетели успешно управлять обществом. По мнению тайваньских исследователей, “этот вопрос заставляет вспомнить о “теореме об испорченном ребенке”, сформулированной Г.Беккером”¹⁶.

Возможность такого сопоставления основывается прежде всего на том, что с древности в китайской культурной традиции государство понималось по аналогии с семейным кланом, а отношения “правитель-подданный” рассматривались по аналогии с более фундаментальной связью “отец-сын”. Эта идея нашла отражение во времена китайского средневековья в важном памятнике политической и экономической мысли династии Сун (XI в.) - трактате Ли Гоу “План обогащения государства, план усиления армии, план успокоения народа”. В разделе, посвященном проблемам “успокоения народа”, говорилось, что “правитель - отец и мать, а народ - [его] дети”¹⁷.

Во-вторых, Г.Беккер обосновал, что альтруизм главы семьи может побуждать к кооперативному поведению даже “испорченного ребенка”, движимого исключительно эгоистическими мотивами. Сходную направленность можно обнаружить в известной фразе Конфуция об управлении государством: “Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым. Мораль

(дэ) благородного мужа [подобна] ветру; мораль низкого человека подобна траве. Трава наклоняется туда, куда дует ветер"¹⁸. Таким образом, "теорема об испорченном ребенке" позволяет по-новому подойти к обсуждению вопроса о том, почему в Древнем Китае могло возникнуть требование к правителю стремиться к богатству, мощи и спокойствию (*фуцзян аньлэ*) государства с помощью института добродетельного правления¹⁹.

Однако нельзя не отметить и существенного отличия идей древних конфуцианцев от взглядов Г.Беккера. Если первые основывали свои выводы на незыблемом убеждении в возможности неограниченного совершенствования человеческой природы под воздействием силы морального примера "добродетельного правления" властителя, то второй полагал, что в основе альтруистической модели лежит принцип рационального максимизирующего поведения. В соответствии с концепцией Г.Беккера, "испорченный ребенок" будет стремиться к улучшению положения семьи и воздерживаться от любых действий, наносящих ущерб ее благосостоянию прежде всего потому, что в противном случае он может оказаться в проигрыше²⁰.

С позиции разработанного Г.Беккером "экономического подхода", действующий рационально "испорченный ребенок" будет демонстрировать кооперативное поведение с главой семьи и ее членами лишь до тех пор, пока оно может принести ему наибольшую выгоду. Вызванное к жизни соображениями экономической рациональности, альтруистическое поведение на благо семьи, западная модель которой подразумевается в теореме Г.Беккера, может утратить для выросшего "испорченного ребенка" свою важность, став менее эффективным, чем эгоизм. Нечто сходное происходит и в государстве, в котором "добродетельное правление" оказывается действенным, пока подданные могут ожидать от него наибольшей выгоды. По мере того, как люди обретают экономическую независимость от государства, эгоистические мотивы начинают преобладать над альтруистическими, несмотря на воздействие проводимого государством морального образования. Как в семье, так и в государстве, альтруистическое поведение "испорченного ребенка" - "подданного" преобладает над эгоистическим лишь до тех пор, пока оно позволяет ему получить наиболее эффективный с экономической точки зрения результат²¹.

* * *

Проводимые современными учеными сопоставления новых направлений экономической мысли Запада с китайским классическим наследием свидетельствуют о наличии между ними точек соприкосновения. Это сходство стало особенно заметным в последние годы, чему способствует расширение предметного поля современной экономической науки, освоение западной экономической теорией новых, нетрадиционных для себя сфер.

Подчеркнем, что речь идет именно о моментах совпадения, а не о тождественности. Проблемы, обсуждаемые мировой экономической наукой, созвучны вопросам, которые ставили древнекитайские мудрецы, что дает возможность для их сравнения. Но это вовсе не означает, что древнекитайская философия уже дала удовлетворительные с экономической точки зрения ответы на эти вопросы. Попытка перестроить современную экономику по Конфуцию не приведет к эффективным результатам. Напротив, проведенные сопоставления выявили принципиальные различия между современной западной экономической теорией и классической мыслью Древнего Китая.

Различие фундаментального порядка состоит в понимании человека. Несмотря на разнообразие моделей человека в современных западных теори-

ях, большинство этих моделей рассматривает в качестве важнейшего принципа человеческого поведения стремление каждого человека удовлетворить свои собственные интересы. Древнекитайские мудрецы не только не считали этот принцип основополагающим, но и критиковали его с позиции превосходства долга-справедливости над пользой-выгодой.

Доцинская мысль оформила базовую идею китайской культуры - возможность безграничного морального совершенствования человека через должное осуществление предписываемых ему социальных ролей. Эта идея нашла свое выражение во фразе "каждый человек может стать Яо и Шунем"²², то есть сравняться по уровню своего морального совершенства с древними правителями. В основании этого предположения лежала аксиома "изначальной доброты" человеческой природы, заложенной в индивидуе от рождения и лишь "раскрываемой" в процессе социализации. Исходя из такой поведенческой предпосылки древнекитайские философы приходили к выводу о том, что люди абсолютно восприимчивы к моральному воздействию благородного примера. Именно на это различие обращают внимание тайваньские профессиональные экономисты, хорошо владеющие западной экономической теорией.

Необходимо учитывать, что есть и другая группа китайских ученых, которая при сопоставлении древнекитайской философии и современной западной мысли исходит из китаецентристской предпосылки. Примером такого подхода может служить упоминавшаяся статья, опубликованная в тайваньском журнале "Кун Мэн сюэбао". Акцентируя внимание на совпадении взглядов современных западных экономистов и древнекитайских философов, сторонники этого направления утверждают, в частности, что "доциньские конфуцианцы уже объяснили те вещи, которые были открыты Коузом в его теореме"²³. Подобное обоснование приоритета китайской традиции достигается с помощью многочисленных цитат из классических трудов китайских философов, но очевидной слабостью аргументации выступает не очень глубокое знание мировой экономической мысли.

Во-вторых, считается, что все китайцы и, в особенности представители интеллектуальной элиты, достаточно хорошо знают традиционный материал. С нашей точки зрения это не совсем так, по крайней мере, когда речь идет о профессиональных экономистах. В континентальном Китае в экономическом образовании долгое время господствовал марксизм, в последнее десятилетие молодое поколение экономистов ориентируется на изучение западных теорий. Не знакомы в должной мере с традиционными идеями и студенты экономических факультетов университетов Тайваня, так как их учебные программы практически не отличаются от аналогичных курсов в американских университетах. В цитируемой нами работе тайваньских экономистов традиционный материал используется не столько для того, чтобы облегчить восприятие западных экономических концепций путем их сопоставления с китайским материалом, сколько в целях ознакомления тайваньских студентов-экономистов с традиционным наследием.

В-третьих, существует распространенное представление, что древнекитайская мысль и ее сопоставление с общественной мыслью Запада являются исключительной областью историко-философских и культурологических исследований. Экономическая перспектива позволяет подойти к изучению китайской мысли с новых позиций. Новизна такого подхода проявляется в его отличии от известных взглядов, представленных сторонниками современного культурно-философского течения, известного под названием "современного

конфуцианства”, и близкой к нему по духу теорией “конфуцианского капитализма”.

Особенность социально-экономических воззрений представителей этого направления состоит в том, что они пытаются обосновать важность традиционной конфуцианской “моральной метафизики” для формирования современной рыночной экономики в странах Восточной Азии. Социально-политическая концепция “конфуцианского капитализма” имеет заметную идеологическую направленность и используется для доказательства превосходства экономических систем стран “конфуцианского ареала” над рыночными экономиками стран Запада. Основной причиной экономической динамики региона считаются традиционные ценности, формирующие уникальную деловую этику как у предпринимателей, так и у работников.

Современные сопоставления новых направлений в мировой экономической мысли с китайской классической культурой не ставят на первое место идею превосходства китайских моральных ценностей и не несут идеологической окраски. Они отличаются профессионализмом и научной объективностью, и можно предположить, что они смогут предоставить ученым Китая и Запада новые перспективы в их исследованиях как традиционного китайского наследия, так и экономической теории.

1. См.: Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. Очерк теории западной экономической мысли. М., 1993.С.63; Словарь современной экономической теории Макмиллана. М., 1997.С.200.
2. У Хуйлинъ. Фаньтанъ 1994 нянь Нобэйэр цзинцзисюэцзян дэ жэнь, и цзи цита (Поговорим о лауреатах Нобелевской премии по экономике за 1994 год - людях, их делах и др.) // Цзинцзи цяньчжанъ. 1995.1 мая. N 37. С.112.
3. Хуан Чуньсин, Гань Сюэпин. Цзинцзисюэ юаньли. Т.1. С.183-186; Цзинцзисюэ юй Чжунго дэ гайгэ (Экономическая наука и китайская экономическая реформа) Шанхай, 1995.С.242-277.
4. Словарь современной экономической теории Макмиллана. М., 1997. С.200, 400.
5. Хуан Чуньсин, Гань Сюэпин. Цзинцзисюэ юаньли. Т.1. С.186.
6. Там же. Т.1. Предисловие. С.3-4.
7. Гань Сюэпин, Хуан Чуньсин. Жу Мо цзай гунгун гуифань шан дэ чжуаньцзе (Общее в представлениях конфуцианцев и моистов по вопросу об общественных нормах)// В сб.: Чжэсюэ юй гунгун гуифань (Философия и общественные нормы). Тайбэй, Чжунъян яньцзююань Чжуншань жэньвэнь шэхуй кэсюэ яньцзюсю чжуаньшу (34). 1995. С.138.
8. Древнекитайская философия. М., 1972. Т.1. С. 160. Пер. В.А.Кривцова. В словаре “Китайская философия” дается другой перевод этого изречения Конфуция: “Чего не желаешь себе, того не навязывай другим”. См.: Китайская философия. Энциклопедический словарь / Под ред. М.Л.Титаренко. М., 1994. С.465.
9. Китайская философия. Энциклопедический словарь. С.465.
10. Титаренко М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985. С.159.
11. Хуан Чуньсин, Гань Сюэпин. Цзинцзисюэ юаньли. Т.1. С.234.
12. Там же. Т.1. Предисловие. С.4.
13. THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. М., 1994. Вып.6. С.10; Капсюшников Р.И. Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению // США: идеология, политика, экономика. 1993. N 11. С.17-32.
14. У Хуйлинъ. Цифу жэньсин дэ 1992 нянь Нобэйэр цзинцзисюэ цзян дэчжу Бэйкэ (Самый гуманный экономист - лауреат Нобелевской премии по экономике за 1992 год Беккер) // Цзинцзи цяньчжанъ. 1993. 1 октября. N 29. С.154-161; Чжан Цинси. Циши юй Бэйкэ цзинцзисюэ жу мэнь (Дискриминация и введение в экономическую теорию Беккера) // Цзинцзи цяньчжанъ. 1993. 1 октября. N 29. С.169-172; У Хуй-

- линь. И бэнь куа сюэкэ лингъюй дэ чжунъяо шудзи - "Циши цзинцзисюэ" (Важное междисциплинарное исследование - "Экономика дискриминации"). Цзинцзи цяньчжань. 1997. 1 мая. N 49. С.118-119.
15. Becker G.S. A Treatise on the Family. Cambridge - London, 1991. P.288; Капсюшников Р.И. Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению. С.28-29; THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. М., 1994. Вып.6. С.62-63.
  16. Хуан Чуньсин, Гань Сюэпин. Ю минь бэнь сысян дэ лоши юй фачжань лунь чжэнфу цзучжи дэ фэньгун юаньцзэ (Поговорим о принципе разделения труда в правительстве исходя из проведения в жизнь и развития идеи "народа как корня-основы")// В сб.: Чжэсюэ юй гунгун гуйфань (Философия и общественные нормы). Тайбэй: Чжунъян яньцзююань Чжуншань жэньвэнь шэхуй кэсюэ яньцзюсю чжунаньшу (34). 1995. С.170.
  17. План успокоения народа (Ань минь цэ) [цз.18, л.12а]. Цит. по: Лапина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985. С.301.
  18. Древнекитайская философия. М., 1972. Т.1. С. 161.
  19. Хуан Чуньсин, Гань Сюэпин. Ю минь бэнь сысян дэ лоши юй фачжань лунь чжэнфу цзучжи дэ фэньгун юаньцзэ. С.171.
  20. Капсюшников Р.И. Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению. С.28-29.
  21. Хуан Чуньсин, Гань Сюэпин. Ю минь бэнь сысян дэ лоши юй фачжань лунь чжэнфу цзучжи дэ фэньгун юаньцзэ. С.170-172, 182.
  22. Там же. С.182.
  23. И Сяньжун. Цит. ст. С.216.

Зерновая проблема в КНР

© 1998

А.Ревуцкий

Через три с небольшим года человечество вступит в XXI век. Накануне следующего тысячелетия особую актуальность приобретают проблемы, связанные с ресурсным обеспечением все ускоряющегося развития цивилизации. Теории, предостерегающие от последствий перенаселения Земли, зародились почти 200 лет назад и, несмотря на стремительный рост производительных сил, их до сих пор не отправляют архив. Нынешнее столетие, в ходе которого число людей на Земле увеличивалось, дает множество новых поводов для размышления над тем, что нас ждет в будущем. Изменение демографической обстановки, экономический подъем и общее повышение уровня жизни в развивающихся странах создают принципиально новую ситуацию распределения и потребления всех видов ресурсов.

Для тех, кто хочет составить представление о том, что будет происходить в мире в следующем столетии, Китай, где проживает почти четверть населения земного шара, представляет наибольший интерес. Значение процессов, которые происходят в социально-экономической жизни Китая в наши дни, для будущего всего мира трудно переоценить. Решение продовольственной проблемы во все времена было одной из главных задач государства. Обеспечение продовольственной безопасности в Китае - самой многонаселенной стране мира - один из основных приоритетов внутренней политики.

В последнее время в Китае и за его пределами значительно повысилось внимание к продовольственной проблеме. Непосредственным толчком к этому стала публикация в 1994 г. статьи, а затем и книги американского эколога Л.Брауна под названием "Кто накормит Китай в XXI веке?" Исследование Л.Брауна базируется на аналогии, проведенной между экономическим развитием современного Китая, Японии и азиатских НИС в 60-70-е годы. Автор выделяет неблагоприятные тенденции развития сельского хозяйства Китая и предсказывает существенный дефицит зерна в КНР в долгосрочной перспективе (в зависимости от динамики потребления, 207-369 млн. к 2030 г.)¹. Высказанная Л.Брауном точка зрения стала предметом дискуссии среди специалистов разных стран, включая и Россию². И, конечно, публикации Брауна вызвали настоящую волну откликов прежде всего в Китае. В основном опровергая рассуждения американского ученого, статьи китайских авторов высветили целый ряд острых проблем сельского хозяйства страны в общем и производства зерновых в частности. При всем различии мнений о будущем развитии в целом китайские специалисты оценивают положение как "очень серьезное".

По оценкам китайских и зарубежных экспертов, потребление зерновых в Китае подошло к той отметке, за которой обеспечение баланса спроса и

предложения становится одной из наиболее серьезных задач, которую предстоит решить уже в ближайшем будущем. Рост населения на 12-13 млн. человек в год означает, что при существующем уровне потребления прирост производства зерновых в размере 5,5 млн. т. будет уходить только на то, чтобы обеспечить потребности новых граждан страны. Однако основным фактором, связанным с ростом потребления продовольствия, является повышение уровня жизни населения в последние годы. Более половины своих растущих доходов китайцы тратят на приобретение продуктов питания. Зерновые находятся в основании всей пирамиды производства продовольствия. Диверсификация структуры питания на практике означает не уменьшение, а увеличение потребления зерновых*. Несмотря на существенное улучшение структуры потребления продуктов питания в период с начала реформ (1978), возможности роста потребления продовольствия (особенно в сельской местности) еще очень велики.

Как отмечают западные эксперты, дополнением к зерну как основному источнику белка могла бы стать продукция водных промыслов. Однако уже в настоящее время на Китай приходится 25% общемирового объема добычи рыбы и морепродуктов¹. За последние 10 лет производство в отрасли уже выросло с 7 до 25 млн. т, и этот фактор уже никак нельзя считать резервным.

По данным Госстатуправления, в 1995 г. производство зерновых в Китае составило 467 млн. т (+20 млн. т по сравнению с 1994 г.)**. Однако обстоятельства, при которых были опубликованы эти сведения, заставляют усомниться в их точности. В январе 1996 г. три разных ведомства - Министерство сельского хозяйства, Госплан и Госстатуправление расходились в оценках урожая в пределах 455-460 млн. т. Не исключено, что корректировка в сторону завышения данных имела целью сбить цены на зерновые на мировом рынке и снизить инфляционные ожидания внутри страны. В условиях КНР, где две трети производимого зерна потребляется самими крестьянами, официальная статистика дает только приблизительное представление о зерновой ситуации.

Несмотря на рекордные показатели, не так давно в интервью одному из гонконгских изданий, премьер КНР Ли Пэн поставил решение продовольственной проблемы на первое место по своей важности среди других актуальных для современного Китая проблем¹. Не проходит и недели, чтобы один из высших руководителей не упомянул о том, что хотя Китай безусловно способен прокормить себя в будущем, ситуация не дает повода для слепого оптимизма. О внимании руководства к проблемам сельского хозяйства говорят и на участившихся совещаниях, а также во время инспекционных поездок высших должностных лиц. С марта 1995 г. вопросы сельского хозяйства непосредственно курирует вице-премьер Цзян Чунъюнь.

25 октября 1996 г. пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала "Белую книгу по зерновой проблеме в Китае"². В этом документе (по сути - это доктрина решения продовольственной проблемы) собраны практически все плановые установки руководства, основная цель документа, внешняя направленность которого очевидна, - доказать несостоятельность утверждений Л.Брауна и других экспертов, предрекающих падение производства зерна в Китае.

* По приблизительным подсчетам, для производства 1 кг. свинины необходимо затратить 4 кг. зерна, 1 кг. говядины - 7 кг. и т.д.

** По китайской методике подсчета, в категорию "зерновые" включается примерно 50 млн. тонн бобовых и корнеплодов в пересчете 5:1.

Потребности КНР в зерне в 2000, 2010 и 2030 гг. авторами белой книги оцениваются в 500, 550 и 640 млн. т. соответственно. Столь высокие показатели производства зерновых, по мнению правительственных экспертов, могут быть достигнуты, если в полной мере использовать имеющиеся ресурсы.

Речь идет прежде всего о повышении урожайности на полях малой и средней продуктивности (30-50 ц с га). Для этого орошаемые площади в 2000, 2010 и 2030 гг. должны быть увеличены до 53,3 млн. га, 56,7 и 66,7 млн. га (что составляет, соответственно, 56, 60 и 70% обрабатываемых площадей). К 2000 г. планируется преобразовать 14 млн. га полей средней и низкой урожайности, а к 2030 г. завершить работу над всеми 60 млн. га. Причем более чем на 20 млн. га обрабатываемых земель, по замыслу авторов плана, урожайность должна составить 150 центнеров с гектара.

Большое значение придается и рациональному использованию земельных ресурсов*. Посевные площади под зерновыми неуклонно сокращающиеся в течение последних 40 лет, решено стабилизировать на уровне 110 млн. га.**

Основная роль в увеличении производства зерна отводится факторам НТР, на которые в наши дни в Китае приходится всего 30-35% роста производительности труда (в промышленно развитых странах - свыше 60%). Поставлена задача к 2000 г. увеличить вклад научных разработок в сельскохозяйственное производство на 50%, а к 2030 г. ликвидировать этот разрыв между КНР и западными странами.

Белая книга указывает на существование значительных резервов увеличения производства других видов продовольствия. По официальным оценкам, степень использования внутренних водоемов для производства продукции водных промыслов не превышает 69%, рисовые поля используются в рыболовстве на 15, морские территории - на 28%.

Экономия зерна рассматривается в качестве значительного резерва увеличения конечного потребления. По оценкам, около 10% произведенного зерна теряется на пути к потребителю. Если довести эти потери до разумного уровня, можно экономить до 20 млн. т. зерна в год.

В Белой книге открыто признается, что уровень механизации сельского хозяйства КНР отстает от реальных потребностей отрасли, необходимо также совершенствовать систему снабжения сельского хозяйства удобрениями, пестицидами и т.д.

В документе говорится о необходимости улучшения финансирования сельского хозяйства. К 2000 г. доля сельскохозяйственных объектов в общем объеме расходов на капитальное строительство будет доведена до 20%. Местные правительства скорректируют свою инвестиционную политику в соответствующей пропорции. Рост вложений в сельское хозяйство должен превышать рост доходной части бюджетов правительств всех уровней. Прирост кредитов сельского хозяйства запланирован в размере не менее 10% от общего прироста банковского кредита.

В Белой книге в очередной раз подтверждена приверженность руководства КНР системе семейного подряда как основной форме организации сельскохозяйственного производства, на практике доказавшей свою эффектив-

* В последние два года кампания по сохранению земли принимает крайние формы - вплоть до замораживания проектов развития и сноса кладбищ.

** Согласно последним Правилам землепользования, разработанным совместно Государственным земельным Комитетом и Госпланом, промышленные и другие проекты, для возведения которых необходимо более 67 га пахотных земель или 133 га необрабатываемой земли, подлежат рассмотрению в Госсовете КНР.

ность, говорится также о необходимости создания рыночного механизма ценообразования в отрасли.

Согласно официальному плану, до 2000 г. производство зерна в стране должно составить свыше 500 млн. т. в год. В случае его успешной реализации, в ближайшие 5-10 лет будет сохранен баланс между спросом и потреблением зерновых, достигнутый в 90-е годы.

Однако на уровне реальной политики установки центра выглядят несколько иначе. Напряженность зернового баланса заставляет китайские власти прежде всего усиливать госрегулирование производства зерна. Либерализация рынка в ближайшее время исключается. Под лозунгом борьбы с инфляцией и защиты интересов крестьян государство восстанавливает контроль над всей цепочкой: производство - распределение - потребление. Если в 1994 г. государственная торговля контролировала менее половины внутреннего рынка зерна, то в 1995 г., по заявлению министра внутренней торговли КНР Чэнь Банчжу, эта доля повысилась до 70-80%. С целью усиления контроля над закупками сельхозпродукции и поставками средств производства в деревню воссоздана Всекитайская федерация снабженческо-сбытовых кооперативов (ранее система снабженческо-сбытовой кооперации входила в структуру Министерства внутренней торговли КНР. Нынешняя реорганизация привела к повышению статуса федерации во взаимоотношениях с другими правительственными ведомствами в центре и на местах). Ужесточен запрет на закупки зерна в деревне любыми организациями до завершения закупок по госконтрактам. Поставлено под более строгий государственный контроль производство и распределение удобрений и сельскохозяйственной техники.

Несмотря на обильный урожай 1995 г., в 1996 г. закупочные цены в среднем были повышены более чем на 40%. Базовая закупочная цена одного цзиня (0,5 кг) зерна выросла с 0,54 до 0,69 юаня. Сверх того, местным правительствам разрешено доплачивать крестьянам дотации в размере 10% цены, установленной центром. В совокупности это равняется примерно 1500 юаням за тонну, что все же ниже уровня рыночных цен. Заслуживает внимания тот факт, что в Китае, где уровень доходов населения на порядок ниже, чем в промышленно развитых странах, рыночные цены на зерно выше, чем на Западе. Цены, по которым зерно реализуется в госторговле, с 1 июля 1996 г. выросли в среднем на 30%. В рамках программы "овощной корзины" государство, устанавливая "направляющие" цены, контролирует и розничные цены на зерно в городах.

Интенсификация фактора НТР в значительной мере связана с совершенствованием семенного фонда. Поставлена задача к 2000 г. полностью заменить все сорта культур на новые высокопроизводительные гибриды. Особые надежды связываются с новыми гибридными сортами риса и кукурузы. Использование химических удобрений в КНР, по свидетельству экспертов ФАО, уже находится на достаточно высоком уровне и вряд ли может быть существенно увеличено.

В настоящее время в КНР прилагаются все усилия для мобилизации оставшихся резервов экстенсивного развития. Особая роль здесь отводится регионам Северо-Востока Китая. Так, из 50 млн. т планируемого прироста производства зерна к 2000 г., 7,5 млн. т приходится на одну провинцию Хэйлунцзян, где предполагается резко увеличить площади под зерновыми (прежде всего кукурузой и пшеницей)⁷. По всей стране идет создание базовых зернопроизводящих районов, специализирующихся на поставках товарного зерна. Выполнение госзаданий по производству и закупкам зерна становится одним из главных критериев оценки деятельности местных руководителей.

Введена личная ответственность губернаторов провинций за обеспечение сбора зерновых (программа "зернового мешка").

Значительные усилия Пекина, направленные на увеличение производства зерна, дают определенные результаты. В 1996 г. достигнут очередной рекорд по сбору зерновых - 480 млн. т. Однако истинное соотношение между спросом и предложением зерна проявит себя через рыночные цены.

При том, что существуют большие резервы увеличения конечного потребления зерновых (сокращение потерь, рационализация системы закупок зерна, экономическое стимулирование производства и др.), аграрная политика в Китае по-прежнему носит во многом нечеткий характер. Призывы к ускоренной модернизации сельского хозяйства значительно опережают реальные сдвиги в инвестиционной политике. Так, значительная часть речи Цзян Цзэминя о социально-экономическом развитии села посвящена идейно-политическому воспитанию крестьян. Другой пример - накануне празднования традиционного Нового года по почину газеты "Гуанмин жибао" на государственных банкетах не подавали рисовую водку (по оценкам, на виноводочное производство уходит 14-20 млн. т зерновых в год), а премьер Госсовета Ли Пэн неоднократно высказывался в пользу перехода на фруктовые вина с целью экономии зерна.

Несмотря на публично демонстрируемую уверенность государства в том, что оно справится с задачей увеличения производства зерновых, многие в Китае не разделяют оптимизм чиновников. Ряд китайских экспертов призывает обратить внимание на глубинные проблемы, ставшие причинами отставания в сельскохозяйственном производстве, а именно: хроническую нехватку капиталовложений, низкую рентабельность, ножницы цен на продукцию города и села, парцеллярный характер производства и т.д., т.е. проблемы не технического характера.

Серьезное беспокойство специалистов вызывает изменение структуры зернопроизводства в Китае. На фоне общего увеличения урожаев зерновых производство риса, по-прежнему занимающего основное место в потреблении китайцев, стагнирует. В период с 1990 по 1995 гг. совокупный прирост производства зерна в Китае составил 20 млн. т., однако сбор риса сократился на 4 млн. т. Очищенный рис в 1995 г. был включен в номенклатуру 56 наиболее дефицитных товаров в КНР. Рост производства кукурузы не в состоянии компенсировать сокращение предложения риса. Изменения в структуре производства не сопровождаются адекватными изменениями в структуре потребления.

Начиная с середины 80-х годов происходит крупнейшая в истории Китая "перестройка" географии производства продовольствия: север страны становится основной базой производства зерновых, а на юге и юго-востоке урожаи сокращаются из года в год. Налицо несоответствие между климатическими и почвенными условиями и размещением производства зерновых. Все 12 провинций КНР, где средняя площадь пашни на человека превышает 2 му (0,134 га), расположены в северной части КНР. С другой стороны, все 7 провинций, где пашня не достигает 1 му (0,0067 га) на человека, расположены на юго-востоке Китая, то есть там, где бурно развивается сельская промышленность, и процесс вывода земель из сельскохозяйственного оборота идет быстрее всего.

Наиболее серьезной проблемой на пути развития отрасли является нехватка пахотных земель. По последним данным, размеры обрабатываемых

площадей в КНР составляют 133,4 млн. га*. Однако в расчете на душу населения пашни в Китае примерно вдвое меньше, чем в среднем в мире. Из этих 133 млн. га около 7 млн. - это горные склоны и земли, малопригодные для сельскохозяйственного производства.

Проблема рентабельных размеров крестьянских хозяйств является прямым следствием аграрного перенаселения в Китае. Каждый крестьянин возделывает в среднем 0,29 га пашни**, что значительно меньше оптимальных размеров (по китайским оценкам - как минимум 1 га). Парцеллярный характер крестьянских хозяйств не позволяет наладить достаточно рентабельное производство зерна даже при очень высокой урожайности и повышенных закупочных ценах. По некоторым подсчетам, переход к рентабельным параметрам производства зерна в КНР возможен только в случае, если 60% крестьян уйдут из сельскохозяйственного производства. В современном Китае, где в сельской местности проживает 3/4 населения, это просто невозможно.

О ресурсном голоде в сельском хозяйстве КНР говорит также тот факт, что в этом году при увеличении площадей под зерновые посевы других культур сократились. Специалисты отмечают кризисную ситуацию в области производства хлопка. По данным Госстатуправления, посевы сократились на 533 тыс. га, сбор хлопка, как ожидается, уменьшится на 30%⁸. Сокращение площадей под хлопком прямо связывается с "акцентом" на производстве зерна в сельскохозяйственной политике Пекина в 1996 г.

Рост населения и интенсификация сельскохозяйственного производства в годы реформ привели к резкому ухудшению экологической ситуации. Серьезнейшей проблемой является дефицит пресной воды.*** О нагрузке, испытываемой гидросистемой КНР, говорит тот факт, что начиная с 1970 г. в районе устья пересыхает одна из крупнейших рек Китая - Хуанхэ. В 1996 г. период засухи длился 128 дней! И это - типичная обстановка на реках, используемых ирригационными системами⁹. На совещании по вопросам охраны окружающей среды в июле 1996 г. неоднократно подчеркивалась необходимость принятия срочных мер по исправлению "удручающей" ситуации.

Непросто обстоит дело и с финансированием сельского хозяйства. Несмотря на обилие декларативных заявлений о базисном значении сельского хозяйства, основным приоритетом экономической политики Пекина остается промышленное развитие. Из доклада министра финансов Лю Чжунли на 4-й сессии ВСНП 8-го созыва следует, что в 1996 г. государственные ассигнования на поддержку сельскохозяйственного производства и иные сельскохозяйственные нужды должны были составить 50,125 млрд. юаней (прирост на 11,6%, по сравнению с 1995 годом). Однако в общем объеме финансирования сельскохозяйственного производства государственные ассигнования, средства трудовых коллективов и собственные инвестиции крестьян соотносятся как 2:1:6.¹⁰ Следовательно, ключевое значение имеют вложения самих крестьян. На эти деньги приобретаются семена, удобрения и пестициды, средства механизации и др. Между тем именно интересы крестьян зачастую становятся объектом злоупотреблений со стороны местных властей. При том, что взносы во всевозможные местные фонды и другие отчисления, помимо налогов, в соответствии с распоряжением Госсовета КНР, ограничены 5% чистого дохода в

* Окончательные результаты обследования еще не опубликованы.

** В испытывающей острый дефицит земли Японии эта цифра составляет 0,7 га.

*** За годы существования КНР уровень грунтовых вод в районе Пекина понизился с 5 до 50 метров. Ежегодно в Китае из под земли выкачивается 100 млрд. куб. Метров воды, 80% которой расходуется на сельскохозяйственные нужды.

предыдущем году, в отдельных районах крестьян заставляли платить до 60 различных налогов, на что уходила почти половина доходов!¹¹ Государственных инвестиций, которые направляются на строительство ирригационных сооружений и объектов инфраструктуры, также постоянно не хватает. Косвенным подтверждением этого факта является то, что с начала 90-х годов вследствие деградации дамб и других защитных сооружений ущерб от наводнений и других стихийных бедствий вернулся на уровень 60-х.

Несмотря на применение новых сортов и удобрений, современные агротехнические приемы в КНР в целом внедряются довольно медленно. Рост производства зерна, которого удалось добиться в годы реформ, это прежде всего результат более интенсивного труда крестьян, получивших новые стимулы в своей работе. На определенном этапе рыночная реформа и резкое подорожание средств механизации только замедлили внедрение научных достижений в сельскохозяйственное производство. В последние несколько лет цены на инвестиционные ресурсы сельского хозяйства увеличивались в среднем на 30% в год, между тем как темпы роста доходов крестьян ограничивались 5%. Аграрное перенаселение в Китае становится причиной того, что в условиях рынка значительно выгоднее использовать резервы рабочей силы, чем покупать новую технику.

По самым скромным подсчетам, численность трудоизбыточного населения в КНР превышает 100-150 млн. человек.

При том, что большинство участников дискуссии сходятся в оценке сложившейся обстановки, варианты выхода из положения предлагаются самые разные. В качестве основной линии разграничения здесь выступает подход к определению роли государства в решении зерновой проблемы. Сторонники маркетизации сельского хозяйства в Китае считают, что реформа на селе зашла в тупик, и задачи увеличения производства, объективно диктуемые неуклонным ростом населения, можно выполнить только прибегнув к решительным мерам рыночного характера: освободить от чрезмерного госконтроля производителей, создав полноценные рынки земли и основных видов сельхозпродукции, а также перейти к рентабельным масштабам производства. Включение рыночных стимулов в сельское хозяйство, а не политические лозунги, позволит, по мнению этих экспертов, реально изменить систему народнохозяйственных приоритетов, переломить тенденцию к относительному, а порой и абсолютному падению инвестиций в сельское хозяйство.

Однако очевидно, что либерализация отрасли в условиях современного Китая снизит запас стабильности в сфере экономики, что в свою очередь чревато политической нестабильностью. Опыт 1993-1994 гг. показал, что возникновение ажиотажного спроса на зерно является весьма реальной угрозой.

Другая группа экспертов считает задачу увеличения производства зерновых приоритетной по сравнению с экономическим ростом в промышленности. Исходя из этого, они призывают к масштабной государственной поддержке сельского хозяйства при усилении государственного регулирования за счет ограничения действия рыночных сил. Некоторые специалисты предлагают вернуться к практике твердых государственных заданий¹².

Вместе с тем курс на ограничение рынка потенциально опасен для основного двигателя реформы в сельском хозяйстве КНР - частной инициативы. Не исключено, что проведение подобной политики приведет к обратным результатам - стагнации и спаду производства.

Многие ученые КНР считают официальный сценарий чрезмерно оптимистичным и полагают, что дефицит зерна в Китае будет усиливаться, а его импорт - расти. В 1994 г. КНР экспортировала 8 млн. т зерна, в 1995 г. - 2,5

млн. т, а импорт превысил 20 млн. (около 10% мирового импорта зерна). Китай уже вышел на первое место в мире по импорту пшеницы. По некоторым данным, в начале 1996 г., несмотря на официально объявленный рост производства зерна, его импорт не сократился. В январе-феврале 1996 г. импорт зерновых увеличился на 180% по сравнению с аналогичным периодом 1995 г.¹³ Данные за первое полугодие выглядят более ровно, однако есть основания полагать, что в 1996 г. китайский импорт зерновых остался на достаточно высоком уровне¹⁴. К 2010 г., по оценкам совместного исследования, проведенного японским Фондом международного экономического сотрудничества и Исследовательским центром экономики сельского хозяйства Китая, он может составить 136 млн. т.

Нельзя недооценивать тот факт, что страна с 1,2 миллиардным населением может превратиться в нетто-импортера зерна. И это происходит, как справедливо отмечает Л.Браун, в годы, когда предложение зерна на мировом рынке сокращается. Объем экспорта зерновых еще не прореагировал на возросшие цены. Напротив, в 1996 г., по прогнозу ФАО, мировой экспорт составит 193 млн. тонн, что на 8 млн. т меньше, чем в 1995 г.

Новым моментом в дискуссии вокруг зерновой проблемы является апелляция к странам-экспортерам зерна. В Китае начинают говорить о "несправедливом" характере мировой торговли зерновыми, где импортеры - это большинство развивающихся стран, а экспортеры - в основном промышленно развитые страны Северной Америки и Европы, а также Австралия¹⁵. Следствием напряженной ситуации на мировом рынке зерновых стало существенное повышение цен. По оценкам ФАО, в 1996 г. самые бедные из развивающихся стран потратят на закупки продовольствия на 3 млрд. долл., или почти на четверть больше, чем в 1995 г.¹⁶, в то время как в странах, обладающих возможностями для существенного увеличения экспорта, государство доплачивает фермерам за сокращение посевных площадей. В КНР начинают высказывать опасения попасть в зависимость от импорта продовольствия в будущем.

Крайне важным является то, что зерновая проблема в Китае по существу перерастает в проблему политическую. Политический аспект может оказать решающее воздействие на характер и рациональность принимаемых решений, подталкивая руководство к решительным мерам. Текущая ситуация позволяет маневрировать в рамках общего курса, однако критическая точка, возможно, уже не за горами.

Несколько неожиданно зерновая проблема превратилась в источник неприятностей в области внешней политики. Тема "Кто прокормит Китай?" превратилась в одну из козырных карт в руках сторонников теории "китайской угрозы". Если мировой рынок зерновых по каким-либо причинам не увеличится, рост китайского импорта сильно ударит по другим импортерам, многие из которых уже сейчас испытывают серьезные трудности. В основном это - развивающиеся страны, основные союзники КНР на международной арене. В наши дни руководству КНР очень важно доказать всему миру, что страна способна выработать стратегию самодостаточного развития, и процветающий Китай никоим образом не сможет дестабилизировать обстановку в регионе и в мире в целом.

С публикацией Белой книги по зерновому вопросу в КНР впервые официально провозглашен курс на полное самообеспечение зерновыми. Согласно документу, объемы импорта не должны превышать 5% общего внутреннего потребления, а остальные 95% должны производиться внутри страны. В Белой книге прямо говорится, что "Китай не только не представляет угрозы

для мировой продовольственной безопасности, но и вносит активный вклад в увеличение производства зерна, а предположения "китайской продовольственной угрозе" не имеют под собой ни малейшего основания".

С позиции экономической эффективности Китаю было бы выгоднее импортировать 50-70 млн. т зерна из США или Австралии, где себестоимость продукции значительно ниже. Однако именно соображения политического характера, когда зерно рассматривается как стратегический товар, не позволяют полагаться на импорт. После 1995 г., когда в Китай было ввезено рекордное количество зерна, что стало причиной панических настроений в деловых кругах, в 1996 г. в КНР делается все возможное для того, чтобы сократить ввоз зерновых. Есть все основания полагать, что обильные урожаи и умеренные объемы импорта станут основными доводами в борьбе против теории "китайской продовольственной угрозы".

На внутриполитической сцене зерновая проблема не только стала предметом дискуссии между сторонниками продолжения рыночных реформ в экономике и приверженцами консервативной линии, но и превратилась в арену конфликта региональных интересов. Высокие квоты производства зерна ограничивают ресурсы развития приморских регионов, им было бы значительно выгоднее использовать площади в других целях. Внутренние регионы в свою очередь, используя зерновую проблему для доказательства своей правоты, требуют увеличения внимания центра к собственным проблемам.

При рассмотрении зерновой проблемы необходимо провести грань между задачами обеспечения минимальных потребностей общества и удовлетворения оплаченного спроса на зерно. Только катастрофические прогнозы предвещают абсолютную нехватку продовольствия в Китае.

Утвердительно отвечая на вопрос "сможет ли Китай прокормить себя в будущем?", необходимо одновременно учитывать и последствия приоритетного значения решения этой задачи для экономики в будущем. В настоящее время, по классификации ООН, КНР относится к "странам с низким уровнем доходов и дефицитом продовольствия"*. 65 миллионов китайцев живут в условиях абсолютной нищеты. Модернизация экономики и повышение уровня жизни граждан провозглашены в качестве основной цели политики руководства. Долговременными планами социально-экономического развития Китая предусматривается выход на основные показатели промышленно развитых стран к середине следующего столетия. Однако в том, что касается продовольственной проблемы, плановые установки выглядят несколько неубедительно. Большинство аналитиков считает возможным сохранить нынешний уровень потребления зерновых, но задача увеличения потребления хотя бы до среднемирового уровня считается неподъемной. Даже наиболее оптимистичные официальные прогнозы предусматривают крайне незначительное увеличение душевого потребления зерновых (из вышеупомянутой Белой книги следует, что потребление зерна на душу населения к 2030 г. увеличится менее чем на 20 кг (5%), и это при условии успешного проведения политики ограничения рождаемости!). Вопрос о том, как это повлияет на перспективы модернизации Китая, остается открытым.

Статистика производства, изменения цен и внешней торговли зерновыми КНР в последние годы позволяет сделать вывод о том, что в Китае сложился определенный баланс производства и потребления зерна, запас прочности которого крайне ограничен. Учитывая узость природной и социально-экономической ресурсной базы для увеличения производства зерна, неиз-

* Low income food deficit country, или LIFDC.

бежный рост потребностей населения в продовольствии в будущем приведет к существенному росту импорта или к перераспределению ресурсов в сельском хозяйстве, а возможно и в масштабах всего народного хозяйства КНР. Реальный курс будет проложен между этими полюсами, а его конкретные параметры будут сильно зависеть от таких малопредсказуемых факторов, как политическая ситуация, динамика мировой торговли зерном, и, наконец, погодные условия.

1. Brown Lester R., Who will feed China? Wake-up call for a small planet: Worldwatch Institute. - 1995. - P. 97.
2. См.: Ганшин Г.А. Китай устремляется в XXI век. Коркунов И., Волкова Л. "Продовольственная проблема в Китае в условиях перехода к рынку" // ПДВ. № 1. 1996.
3. Информационный бюллетень агентства Синьхуа. 1996. 28 июня.
4. Мэйчжоу вэньчжай. 1996. 20 февраля.
5. Жэньминь жибао. 1996. 25 октября.
6. Чжунго синьсибао. 1996. 7 августа.
7. Информационный бюллетень агентства Синьхуа. 1996. 22 января.
8. Цзинцзи жибао. 1996. 2 сентября.
9. Inside China Mainland. 1996. # 6.
10. Ляован. 1996. № 2.
11. Жэньминь жибао. 1996. 12 февраля.
12. Чжао Лэй. Потенциальный кризис, касающийся вопроса выживания зерновой дефицит в Китае // Будущее и развитие. 1995. № 6.
13. China News Analysis. 1996. 15 апреля. # 1558.
14. China Daily Business Weekly. 1996. 2 ноября.
15. Цзинцзи жибао. 1996. 23 февраля.
16. FAO Food Outlook. 1996. # 1/2.

Индивидуальная и частная формы хозяйствования в Китае

© 1998

В. Чуванкова

Приватизация является главной формой реструктуризации хозяйственного механизма в процессе перехода к рыночной экономике посттоталитарных государств. В России и Китае приняты различные варианты приватизации. Это обусловлено как глубокими структурными различиями экономики двух стран, так и избранной моделью приватизации. Стержнем российских реформ стала ваучерная приватизация госсектора. Стратегия же реформ, развёрнутых в Китае с конца 1978 г., ориентирована на развитие многоукладной хозяйственной системы, в основе которой пока сохраняется доминирующая роль государственного сектора, а параллельно с ним опережающими темпами формируются структуры негосударственных укладов - коллективный, индивидуальный и частный, а также разнообразные сочетания этих форм собственности в смешанных предприятиях, в том числе использующих иностранный капитал. На XV съезде КПК (сентябрь 1997 г.) в очередной раз подчеркивалось, что все формы собственности, которые способствуют развитию общественных производительных сил, укреплению мощи государства и повышению жизненного уровня народа могут и должны быть допущены во благо социализма¹.

Приватизация в Китае направлена на постепенное, последовательное формирование многочисленного слоя реальных мелких и средних собственников за счёт создания ими самостоятельных объектов хозяйствования, действующих на базе полной окупаемости и самофинансирования, ориентированных непосредственно на рынок, способных обеспечить серьёзную конкуренцию государственным структурам, а также экономические условия для первоначального накопления и концентрации капитала. Параллельно осуществляется процесс частичной приватизации государственной собственности за счёт передачи в подряд, аренду или продажи с аукциона коллективам и частным лицам мелких и средних государственных предприятий торговли, общественного питания, обслуживания и мелкой промышленности, оказавшихся нерентабельными или малорентабельными во время перехода к рыночной экономике. Некоторые государственные предприятия преобразовываются в совместные с участием частного национального или иностранного капитала. Расширяется процесс акционирования государственных предприятий. Акционирование на XV съезде КПК признано наиболее перспективной и приемлемой для КНР практикой реформирования госсектора, позволяющей сохранить

Чуванкова Валентина Васильевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

доминирующую роль общественной собственности в экономике и удержать контрольные функции в руках государства. (Расширительное толкование общественной собственности, данное на съезде, включает в себя не только государственную и коллективную экономику, но и государственную и коллективную доли в экономике, базирующейся на смешанной собственности.)

Важной особенностью китайской схемы приватизации стало быстрое возрождение индивидуального и частного предпринимательства. Обобщение китайского опыта развития индивидуальных и частных предприятий в сфере несельскохозяйственной деятельности представляет, на наш взгляд, определенный научно-практический интерес и может быть полезен при разработке методов разгосударствления собственности в ходе социально-экономических преобразований в России.

Курс на развитие индивидуальной и частной хозяйственной деятельности объявлен долговременной программой, обусловленной необходимостью решения важнейших проблем развития Китая: подъема отсталых производительных сил, трудоустройства новой рабочей силы в условиях давления избыточного населения в деревне и постоянно растущей безработицы в городах, увеличения фонда накопления за счет дополнительных источников, реализации технической программы, роста благосостояния граждан и удовлетворения многообразных потребностей общества. Существование индивидуальной формы хозяйствования в качестве дополнения к социалистическому общественному хозяйству официально узаконено в статье 11 новой Конституции КНР, принятой на V сессии ВСНП 5-го созыва (декабрь 1982 г.). Легализация деятельности частных предприятий на XIII съезде КПК (октябрь 1987 г.) оформлена внесением соответствующего дополнения в вышеуказанную статью действующей Конституции на I сессии ВСНП 7-го созыва (апрель 1988 г.)².

Начиная с 1979 г. Госсовет КНР совместно с другими компетентными органами приступил к разработке нормативных документов правового и хозяйственного назначения, обеспечивающих рациональное развитие индивидуальной и частной экономики с учетом складывающейся практики. Концептуальной основой принципов законодательства стали партийно-политические установки, принятые на XII - XV съездах КПК, а также на очередных пленумах ЦК КПК и сессиях ВСНП, проходивших в реформенный период. В работе над документами и законодательными актами активно участвовали Главное государственное административное управление промышленности и торговли (на него же возложены функции общего контроля), Государственное управление трудовых ресурсов, Государственное налоговое управление, Государственное управление городского строительства, Министерство финансов, Министерство торговли, Министерство продовольствия, Министерство общественной безопасности, Всекитайский центральный союз снабженческо-бытовых кооперативов и др.

В 80-е годы в КНР было подготовлено около 20 специальных нормативных актов и распоряжений всекитайского уровня, регулирующих деятельность индивидуальных и частных предприятий, а также целый ряд постановлений местного уровня с указанием практических мер по их реализации в зависимости от конкретных условий. основополагающими из них стали: "Некоторые политические установки Госсовета КНР, касающиеся деятельности несельскохозяйственных индивидуальных предприятий в городах и поселках" (1981 г.), Дополнительные положения Госсовета КНР к вышеуказанному документу (1983 г.), "Некоторые положения об индивидуальной деятельности в промышленности и торговле в деревне" (1984 г.), "Временное постановление КНР об уплате подоходного налога индивидуальными предприятиями в про-

мышленности и торговле в городе и деревне" (1986 г.), "Временные положения об управлении индивидуальными хозяйствами в промышленности и торговле в городе и деревне" (1987 г.), "Временное положение о частном предприятии в КНР" (1988 г.), "Временное положение о взимании подоходного налога с частных предприятий в КНР" (1988 г.).

Разработанные в этот период нормативные акты закрепили произошедшие после 1978 г. изменения в структуре собственности, обобщили первоначальный опыт и результаты развития индивидуальной и частной экономики в городе и деревне, определили правовой статус, порядок создания и условия функционирования предприятий нового типа, формы их взаимодействия с государственно-административными и хозяйственными структурами, установили систему материально-технического снабжения, финансирования, кредитования, налогообложения и целый ряд других аспектов.

Главная особенность этих документов состояла в том, что они вырабатывались отдельно для каждого вида предприятий, не были возведены в статус закона, имели переходный характер, о чем свидетельствовали их названия: "временное положение", "уведомление", "некоторые политические установки" и т.д. Избранная форма вполне соответствовала условиям переходного периода и оставляла возможность для дальнейшей корректировки нормативных актов с учетом требований реальной действительности и изменений курса проводимых реформ.

На индивидуальные и частные предприятия одновременно распространялось действие ряда законоположений, установленных для предприятий государственной формы собственности, среди них "Закон о хозяйственном договоре" (1981 г.), "Положение о регистрации промышленных и торговых предприятий" (1982 г.), "Закон КНР о товарных знаках" (1982 г.), "Временное положение об управлении ценами" (1982 г.), "Указание ЦК КПК и Госсовета КНР о развитии розничной торговли и услуг в городе и деревне" (1983 г.), "Временное положение КНР о регулирующем налоге с личных доходов" (1986 г.) и др.

В начале 90-х годов после решений I сессии ВСНП 8-го созыва (март 1992 г.) и III пленума ЦК КПК 14-го созыва (ноябрь 1992 г.) в Китае начался отход от персонифицированного отношения к различным секторам экономики при выработке хозяйственного законодательства, закреплявшего их неравноправное положение. Намерение создать необходимые условия для "свободной, равноправной конкуренции" разных уровней многоукладной экономики потребовало введения единого нормативно-правового регулирования для всех субъектов хозяйствования независимо от формы собственности. Конкретная работа над совершенствованием законодательной системы началась с установления единого порядка налогообложения предприятий различных форм собственности, пересмотра видов и ставок налогов с целью их унифицирования и упрощения. В частности, с 1 января 1994 г. вступили в силу "Временное положение КНР о подоходном налоге с предприятий" (1993 г.), "Закон КНР об индивидуальном подоходном налоге" (1993 г.), прекратившие действие применявшихся ранее законов по налогообложению. С 1 июля 1994 г. начал действовать "Закон КНР о компаниях" (1993 г.), устанавливающий правила организации и деятельности в пределах Китая компаний с ограниченной ответственностью и акционерных компаний с ограниченной ответственностью со статусом юридических лиц, с 1 августа 1997 г. - "Закон КНР о паевых предприятиях" (1997 г.)³.

Хотя индивидуальный и частный сектора рассматриваются в Китае как вспомогательные по отношению к государственному и коллективному, за

годы хозяйственной реформы они заняли заметное место в многоукладной структуре экономики, внесли немалый вклад в развитие производительных сил страны и решение социальных проблем. К началу 1997 г. в городах и деревнях Китая официально зарегистрировано около 28 млн. индивидуальных и частных предприятий. На них занято 61,9 млн. человек (в том числе в городах и поселках - 23,3 млн. человек), что составило 9% от общей численности экономически активного населения⁴. (Реальная численность занятых в индивидуальном и частном секторах значительно больше, чем показывают данные официальной регистрации.) Зарегистрированные основные фонды этих предприятий превысили 590 млрд. юаней⁵. (Это примерно 3,5% от общей суммы зарегистрированного капитала государственных и коллективных предприятий.) Доля в валовой продукции промышленности (ВПП) составила 15,5%, в розничном товарообороте (РТО) 32%. Инвестиции в основные фонды за 1980-1996 гг. достигли 1789 млрд. юаней, или 15,4% от общей суммы капиталовложений в стране за этот период⁶. Однако примерно три четверти этих средств пошли не на расширение производства, а были вложены в непроизводительную сферу, главным образом в жилищное строительство в сельской местности. Индивидуальные и частные предприятия внесли за 1979-1996 гг. в государственный бюджет более 240 млрд. юаней в виде налоговых платежей⁷. Положительная динамика развития частнопредпринимательских структур и накопления экономического потенциала продолжает сохраняться. Однако для нее становится характерным замедление темпов роста индивидуальной трудовой деятельности и перманентное нарастание удельного веса частного сектора в экономике страны и обеспечении занятости.

Следует особо отметить, что процесс роста занятости в индивидуальном и частном секторах осуществляется не за счет сокращения числа рабочих и служащих в секторе, а за счет вовлечения в производство трудоизбыточного городского и сельского населения. В Китае по-прежнему продолжается увеличение численности рабочих и служащих, хотя темпы ее прироста снижаются, а удельный вес в экономически активном населении колеблется на уровне 24-25%. Тем не менее доля государственного сектора в поглощении вновь вливающейся в производство рабочей силы в городах и поселках снижается быстрыми темпами. Если в 1978 г. в нем трудоустроивалось 72% новой рабочей силы, то в 1996 г. - уже 34,5%, доля же индивидуального сектора составила 19,8, коллективного - 22, прочих - 23,7%⁸.

Рост численности индивидуальных и частных предприятий происходит главным образом за счет создания новых объектов хозяйствования и лишь незначительная их часть (менее 1%) образовалась в результате передачи части государственных мелких и средних нерентабельных предприятий промышленности, торговли, бытового обслуживания, общественного питания, ремонтных мастерских и т.д. частным лицам или коллективам на условиях подряда, аренды или продажи с аукциона. Большинство же государственных предприятий после реорганизации стремится сохранить государственный или коллективный статус, часто скрывая свое фактическое лицо - частных или индивидуальных предприятий - под этой "вывеской", чем значительно занижается реальная численность частнопредпринимательских структур.

Частные и индивидуальные предприятия в различных регионах страны развиваются неодинаково. Если в предыдущий период предпринимательская деятельность преимущественно концентрировалась в сельской местности (исключение составили лишь первые два года реформенных преобразований, когда индивидуальная трудовая деятельность развивалась главным образом в городах и поселках), то с начала 90-х годов проявилась отчетливая тенденция

перемещения ее из деревни в города и поселки и роста удельного веса последних в территориальной структуре индивидуального и частного секторов экономики. В 1990 г. в деревне действовало 70,3 индивидуальных и 61,6% частных предприятий, а к началу 1997 г. доля индивидуальных предприятий там сократилась до 65,4%, а экономический интерес частных предпринимателей переместился в города и поселки, где сосредоточилось уже 59,3% частных предприятий, 52,9% занятых на них и 61,9% общего числа инвесторов⁹. Тем не менее примерно на 2/3 административных территорий из 30 существующих, согласно принятому в Китае административному делению, более половины зарегистрированных индивидуальных предприятий и количества занятых на них по-прежнему сосредоточены в сельской местности. Количество частных предприятий и занятых на них в деревне превышает 50% рубеж только на 1/3 административных территорий.

Тенденция более быстрого роста предпринимательской деятельности вплоть до 1996 г. прослеживалась в приморских и восточных провинциях страны, где производство и инфраструктура исторически более развиты, накоплен достаточный экономический потенциал, а доля государственной собственности в производстве ниже, чем в других регионах. К началу 1997 г. в провинциях восточного, центрального и южного Китая было сосредоточено около 57% общего числа официально зарегистрированных индивидуальных и свыше 65% частных предприятий и 59 и 63%, соответственно, занятых на них. На втором месте находились провинции северного и северо-восточного Китая. Там функционировало 26,9% индивидуальных и 23,1% частных предприятий и примерно такой же процент занятых на них. Во внутренних и отдаленных от центра районах страны предпринимательская деятельность еще не получила достаточно широкого распространения несмотря на попытки государства сократить разрыв в уровнях развития этих регионов, установив там с начала 90-х годов льготные условия регистрации и налогообложения для индивидуальных и частных предприятий. Так, например, в северо-западном Китае размещалось всего 5,3% индивидуальных и 4,6% частных предприятий и 5,2 и 4,8%, соответственно, занятых на них¹⁰. Однако с 1996 г. ситуацию удалось несколько изменить. Впервые темпы развития частнопредпринимательских структур в западных районах Китая начали превышать эти показатели в центральных и восточных районах страны. Высокие темпы прироста отмечались в провинциях Шаньси, Ганьсу и Нинся-Хуэйском автономном районе.

Неуклонно увеличивается число провинций, в которых индивидуальной трудовой деятельностью занято свыше 1 млн. чел. Если в 1991 г. таких провинций насчитывалось только 6, а в 1993 г. - 12, то в конце 1996 г. - уже 18. В них сосредоточено около 90% общего числа занятых индивидуальной трудовой деятельностью. В 11 из них - Хэбэй, Хэйлуцзян, Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Шаньдун, Хэнань, Хубэй, Хунань, Гуандун и Сычуань - численность занятых превысила двухмиллионный рубеж, а в 13 - за миллионную отметку перешагнула численность индивидуальных предприятий. В 1990 г. таких провинций было всего 2, в 1993 г. - 6, в 1995 г. - 11¹¹. Лидерами развития индивидуальной трудовой деятельности стали провинции Шаньдун и Хэбэй. В них зарегистрировано самое большое количество индивидуальных предприятий (примерно по 2,4 млн.), а численность занятых индивидуальной трудовой деятельностью превысила 5 млн. человек в каждой. На втором месте находились провинции Хунань и Хубэй - по 1,7 млн. предприятий и около 4 млн. занятых. На третьем - провинции Сычуань - 3 млн. занятых и 2 млн. предприятий и Гуандун (около 1,5 млн. предприятий и 2,7 млн. занятых)¹².

Самый высокий уровень развития частного предпринимательства отмечался в 9 провинциях Китая - Гуандун, Чжэцзян, Шаньдун, Хэбэй, Цзянсу, Ляонин, Сычуань, Хубэй, Фуцзянь и в городе Шанхае. К началу 1997 г. в них было сосредоточено 68,5% общего числа частных предприятий, 67,4% занятых на них и 65,6% инвесторов. Первенство среди них принадлежало провинциям Гуандун и Чжэцзян. Там сконцентрирована примерно четвертая часть общего числа частных предприятий, занятых и инвесторов. Высокими темпами росла численность частных предприятий в провинциях Аньхой и Хэйлунцзян, в Синьцзяне, на о. Хайнань, в городах Пекин и Шанхай. (Так, только за 1995-1996 г.г. численность частных предприятий, занятых на них и инвесторов в Шанхае почти утроилась)¹³.

Индивидуальная форма хозяйствования основывается на частной собственности небольших размеров. Индивидуальный предприниматель - это мелкий товаропроизводитель и частный собственник одновременно. Являясь собственником средств производства, он ведет товарное производство, товарный обмен или предоставляет трудовые услуги населению. Индивидуальных предпринимателей условно можно подразделить на 3 группы: 1) мелкие товаропроизводители, опирающиеся на свой собственный труд и труд членов семьи; 2) мелкие товаропроизводители, нанимающие небольшое число наемных работников в рамках, установленных государственным законодательством (не более 5 учеников и 2-х помощников); 3) кооперированные единоличники, создающие добровольные объединения типа товариществ с временными или устойчивыми связями для совместного управления и ведения хозяйственной деятельности. Индивидуальному предпринимателю принадлежат все доходы, получаемые от производственной деятельности, за вычетом налогов и оплаты труда учеников и помощников.

К индивидуальному сектору в Китае (имеется в виду индивидуальная деятельность несельскохозяйственного профиля в городах и сельской местности) на современном этапе обычно относят различного рода мелкие единоличные предприятия, создаваемые в кустарной промышленности, розничной торговле, сети общественного питания и обслуживания, строительстве и ремонте жилья, обеспечивающие транспортные перевозки грузов и пассажиров и т.д., то есть в тех отраслях материального производства, где широко применяется ручной труд и требуются незначительные капитальные вложения.

Право заниматься индивидуальной трудовой деятельностью распространяется практически на все слои и группы населения, не нашедшего себе применения в сфере государственного и коллективного производства: это, прежде всего, безработная молодежь; бывшие рабочие и служащие, вышедшие на пенсию или оказавшиеся без работы в результате закрытия или реорганизации государственных и коллективных предприятий; бывшие кадровые работники и военнослужащие; люди зрелого возраста не занятые общественно-полезным трудом; инвалиды; лица, отбывшие срок заключения или прошедшие трудовое перевоспитание и некоторые другие категории населения, - если они владеют необходимым для общества профессиональным мастерством и опытом хозяйствования или могут обучать учеников, а также способные к хозяйственной деятельности сельские жители, вытолкнутые из сферы сельскохозяйственного производства в ходе проводимых в деревне преобразований. Кроме того, разрешается заниматься индивидуальной трудовой деятельностью в порядке совместительства медицинским работникам, преподавателям и научно-техническим специалистам по профилю их квалификации. Запрещено заниматься предпринимательской деятельностью, в том числе и в порядке совместительства, всем без исключения кадровым работникам,

рабочим и служащим, находящимся в штате партийно-правительственных и государственно-административных структур. В 1993 г. в целях сокращения численности партийно-государственного аппарата был снят запрет на предпринимательскую деятельность для сотрудников этих учреждений при условии, что они освободят занимаемые должности.

Каждое индивидуальное предприятие, прежде чем заняться хозяйственной деятельностью, должно пройти регистрацию в административном управлении промышленности и торговли соответствующего уровня и получить разрешение. Привлечение единоличниками помощников и учеников оформляется заключением письменного трудового договора, в котором устанавливаются права и обязанности сторон, формы и размеры оплаты труда, условия труда и его охраны, нормы трудовой дисциплины, квалификация рабочей силы, порядок страхования, срок действия договора. Однако, как показывает практика, большинство индивидуальных предприятий нарушают установленный государством порядок найма и использования рабочей силы. С целью ужесточения государственного контроля за процессом найма рабочей силы в начале 1996 г. было принято решение обязать руководителей всех частно-предпринимательских структур до конца года оформить трудовые договоры со своими рабочими и служащими "на добровольной и равноправной основе", чтобы обеспечить правовой защитой как работника, так и работодателя.

В 1978 г., накануне проведения экономических реформ, в Китае насчитывалось всего 150 тыс. индивидуальных хозяйств. Их доля в совокупном общественном продукте, валовой промышленной продукции, розничном товарообороте была практически незаметной - менее одной десятой процента. За прошедший период роль и место индивидуального сектора в народном хозяйстве стали совершенно очевидными. К началу 1997 г. в стране действовало 27,1 млн. индивидуальных предприятий, на них нашли работу 50,2 млн. человек. Ими произведено промышленной продукции на сумму 1542 млрд. юаней. Розничный товарооборот вырос до 792,4 млрд. юаней, инвестиции в основные фонды - до 321,1 млрд. юаней (14% их общего объема). Налоговые выплаты в государственный бюджет составили 42,8 млрд. юаней (7% от его общего объема)¹⁴. Размеры зарегистрированных производственных фондов превысили 188 млрд. юаней (1-е полугодие 1996 г.)¹⁵.

Размеры индивидуальных предприятий, как правило, невелики. Они используют незначительное количество наемных работников, имеют невысокие средние показатели фондовооруженности труда и результатов хозяйственной деятельности, низкие прибыли. На них используется примитивное оборудование, преобладает ручной труд, условия труда тяжелые. Тем не менее среднестатистические показатели эффективности их производственной деятельности неуклонно повышаются. Объем валовой промышленной продукции на одного занятого в индивидуальном секторе увеличился с 88 юаней в 1981 г. до 30,7 тыс. юаней в 1996 г. (в 349 раз), розничного товарооборота - с 1,7 тыс. юаней до 15,8 тыс. юаней (в 9 с лишним раз). Показатель средней фондовооруженности труда вырос в 21 раз - с 202 юаней до 4,2 тыс. юаней на одного занятого.

Как показывает анализ динамики занятости в индивидуальном секторе, удельный вес наемных работников в их общей численности невелик, хотя и имеет устойчивую тенденцию к росту. В 1981 г. он составлял 20, в 1996 г. - 46%, а коэффициент занятости увеличился с 1,2 до 1,9 человека в среднем на одно предприятие. Таким образом, подавляющее большинство единоличников вообще не привлекают наемной рабочей силы и опираются только на свой

труд и труд членов семьи, или нанимают учеников и помощников в меньшем количестве, чем установлено квотой.

Производственная структура индивидуального сектора охватывает широкий круг отраслей - промышленность, строительство, транспорт и связь, торговлю, общественное питание, бытовое обслуживание, материально-техническое снабжение, складское хозяйство, страхование и операции с недвижимым имуществом, а также образование, науку, культуру, здравоохранение, информационные службы, туризм, социальное обеспечение и др. Однако место этих отраслей далеко неоднозначно. Структура индивидуального сектора отличается большим удельным весом торговли и общественного питания. На него приходится более 70% общего числа индивидуальных предприятий и занятых. Второе место занимает промышленность, затем идут транспорт и связь, строительство и прочие виды деятельности.

Бурный рост индивидуальных предприятий в торговле и общественном питании резко увеличил их общую численность в этих сферах - с 1,17 млн. в 1978 г. до 18,58 млн. в 1996 г., из них 16,39 млн. (88,2%), были индивидуальными. В индивидуальном секторе работало 30,9 млн. человек из числа трудоизбыточного городского и сельского населения. Его доля в структуре занятости в этих отраслях выросла с 3,6 в 1978 г. до 58,6% в 1996 г., удельный вес государственного сектора сократился с 61,8 до 19,5%, коллективного - с 34,6 до 16,1%, 5,8% приходилось на смешанные формы¹⁶. Торговля была и остается наиболее привлекательной сферой деятельности для индивидуалов. Ее удельный вес в структуре индивидуальных предприятий вырос с 45,4% в 1981 г. до 51,5% в 1996 г., тогда как доля общественного питания снизилась с 16,9 до 9,1% соответственно, несмотря на абсолютный прирост численности предприятий в этих сферах¹⁷.

Второй по значимости отраслью приложения индивидуального труда и капитала стала промышленность. По данным ГСУ, к началу 1997 г. в стране насчитывалось 6,21 млн. индивидуальных промышленных предприятий, что составило 23% от общего числа индивидуальных предприятий в стране¹⁸. Примерно 90% из них сосредоточены в сельской местности, 70% действуют в легкой промышленности. С конца 80-х годов в структуре индивидуальной промышленности наметилась тенденция роста удельного веса тяжелой промышленности, особенно в сельской местности, за счет интенсивного развития добывающих отраслей.

Быстрыми темпами увеличивается количество индивидуальных транспортных предприятий, особенно в сельской местности. В области почтовых услуг, телеграфа и связи индивидуальная инициатива не нашла еще широкого применения. Строительная отрасль индивидуальной экономики также не получила широкого развития, несмотря на резко возросший интерес к индивидуальному жилищному строительству. Недостаточные темпы развития промышленности, транспорта и связи, строительства следует прежде всего связать с более высокой капиталоемкостью этих отраслей, большей зависимостью от централизованного снабжения сырьем и материалами, топливом, техническими средствами, кредитами и т.д. Для этих отраслей характерен медленный оборот фондов, невысокая норма прибыли, что делает их менее привлекательными для единоличников, чем торговля.

С начала 80-х годов ускорился рост численности единоличников в области здравоохранения, образования, культуры, науки и техники. Заметное развитие получили справочно-консультационные службы, реклама, страхование, операции с недвижимостью, обслуживание туризма и прочие услуги общественным организациям и частным лицам.

К частной форме хозяйствования относятся зарегистрированные в соответствии с государственным законодательством хозяйственные организации, имущество которых находится в частной собственности граждан и используется для получения прибыли за счет привлечения наемного труда. На них должно быть занято не менее 8 наемных работников. Максимальный предел найма рабочей силы не установлен. Правовой статус наемных работников приравнен к статусу государственных рабочих и служащих. Признается законным получение предпринимательского нетрудового дохода владельцами частных предприятий и привлеченными инвесторами.

Частные предприятия, как правило, возникают на основе успешно развивающихся семейных индивидуальных хозяйств, имеющих необходимые средства для расширения масштабов своей деятельности и нанимающих не менее 8 наемных работников. Значительная их часть - это бывшие коллективные, главным образом поселково-волостные предприятия, по мере своего развития сменившие форму собственности. Они также создаются на основе мелких нерентабельных предприятий государственной или коллективной собственности путем передачи их в аренду, подряд или продажи на аукционах отдельным лицам или группе лиц.

Поскольку создание частного предприятия требует более крупного стартового капитала, чем индивидуального, предпринимателям разрешено привлекать разрозненные финансовые средства, технику и оборудование инвесторов для формирования основных и оборотных фондов. Их разрешается создавать тем же самым категориям населения, которые имеют право заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. Сферы деятельности практически те же, что установлены для индивидуального сектора. Им так же, как и индивидуальным, нельзя заниматься производством продукции военного назначения и другими видами деятельности, запрещенными государством.

По организационной форме они официально подразделяются на три вида: 1) частное единоличное предприятие, действующее на средства одного лица. Его инвестор несет неограниченную ответственность по долгам обязательствам предприятия; 2) частное предприятие на паях, когда не менее двух человек на основе соглашения вкладывают свои капиталы и ведут совместное хозяйство, сообща несут полную ответственность за прибыли и убытки; 3) частная компания с ограниченной ответственностью (КОО) - предприятие с числом инвесторов не менее двух и не более 50 (до вступления в силу "Закона КНР о компаниях" верхний предел инвесторов составлял 30 человек), которые несут ответственность перед компанией пропорционально вложенному каждым из них капиталу. Согласно "Закону КНР о компаниях" зарегистрированный капитал КОО должен быть не менее установленной законом минимальной суммы (100-500 тыс. юаней) в зависимости от заявленного ею вида деятельности¹⁹. Последняя несет ответственность по долгам обязательствам всем своим имуществом. Такая компания имеет права юридического лица, однако ей запрещается выпускать акции для продажи населению с целью пополнения своих фондов. В качестве вкладов разрешено использовать: деньги, вещи, производственное оборудование, незапатентованную технологию, права пользования землей и т.д.

На практике помимо вышеуказанных трех основных типов частных предприятий функционируют также их разновидности: частные предприятия, основанные на семейной форме хозяйства, инвесторами которых являются члены семьи и родственники. Ими обычно управляют главы семей а порядок вознаграждения устанавливается в зависимости от вложенного каждым трудом; частные предприятия, основанные на средствах, вкладываемых предпри-

ятиями общественной формы собственности и отдельными лицами. Их особенность состоит в том, что государственные или коллективные предприятия предоставляют оборудование, технических специалистов или часть средств, а частное лицо вкладывает собственные средства и управляет предприятием. Прибыль в этом случае распределяется пропорционально капиталовложениям обеих сторон; частные предприятия, основанные на совместном китайском и иностранном капитале, работающие на началах совместного сотрудничества с иностранными компаниями, различными хозяйственными организациями или отдельными лицами. Им разрешается осуществлять компенсационную торговлю, привлекать сырье для переработки, производить продукцию по образцам, осуществлять сборку из получаемых со стороны узлов и деталей.

На начальном этапе развития преобладали частные предприятия, основанные на единоличной собственности. В 1989 г. на них приходилось 53,2% их общего числа; основанные на паях, составляли 42,6%; КОО - 4,2%²⁰. В 90-е годы более быстрыми темпами увеличивалось число частных КОО. К концу I полугодия 1996 г. их доля в общей численности частных предприятий выросла до 39,7%, а зарегистрированный капитал составил 73,1% общего объема. Активно продолжалось создание частных предприятий, основанных на единоличном капитале, хотя их удельный вес снизился до 44,1% и они аккумулировали всего 18,1% зарегистрированных основных фондов. Рост же частных предприятий на паевой основе замедлился. Их доля в общей численности частных предприятий сократилась до 16,2%²¹.

Частный сектор находится на начальной стадии развития. Официальный отсчет его экономической деятельности как самостоятельного субъекта хозяйствования начался с конца 1987 г. В 1988 г. регистрацию прошли 40 тыс. частных предприятий, на них было занято более 700 тыс. человек. Общий объем зарегистрированного капитала составлял 3,2 млрд. ю.²² К настоящему времени он стал самым динамично развивающимся сектором экономики. Резко повысился его экономический потенциал не только по количественным, но и по качественным параметрам, расширились рамки и география производственных интересов. К началу 1997 г. в частном секторе насчитывалось уже 819 тыс. предприятий и 11,71 млн. занятых. Основные фонды выросли в 98 раз, достигнув 312,9 млрд. юаней (1-е полугодие 1996 г.), и почти в 1,5 раза превзошли аналогичный показатель в индивидуальном секторе²³. Увеличился приток частных инвестиций в производственные отрасли и техническую реконструкцию частного сектора. Однако его вклад в народное хозяйство пока ещё гораздо меньше, чем индивидуального сектора.

Хотя частные предприятия возникли на базе индивидуальных и для них характерны все особенности индивидуальной экономики, по своей организационной структуре, уровню управления, размерам использования наемной рабочей силы, масштабам производства они находятся на более высокой степени развития. Каждое из них в среднем использует 14 наемных работников и располагает уставными фондами 441 тыс. юаней (индивидуальное - 1,9 чел. и 7,6 тыс. юаней)²⁴. Подавляющее большинство зарегистрированных частных предприятий небольшие, 70% используют от 8 до 30 наемных работников. У 95% из них производственные фонды составляют менее 100 тыс. юаней. Тем не менее количество предприятий с уставным капиталом от нескольких сотен до нескольких миллионов юаней и числом занятых более 100 человек быстро увеличивается. Если в 1989 г. имелось 783 предприятия с числом наемных рабочих 100 и более (0,86% от их общего числа), и только 3 - со штатом 500 человек, то в 1993 г. число первых увеличилось до 5,3 тыс. (2,2%), вторых - до 303 (0,1%). Численность частных предприятий, стоимость основных и оборот-

ных фондов которых превышает 1 млн. юаней в 1993 г. составила 8,8 тыс. (3,7%), в 1994 г. - 19 тыс. (4,4%), в 1995 г. - уже 62,6 тыс. (9,6%)²⁵. Как отмечается в китайской печати, значительная часть из них уже прошла стадию первоначального накопления капитала и вступила в фазу расширения производства и укрупнения масштабов своих предприятий. Так, проведенное в первой половине 1995 г. обследование 500 наиболее крупных и преуспевающих частных предприятий показало, что их экономический потенциал многократно превосходит среднестатистические показатели, сложившиеся в этом секторе. Средние размеры зарегистрированного уставного капитала составили 15,54 млн. юаней, что в 46,4 раза выше среднего показателя в секторе на момент обследования (335,0 тыс. юаней), а средние размеры их собственного имущества удвоились с момента регистрации и достигли 31,3 млн. юаней. Средняя численность занятых на них составила 395 человек, размеры налоговых выплат - 1,64 млн. юаней, прибыли - 3,85 млн. юаней, а средняя норма прибыли - 9,7%. В 1994 г. их хозяйственный оборот превысил 24,3 млрд. юаней, что составило 12,7% от общего объема хозяйственного оборота частных предприятий. У 41 из наиболее успешно действующих хозяйственный оборот превысил 100 млн. юаней²⁶. Однако далеко не все из них развиваются успешно. Например, по данным другого обследования, в 1992 г. высокорентабельными были признаны только 40%, 20% работали с незначительной прибылью, 30% еле еле сводили концы с концами, а 10% были вынуждены прекратить свою деятельность²⁷.

В производственной структуре частного сектора в отличие от индивидуального преобладают предприятия промышленности, транспорта и строительства. На них приходится около 70% общей численности частных предприятий. В сельской местности удельный вес промышленного частного сектора выше, чем в городах и поселках, число же торговых частных предприятий относительно невелико. С начала 90-х годов ускорилось внедрение предпринимательства в сферу научно-технического обеспечения и консультационных услуг, высоких технологий, в электронику, автоматику и энергетику, производство экспортных видов продукции.

В Китае придается большое значение дальнейшему развитию индивидуальной и частной экономики, потенциальные возможности которой еще не раскрылись в полной мере. XV съезд КПК подтвердил, что индивидуальная и частная экономика является важной составной частью социалистического рынка, играет важную роль в деле удовлетворения разнообразных потребностей людей, повышения занятости населения и развития народного хозяйства, а в скором времени сможет стать крупнейшим работодателем страны, способным абсорбировать увольняемых с государственных предприятий рабочих в процессе диверсификации общественной собственности. Одновременно подчеркивалась необходимость продолжать всемерно поддерживать и поощрять развитие всех форм частного предпринимательства путем совершенствования правового механизма, обеспечивающего равные условия конкуренции между предприятиями различных секторов, осуществлять контроль за их деятельностью и поступлением доходов.

Разрабатываются варианты оптимальных пропорций соотношения различных форм собственности в системе народного хозяйства. Китайские специалисты считают, что в перспективе доля частного сектора в валовом национальном продукте страны может вырасти до 30%, а доля индивидуального сектора и смешанных предприятий с участием иностранного капитала - до 10%, не изменив главенствующей роли общенародной формы собственности²⁸. В отдельных же отраслях и регионах частная экономика может даже превы-

шать этот уровень. Что же касается прогнозов на ближайшие 5 лет, то к 2000 г. ожидается, что доля индивидуальных и частных предприятий в валовой промышленной продукции составит 25% (государственных - 25%, коллективных - 50%), в розничном товарообороте - 50% (государственных - 33%, коллективных - 17%)²⁹. Количество индивидуальных и частных предприятий увеличится до 30 млн. (в том числе из них частные составят свыше 2 млн.), на них найдут работу 138 млн. чел.

1. Жэньминь жибао. 1997. 22 сентября.
2. Там же. 1982. 5 декабря; 1988. 13 апреля.
3. Там же. 1993. 15 декабря, 2 ноября, 31 декабря; 1997. 24 февраля.
4. Статистический ежегодник 1997. Пекин, 1997. С. 117, 118, 96-97.
5. Информационный бюллетень Агентства Синьхуа (ИБАС). 1997. 10 октября С. 4.
6. Рассчитано по: Статистический ежегодник 1997. С. 413, 551, 150.
7. Там же. С. 238; ИБАС. 1997. 23 апреля. С. 19.
8. Статистический ежегодник 1997. С. 120.
9. Там же. С. 117, 118.
10. Там же.
11. Там же. 1994. С.103; 1996. С. 111; 1997. С. 118; Экономический ежегодник Китая. 1991. Пекин, 1991. С. III-269,270.
12. Статистический ежегодник 1997. С. 118.
13. Там же. С. 117; 1995. С. 102; 1996. С. 110.
14. Там же. 1997. С. 118, 150, 413, 551; ИБАС. 1997. 23 апреля. С. 19.
15. Цзинцзи жибао. 1997. 8 января.
16. Рассчитано по: Статистический ежегодник. 1993. С. 590; 1997. С. 551.
17. Там же. 1983. С.399; 1997. С. 551.
18. Там же. 1997. С.411.
19. Жэньминь жибао. 1993. 31 декабря.
20. Экономический ежегодник Китая. 1990. С. III-262.
21. Цзинцзи жибао. 1997. 8 января.
22. Там же. 1989. 21 октября.
23. Статистический ежегодник. 1997. С. 117; Цзинцзи жибао 1997. 8 января.
24. Рассчитано по: Там же.
25. Экономический ежегодник Китая. 1990. С. III-261; China Daily. 1994. 3 марта; 1997. 25 октября; Доклад о развитии китайской промышленности (1996). Цзинцзи гуанли чубаньше. С. 298.
26. Beijing Review. 1996. N 8-9. P.27.
27. Цзинцзи жибао. 1994. 24 апреля.
28. Гуанмин жибао. 1989. 19 января.
29. Цзинцзи жибао. 1993. 14 января.

Документы, архивы

Документы по истории Уссурийского казачьего войска (УКВ)

© 1998

В. Розенблит

Сотрудниками Государственного архива Приморского края (ГАПК) была проделана работа по выявлению и составлению перечня документов по истории казачества нашего региона. Основная масса материалов по этой теме была обнаружена в ряде фондов дореволюционного и советского периодов, в том числе: в ф. 1 - Заведующего переселенческим делом Приморского района (1888-1917 гг.); ф. 4 - Войскового правления УКВ (1897-1919 гг.); ф. 6 - Полтавского станичного правления УКВ (1893-1920 гг.); ф. П-15 - Сучанского горкома РКП(б); Ф. П-61 - Приморского губернского комитета РКП(б); ф. 1506 - Приморского губернского земельного управления и других фондах.

Значительная часть документов дореволюционных фондов (ф. 1, 4, 6) содержит сведения по землеустройству казаков, о лесных угодьях станичных округов УКВ, об отводах земельных наделов (г.Иману, сельским церквям, почтово-телеграфной конторе, для нужд гарнизонов: под военные лагеря, учебные поля, стрельбища и т.д.), о размежевании, земельных спорах между крестьянами и казаками, аренде казачьих земель китайцами, корейцами и др.

В этих фондах представлены также различные материалы об административной и военной работе Войскового правления УКВ: приказы по УКВ, текст присяги на верность службе (1904 г.), списки казаков и поселковых атаманов, принимавших присягу, списки урядников и казаков, имеющих право участвовать на поселковых сборах в 1913 г., о выдаче казакам винтовок, об организации лагерного учебного сбора в 1913 г., посемейные списки жителей станичных округов УКВ на 1913 г. и т.д.

Особо следует отметить документы, отразившие перемены в настроении казачества в начале гражданской войны и интервенции. Об этом, в частности, свидетельствует "Протокол общего собрания казаков Полтавского станичного округа УКВ от 28 января 1920 г.," в котором говорилось о формировании конного дивизиона из мобилизованных казаков и выступлении его в Никольск-Уссурийск, где, как сообщалось в телеграмме Уссурийского революционного штаба от 6 февраля, казаки присоединились к революционным

войскам. Имеются также документы о деятельности в марте 1920 г. волостных ревкомов, а в апреле того же года - Временного революционного комитета бывшего войскового правления УКВ (письмо от 30 апреля). По-видимому, эти документы в известной мере отражают факт начала ликвидации системы правления УКВ в Приморском крае (ф. 6.)

Документы, выявленные в фондах органов РКП(б) (ф. П-15, П-61) содержат ценную информацию о дальнейшей судьбе самого правления УКВ, имущества, земель лесных угодий, административных зданий бывшего Уссурийского казачьего войска в первые годы советской власти. Как видно из документов, эти вопросы решались в 1922-1923 гг. постановлениями Приморского губернского военно-революционного комитета. Так, в протоколе № 7 заседания Приморского губернского военно-революционного комитета от 8 ноября 1922 г. имеется постановление о создании Пограничного районного ревкома из бывших станичных округов УКВ: Платоново-Александровского, Гродековского, Полтавского. Этим же постановлением правление УКВ расформировывалось, а его имущество передавалось Пограничному районному ревкому. Правда, в 1923 г. данный ревком был упразднен, а его территория, имущество, личный состав и служащие были присоединены к Никольск-Уссурийскому ревкому (Протокол № 29 от 8 января 1923 г.) Что касается лесных угодий УКВ, то, например, было принято постановление включить Полтаво-Гродековское лесничество бывшего УКВ в число лесничеств Приморской губернии и передать его в ведение Лесного подотдела Губнархоза вместе с имуществом: архивом, плановыми материалами, документами, книгами, отчетностью (Протокол № 14 от 22 ноября 1922 г.). Все земли бывшего УКВ в пределах Приморской губернии, вместе с земельными учреждениями, были переданы в ведение Земельного подотдела губнархоза Примгубревкома; вся агрономическая организация бывшего УКВ - в ведение Сельхозотдела губнархоза; вся ветеринарная организация - в ведение Ветеринарного отдела губнархоза (Протокол № 19 от декабря 1922 г.). И, наконец, в Протоколе № 31 от 16 января 1923 г. заседания Примгубревкома есть постановление о передаче в ведение Коммунального отдела губнархоза участка № 13 с двумя домами, находящегося в г.Владивостоке на углу Светланской и Дегеровской улиц, и принадлежащего правлению УКВ.

Освещая документы по истории Уссурийского казачьего войска, хочется подробнее рассказать об одной интересной находке.

В архивном фонде Сучанского горкома РКП(б) была обнаружена рукопись на 24 листах, по-видимому, черновой вариант (сделана карандашом, имеет много исправлений) под названием "Тезисы по докладу о казачестве". Документ датирован 1923 годом и подписан фамилией Емельяненко.

Удалось установить, что готовился он к прочтению на I съезде Советов Никольск-Уссурийского уезда, т.к. именно в фонде Никольск-Уссурийского укома РКП(б) был найден машинописный экземпляр данных "Тезисов". Правда, уже основательно сокращенный, отредактированный и переименованный в "Тезисы по докладу о работе среди бывшего казачества".

Мы попытались проанализировать первый, наиболее полный вариант этого документа.

Автором "Тезисов" ставится вполне конкретная цель: "...изучение степени растворения среди крестьянства бывшего казачества". Указаны особенности экономического и социального уклада казачества как в прошлом, так и в настоящем: во-первых, "...казаки большую часть земли сдавали в аренду; эксплуатация чужого труда казачеством в прошлом чрезвычайно ведика.

Преимущественно эксплуатировалось китайское и корейское население"²; во-вторых, "...мертвого инвентаря у казаков было меньше - широкая практика сдачи в аренду земель ... не вызывала необходимости инвентаризации хозяйства"³.

Интересен момент сравнения казачества и крестьян - "стодесятинников". "Прибывшие и поселявшиеся в Приморье крестьяне до плановой ... колонизации, так называемые "старожилы", в отношении землепользования стояли наравне с казаками. В 1909 г. проведенное обследование экономических условий и быта "старожилов-стодесятинников", казаков и крестьян... дает следующие сравнительные выводы: в землепользовании.. на казачий двор приходится 197 десятин, на крестьянский - 90 десятин"⁴. Приведенные сравнительные цифры по сельхозинвентарю, применению наемного труда и его оплате позволяют автору "Тезисов..." сделать следующий вывод: "...казачество не приспособлено к земледелию и в (своей) борьбе за существование перекладывало центр тяжести на эксплуатацию чужого труда"⁵.

Содержится в данном документе анализ промысловых занятий казачества - рыболовства, охоты, пчеловодства. Причем, по поводу последнего, говорится: "По определению специалистов, уссурийский мед является самым лучшим в мире. В настоящее время этот промысел значительно спал, но он требует к себе внимания со стороны партии и органов Советской власти."⁶

Политическое состояние казачества характеризуется следующим: "Казачество .. при Советской власти в бандитизме участвовало больше, чем крестьянство Приморья, особенно в Никольск-Уссурийском и Хабаровском уездах. Казаки-бедняки и средняки, бывшие партизаны относятся к партии и соввласти доброжелательно, хотя активность... не проявляют. В Октябрьскую революцию наиболее революционной частью казачества явились фронтовики, часть из них оказалась в Красной Гвардии. Зажиточные казаки... в своей массе враждебно настроены против...соввласти, в настоящее время ко всем мероприятиям соввласти относятся отрицательно"⁷. Ранее отмечалось, что Уссурийское казачество в 1905 г. "выступило в роли палачей при революционном выступлении матросов г.Владивостока"⁸.

Рассматривается проблема кооперации в казачьих селениях Приморья, причем, отмечается, что "...относится казачество к общественно-кооперативным организациям отрицательно"⁹.

Делается попытка проанализировать процесс зарождения казачества в Приморье: "Переселялись казаки из Оренбурга, Кубани, Забайкалья, верховьев Амура. В 1879 г. выделяется из состава Амурского казачьего войска полубатальон и переселяется на берега р.Усури - 391 семейство, при 1409 лиц мужского пола и 1205 женского..."¹⁰. Поскольку казаки переезжали с насиженных мест неохотно, "...правительство вынуждено было переселять казаков в принудительном порядке, путем приказа и разверстки - последняя осуществлялась.. посредством жребия - "демократизм"¹¹. Приводятся сведения об оформлении Уссурийского казачества - "С началом постройки Великого Сибирского пути из поселенных по Усури казаков 26 июня 1889 г. оформляется Уссурийское казачье войско, отведенные ему земли составили...казачью округу с подразделением на 3 участка: 1) Уссурийский, 2) Ханкайский, 3) Посьегский."¹²

Подробно раскрываются льготы, предоставляемые казакам: "Казаки переселялись из европейской России за счет государства; каждой семье выдавалась ссуда по 550 руб. с рассрочкой на 33 года и по 50 руб. на покупку коня безвозвратно; провиантское довольствие от казны; ..освобождение от всех земских повинностей на первые 3 года и от всех станичных на год, - что, несомненно, являлось некоторой приманкой при жребии"¹³.

О формах наделения землей казачества царским правительством говорится, в частности, что за казачеством закреплялась лучшая часть земли. На каждую душу мужского пола отводилось до 30 десятин, на школу - 15, на церковь - 30, офицерам (в зависимости от чина) - от 200 до 400 дес. Кроме того, земли, расчищенные своим трудом, оставались во владении казаков - под выгон, пахотные, сенокосные, лесные. Из этого расчета Уссурийскому казачеству было отведено 98000 дес., оставшиеся свыше 7000000 дес. оставались не использованными как фонд казачества Приморья¹⁴.

Затронуты вопросы охраны государственной границы казачеством, его роль в борьбе с контрабандой. Однако, указано - в связи с тем, что "в настоящее время отмечается тенденция вооружать с этой целью казачество", но "политическое состояние казачества говорит за то, что делать это не время, даже вредно"¹⁵.

Рассматриваются также (все тем же историко-сравнительным методом) такие моменты, как повинности, налоги и с/х налог, возлагаемые на казачество. Существовавшие повинности казачества компенсировались тем, что общая политика царизма перекладывала центр тяжести на среднее крестьянство. В настоящее время казачество в некоторых уездах платит больше налог, чем крестьянство. Казачество в общей массе богаче крестьянства"¹⁶.

Говоря о влиянии партии среди казачества, автор "Тезисов.." отмечает, что "...оно определяется незначительной степенью активности и незначительным количеством партийцев-казаков. Отношение к партии, даже среди казаков-участников гражданской войны - безразличное"¹⁷.

Еще одна тема, затронутая в "Тезисах" - казачество и комсомол. "...Молодежь казачества политически растет, но плетется в хвосте за крестьянством. Степень вовлечения казачества в комсомол незначительная"¹⁸.

Особое внимание уделяется проблеме религиозности казачества, которое, по мнению автора, "более религиозно, чем крестьянство. Религиозные обряды (венчание в церкви) и сейчас не изжиты. При обследовании деревни Богомоловки установлено, что на 9 свадеб. затрачено 1600 руб., а с/х налог село платит 1500 руб., что наглядно характеризует бытовые условия казачества и слабо отмирающий консерватизм казачества"¹⁹.

Автором тезисов предлагался комплекс мероприятий по работе среди казачества и по вовлечению его в советское строительство:

- "...необходимо сокращать посевные площади за счет приспособления казачества к личной обработке земли и развития своего хозяйства личным трудом в соответствии с Советским законодательством;
- вовлечение казачества в с/х является стимулом к изживанию словной привилегированности, которая еще жива и которую необходимо учить при всех мероприятиях среди казачества;
- считать недостаточным вовлечение в партию казачества по сравнению с крестьянством, обратить внимание на работу среди казацкой молодежи и женщин, втягивая их в общественные, советские и хозорганизации в деревне;
- усилить культпросветработу среди казачества, иметь в виду сильные религиозные пережитки;
- обратить внимание на соблюдение рев. законности в казачьих районах, проявив особую предусмотрительность в работе комиссии по определению избирательных прав."²⁰

В заключительной части "Тезисов" приведена таблица численности казачества по Уссурийскому, Спасскому и Хабаровскому уездам в сравнении с крестьянским и корейским населением по состоянию на 1923 год. Общая численность казачества в этих уездах составляла 31935 чел. (16625 муж. и

15310 жен.), из них в Ник. - Уссурийском уезде проживало 19239 чел., Спасском - 3858 чел., Хабаровском - 9038 чел. Всех хозяйств казачьих дворов было 6196. Общая численность русских крестьян составляла 180540 чел. (в Ник.-Уссурийском - 47923, Спасском - 98363, Хабаровском - 34254). Число крестьянских хозяйств превышало 41 тыс. Общая численность корейского населения - 22794 чел. Число хозяйств - 7520. Различными промыслами больше всего занимались крестьяне (свыше 12 тыс. чел.), казаки - 2613 чел., туземцы - около 2 тыс., корейцы - более 1 тыс. Казаки применяли наемный труд больше, чем крестьянские хозяйства²¹.

Этот архивный материал дает весьма общее представление о политике приморской советской власти в отношении казачества. Мы не знаем, какой документ в окончательном виде был принят на съезде советов Никольск-Уссурийска и как он реализовался на практике. Тем не менее приводимый нами сокращенный вариант тезисов может привлечь внимание исследователей истории Уссурийского казачества.

---

1. ГАПК, ф. П-15, оп. 1, д. 8, л. 1.

2. Там же, л. 2

3. Там же.

4. Там же, л. 3.

5. Там же.

6. Там же, л. 6.

7. Там же, л. 7.

8. Там же, л. 3.

9. Там же, л. 8.

10. Там же, л. 9.

11. Там же, л. 10.

12. Там же.

13. Там же, л. 11.

14. Там же.

15. Там же, л. 12.

16. Там же, л. 13.

17. Там же, л. 14.

18. Там же, л. 15.

19. Там же.

20. Там же, лл. 18-20.

21. Там же, л. 24.

Философия

Понятие философии у древних китайцев

© 1998

А. Лукьянов

Китайским эквивалентом термина "философия" принято считать термин *чжэсюэ*. Однако, он не укоренен в истории китайской философии, вообще не встречается в ней (она себя так не именует), искусственно создан и вошел в научный оборот из японской критической литературы нового времени. Кроме того, *чжэсюэ* не калькирует и греческую любовь к мудрости: *чжэ* имеет значения: "прекрасно разбираться", "хорошо понимать", "быть сведущим", "мудрец" (например, *ши чжэ* - десять мудрецов, учеников Конфуция); *сюэ* - "знание", "учение", "эрудиция", "учиться", "обучаться". Можно как угодно варьировать значения *чжэ* и *сюэ*, но при этом любовь к мудрости никак не получается.

Для простой фиксации факта наличия у китайцев философии древнегреческого термина *φιλοσοφία* вполне достаточно. Но, по существу такое положение вряд ли может устроить историко-философскую науку, решающую задачи мировоззренческой квалификации западной и восточной философской древности.

Во-первых, сама греческая философия в учениях первых ее представителей имеет несколько определений, не говоря уже о дальнейшей истории западной философии, где таких определений десятки. Под какое из них подпадает китайская философия - вопрос спорный. То, что согласно одному определению будет считаться *философией*, согласно другому может оказаться *не философией вовсе*.

Во-вторых, неужели древнегреческая философия, выражая в своем наименовании рождение и способ существования всей мировой философии, настолько в этом одинока, неужели равные ей по возрасту древнекитайская и древнеиндийская философии так и не выразили себя в имени "любовь к мудрости"? Во мнении современных исследователей, особенно западных, китайская философия выглядит несколько ущербной. Ведь если она не имеет собственного имени, значит категориально не осознала самую себя и осталась на стадии либо предфилософии, либо вместе с индийской философией "представляет собою... религиозный способ представления и религиозное мировоззрение", как утверждал еще Гегель (1).

В-третьих, при таком состоянии историко-философской науки пальма первенства в создании термина и идеи философии в человеческой культуре неизменно отдается древним грекам - родоначальникам западноевропейского Логоса (2), а греческая философия в сравнении с китайской и индийской принимается за эталон.

Целью данной работы является поиск китайского аналога понятия "философия" по материалам учений первых древнекитайских философов. Проведенные исследования показывают, что все основные течения китайской философии вырастают из единой основы - культуры Дао. Анализ последней проведен автором в специальной статье и других исследованиях (3), поэтому здесь культура Дао специально не рассматривается. Напомним только, что последняя представляет собой совершенный биосоциально целостный организм, существующий в условиях нерасчлененности человеческого рода и природы. Ее наиболее адекватной моделью является сфера, наполненная "хаотической" (хунь дунь) смесью телесных, духовных и идеальных сущностей. "Энергетический сепаратор" этого единства - носитель генетического кода культуры Дао, ее структурно-функциональный архетип. Он может быть представлен как горизонтально-вертикальная структура, конституирующие компоненты которой отображают фундаментальную для китайской культуры пятичастную матрицу. Этот архетип сепарирует телесную, духовную и идеальную сущности культуры Дао, в результате чего рождаются элементы, обозначаемые пятеричными наборами категорий китайской философии, известными как *у чан* (пять постоянств) и *у син* (пять движений). После деформации культура Дао претерпела трехкратную творческую реставрацию.

Первую реставрационную попытку совершили родовые объединения средствами коллективных песнопений и ритуальных танцев гармонии Дао, еще сохранявшихся в этнической памяти. Вследствие разрушения родовой системы эта попытка успеха не принесла. Вторую попытку осуществили "совершенномудрые люди" (шэн жэнь) - духовные предводители Поднебесной. Они объединялись в союзы, построенные по типу структурно-функционального архетипа *у чан/у син*, и воссоздавали Дао в поисковой мантике, слагая способы жизнедеятельности уходящего рода и нарождающегося государства. Третью попытку сделали наследники "совершенномудрых" - философы. Они ставили себя на место центрального элемента *цзы* ("дитя", "сын") в системе противоположностей *инь* и *ян* в духовном архетипе *у чан/у син*, наполняли его элементы этическим содержанием и использовали с целью гармонизации противоборствующих противоположностей *инь* и *ян* в обществе и природе соответственно запросам социальных верхов, центра и низов. Их усилия увенчались рождением философии, которая разделилась на три основных течения - конфуцианство, даосизм и ицзинистика.

Конфуцианство приняло мировоззренческую ориентацию на искусственно создаваемые идеалы и построение гармонии Дао в обществе с государственным устройством в будущем (эволюционная концепция). Оно обосновалось на вертикальной составляющей архетипа *у чан/у син* и стало сводить противоположности *ян* и *инь* неба и земли (природа), верхов и низов (общество), старших и младших (семья), небесного и земного предков (боги) в непротиворечивое единство по вертикали. В качестве центрального духовного звена *цзы* конфуцианство поставило *цзюньцзы* - "сына правителя", или благородного мужа. Он имеет патрилинейную генетическую определенность и является носителем природного, человеческого и божественного качеств, выражаемых во внешнем облике. В максимальном пределе благородный муж символизируется личностью и платьем Конфуция.

Даосизм принял мировоззренческую ориентацию на идеалы естественно сложившегося рода и построение гармонии Дао с возвратом к прошлому в обществе с родовым устройством (инволюционная концепция). Даосизм обосновался на горизонтальной составляющей архетипа *у чан/у син* и стал сводить противоположности *инь* и *ян* природы, человека и первопредка в единство по горизонтали. В качестве центрального звена *цзы* даосизм поставил *шэн жэнь* - совершенномудрого человека, имеющего матрилинейную определенность и тоже обладающего природными, человеческими и божественными качествами. Последние выражаются в теоморфных, зооморфных и антропоморфных символах и концентрируются в личности и облике *Лаоцзы*.

Ицзинистика сориентировалась на вечно длящееся настоящее, вектор ее мировоззренческой направленности - точка. Ицзинистика базируется на центральной составляющей архетипа *у чан/у син* и сводит противоположности *инь* и *ян* в пустотном центре. В силу отсутствия имманентного текстового выражения графических систем центральное звено в генетической триаде *инь-цзы-ян* не именуется. Однако, ни иероглифического знака, ни имени *цзы* здесь и не должно быть: если конфуцианская *янская* философия - это философия бытия и положительных имен (ю мин), даосская *иньская* философия - философия небытия и отрицательных имен (у мин), то ицзинистика - философия средних между небытием и бытием символических имен. Графические спиральные системы триграмм и гексаграмм "И цзин" это и есть символ-имя *цзы* ицзинистики, который схематически выражается в монаде Дао *инь-ян* ☯. Его природные, человеческие и божественные качества проступают в спиральном одеянии графических черт триграмм и гексаграмм.

Каждая из теорий поставила в центр духовного архетипа *у чан/у син* своего *цзы* - буквально "младенца" - между *янским* отцовским и *иньским* материнским началами. Дело оставалось за тем, чтобы найти ту силу, которая смогла бы привести в действие духовный архетип Дао в каждом индивиде, во всей человеческой Поднебесной, а значит и в мире природы и первопредков. Это должна быть, во-первых, качественно тождественная архетипу Дао, духовная нравственная и блага сила. Во-вторых, она должна быть чистой и не связанной никакой меркантильностью, выгодой или утратой, добром или злом. В-третьих, она должна быть глубинным сердечным чувством, проявляемым не по принуждению и не по зову извне. Это не что иное, как любовь: сердечное почитание сыновьями отцов и отцовская любовь к сыновьям в конфуцианстве, материнская любовь к детям (дочерям) и любовь детей к матери в даосизме, отцовско-материнская любовь к младенцу в ицзинистике. Любовь скрепляет материнско-детско-отцовскую генетическую триаду *инь-цзы-ян* в единство и возрождает органическую целостность и гармонию культуры Дао. Но это делается только через нравственное сознание и познание (синь - сердце космическое, общечеловеческое и божественное), которое есть мудрость. Объятая любовью, мудрость превращается в конфуцианском искусстве (и) обладания знанием-истиной (ю чжи) в "любовь к мудрости", в даосской естественности (*цзы жань*) не обладания знанием-истиной (у чжи) в "нелюбовь к мудрости" и в ицзининовском естестве-искусственности в любовь-нелюбовь к мудрости-немудрости.

При этом философия приобретает особый статус самосознания: она *восстанавливает культуру Дао в физике, метафизике и срединной между ними области в особом (архетипическом) духовном объеме (жун), энергии и ритмика которого не вписываются в космос Поднебесной в силу значительного изменения ее телесных, духовных и идеальных параметров (хотя этого совпадения желают и пытаются достичь философы). Философия и находящиеся в ее архетипическом центре дети-философы (цзы) постоянно*

сохраняют живое Дао как великий образ гармонии прошлого, настоящего и будущего Поднебесной. Оставленные же философами тексты - это не философия, а результат философской работы, обращенной к человеку и призывающей его к любви к мудрости, указывающей ему пути индивидуального и коллективного вхождения в Дао.

Таким образом, китайская философия в своих истоках и эволюции есть, во-первых, творческая реставрация гармонии культуры Дао; во-вторых, китайская философия начинается с духовно-нравственной проблематики; в-третьих, она внутренне подразделяется на три основных течения - даосизм, конфуцианство и учение "Книги Перемен" (ицзинистику); в-четвертых, китайская философия сознает и именуется себя в специальных терминах, понятиях, идеях.

"Философия" у Конфуция. Понятие мудрости заложено у Конфуция в несколько терминов. Например, это жу (VI.12) - "ученый", "образованный человек". Содержательная степень "культурности" данного термина такова, что он вошел в название самой конфуцианской школы - жу цзя. Другой термин, нэн - "способности", "умение", "талант", использован в характеристике "многоспособного" и "совершенномудрого" Конфуция (IX.6). Еще один термин, сянь - "ученый", "добрый", "мудрый", "достойный", определяет прогностическую мудрость человека: "Учитель сказал: "Не предугадывать, что обманут, и не думать наперед, что не поверят, и все же предчувствовать это - вот что такое мудрость!" (XIV.31). Однако среди этих и прочих терминов своей непосредственной связью с понятием философии выделяются только два термина - чжи и сюэ.

Чжи - имеет значения "знание", "познание", "мудрость". Наравне с человеколюбием (жэнь) Конфуций проецирует чжи на архетип Дао, эстетически выраженный неподвижной вертикалью горы и подвижной горизонталью воды: "Учитель сказал: "Мудрый (чжи) радуется воде, человеколюбивый (жэнь) радуется горам; мудрый подвижен, человеколюбивый спокоен; мудрый радостен, человеколюбивый долговечен" (VI.22). Мудрость соотносится с человеколюбием не только структурно, но и функционально - "мудрый пользуется человеколюбием" (IV.2). В свою очередь человеколюбие является воплощением Дао и произрастает на почве сяо ти - почитания родителей и старших братьев, которое служит основой конфуцианской добродетели (Дэ). Отсюда видно, что мудрость у Конфуция связана не с экспериментальным познанием мира, а с нравственным началом добродетели. Это подтверждается и определением мудрости (опять же в параллели с человеколюбием): "Фань Чи спросил о мудрости. Учитель ответил: "Блюсти долг/справедливость перед народом, чтить демонов и духов и держаться от них подальше - это и можно назвать мудростью". Фань Чи спросил о человеколюбии. Учитель ответил: "Сначала трудность, а потом успех - это и можно назвать человеколюбием" (VI.21).

При всем громадном значении мудрости (чжи) в учении Конфуция она нигде в "Лунь юй" прямо не связана с любовью и не направлена на познание Дао, хотя включается в определение Дао благородного мужа (XIV.28) и определение философии (XIX.5). Иначе говоря, мудрость-чжи не образует термина "философия" и не дает ее полного понятия.

* Здесь и далее при ссылках на "Лунь юй" в скобках сначала указывается номер главы, затем номер параграфа в общепринятой разбивке текста. Перевод фрагментов осуществлен по изданию "Чжу цзы цзи чэн". Шанхай, 1986. Том 1.

Сюэ - "наука", "знание", "учение", "изучение", "подражание", "копирование", "повествование", "эрудиция", "школа" - таковы словарные значения сюэ и только нет среди них значения "мудрость". А, между тем, это она и есть. Мы уже давно привыкли воспринимать греческую σοφία только как "мудрость". Однако в равной степени она и "наука", "знание", "разумение", "сметливость", даже "хитрость", "ловкость", "искусство", "техническое искусство", "музыкальное искусство". По основным, категориальным значениям "науки" и "знания" китайское сюэ и греческая σοφία совпадают.

Конфуций гораздо чаще говорит о мудрости-сюэ, чем о мудрости-чжи. Она у него бывает технической - "изучать (сюэ) и вовремя применять это на практике" (I.1), культурно-образовательной - "изучение культуры" (сюэ вэнь) (I.6), политической - "Цзычжан учился (сюэ) тому, как сделать карьеру" (II.18), теоретической - "учеба (сюэ) без размышления - тенеты, размышление без учебы - погибель" (II.15). Но там, где мудрость соприкасается с нравственной добродетелью, она свободна от всякой корысти: "Велик Конфуций, однако при такой необъятной учености-мудрости ни чем не прославился" (IX.2). Мудрое нравственное познание направлено у него не на знание многого, а, как и у Гераклита, на знание единого: "Учитель сказал: "Сы, ты считаешь, что я ради многознания изучаю (сюэ) все?" И услышал в ответ: "Конечно. А разве не так?" Учитель ответил: "Нет! Я одно-единим пронизываю все" (XV.3). Этим "одно-единим" является нравственное Дао, пробуждающее у благородного мужа любовь к людям (XVII.4) и укладывающееся в социоприродную вертикаль (IV.15). Ближайшие ученики Конфуция уже при его жизни ввели термин сюэ в определения мудреца:

Цзыся сказал:

Если о том,

кто, уважая достоинство, преодолевает тягу к сладострастию,
кто, служа отцу и матери, способен напрячь все свои силы,
кто, служа государю, способен пожертвовать самим собой,
кто, общаясь с друзьями и говоря с ними, вызывает доверие,
хотя и скажут, что не мудр (не учен),
я непременно назову такого мудрым (I.7).

Именно мудрость-сюэ сопрягается у Конфуция с любовью. Для обозначения последней он использует два термина - ай и хао. Ай упомянута в "Лунь юй" два-три раза (I.6; XVII.4) и рядом с мудростью-сюэ не стоит. К ней примыкает только хао, и образуя понятие хаосюэ.

Значения хао пересекаются со значениями греческих φιλεω и φιλία: φιλεω (гл.) - любить, φιλία (сущ.) - "любовь", "дружба", "привязанность"; хао (гл.) - "любить", "питать пристрастие к...", хао (сущ.) - "любовь", "дружба", "приверженность", "увлечение", "любимое дело", "добро", "милость". Нет никакого сомнения, что φιλεω (φιλία) и хао - это идентичные термины и каждый из них в совокупности с "мудростью" несет одну и ту же понятийную сущность. Китайская конфуцианская хаосюэ и греческая пифагорейская философия (См.4) калькируют друг друга и означают "любомудрие", "любовь к мудрости", "любовь к науке", "любовь к учению".

Хаосюэ не случайно оброненное Конфуцием слово. Это точно выверенное понятие, определяющее особый род духовной деятельности особых людей. Как оказывается, философов совсем немного. Прежде всего Конфуций видит философом самого себя: "Учитель сказал: "Даже в селении из десяти домов найдутся такие, кто не уступит мне, Цю, в преданности и верности. Однако не найдутся превосходящие меня, Цю, в любви к мудрости" (V.28). Статус фило-

софа для него чрезвычайно высок, он легко отдает звание благородного мужа, но никому не уступает достоинства философа и носителя культуры Поднебесной (VII.33). Из всех многочисленных учеников Конфуций называет философом только одного Янь Хуэя, который к тому времени уже скончался. (XI.7). Следовательно, на время жизни Конфуция во всей Поднебесной оставался только один философ - он сам.

Конфуций дал и определение философа по облику и занятиям своего идеального субъекта - благородного мужа: "Учитель сказал: "Если благородный муж в еде не требует пресыщения, в жилье не требует комфорта, сметлив в делах и сдержан в речах, стремится к обладанию Дао и прямо идет к нему, то можно сказать, что это философ" (I.14). Любовь к мудрости Конфуций облакает в философскую веру, скрепляет с нравственным Дао добра и включает в завет от имени Первого Философа Поднебесной:

Учитель сказал:

Искренне верьте в философию,
до смерти стойте за Дао добра.

Не входите в царство, где опасность,
не селитесь в царстве, где беспорядок.

Если в Поднебесной есть Дао, то проявляйтесь,
(если в Поднебесной) нет Дао, то скрывайтесь.

Если в царстве есть Дао, то бедность и презренность постыдны.

Если в царстве нет Дао, то богатство и знатность постыдны (VIII.13).

Хао как понятие используется отдельно от сюэ (как и сюэ от хао). Им обозначается любовь к людям - хао жэнь (IV.3) и что в особенности важно для философии Конфуция, любовь к древности хао гу. Он специально подчеркивает, что не познаёт (чжи) древность, а верит в нее и любит ее, не создает ничего нового, а лишь упорно стремится к древности и передает из нее духовные ценности в текущую современность (VII.1; VII.20).

Однако, при всей своей значимости любовь на этом пути не может продвигаться одна без мудрости. Иначе при соприкосновении с архетипическими нравственными ценностями - "человеколюбием", "доверием", "знанием" и т.д. - она превосходит меру гармонии и наносит вред, что и засвидетельствовал сам Конфуций:

Учитель сказал:

Ю, слышал ли ты шесть суждений о шести пороках?

Тот ответил: "Нет!"

Учитель сказал: "Вот как? Я изреку тебе их.

Любить человеколюбие и не любить мудрость (не философствовать) - порок в том, что это ведет к тупости.

Любить знание и не любить мудрость -

порок в том, что это ведет к нерешительности.

Любить доверие и не любить мудрость -

порок в том, что это ведет к предательству.

Любить прямоту и не любить мудрость -

порок в том, что это ведет к грубости.

Любить храбрость и не любить мудрость -

порок в том, что это ведет к смутьянству.

Любить твердость и не любить мудрость -

порок в том, что это ведет к безрассудству" (XVII.8).

Итак, Конфуций в процессе духовной реставрации гармонии культуры Дао при ориентации на идеалы будущего выработал понятие хаосюэ, тожде-

ственное греческой философии Пифагора, и отличил срединную философскую любовь как от “небесного” познавательного разума - умозрительной мудрости-чжи, претендующей на единую абсолютную истину, так и от “земного” чувства, распахнутого удовольствиям: “Познание (мудрость-чжи) совсем не то, что любовь (хао), и любовь совсем не то, что наслаждение” (VI.19).

“Агапософия” у Лаоцзы. У Лаоцзы противоположная Конфуцию мировоззренческая ориентация. Для него Дао уже давным-давно состоялось и заключено в естественности (цзы жань), взятой как эмпирическая сущность природного бытия, метафизическая сущность небытия и переходная между ними сущность небытия-бытия.

Реставрацию Дао Лаоцзы базирует на горизонтальной (иньской) составляющей архетипа *у чан/у син*. Вертикальная (янская) ось у него выключена и генерация Дао в природном, человеческом и божественном космосе разворачивается в спонтанном течении естественности. Человек во всех своих телесных, духовных и идеальных проявлениях затягивается в воронку небытия-бытия, отфильтровывается духовностью постоянного Дэ (чан Дэ), возвращается этим Дэ к эмбриональному состоянию естества и оттуда начинает гармонический рост вне цивилизационных сеток (§28). Это совершенно отличный от мира цивилизации новый мир Дао, где все космические уровни в порядке следования равны друг другу и замыкаются вместе с Дао на естественность: “Человек берет за образец Землю, Земля - Небо, Небо - Дао, Дао - Естественность” (§28). Поэтому все определения Дао Лаоцзы противоположны определениям Дао у Конфуция, т. е. идут с отрицанием “не”. У Лаоцзы “Дао постоянно и безымянно” (§32), а его идеальный субъект - совершенно-мудрый человек занят “неслужением”, “неговорением”, “недеянием”, “неучением” и т.д., а если в положительном смысле служит, деет, говорит..., то “служит неслужбу”, “деет недеяние”, “ведет учение без слов”, “учит неучение” (§§2, 43, 47, 63, 64, 71). В этих функциях совершенномудрого человека и проявляются термин и понятие философии у Лаоцзы.

У него фигурируют три понятийных мудрости - *чжи* (знание-мудрость), *чжи* (мудрость) и *сюэ*. Везде, где выявляются их значения, он ведет неустанную полемику с конфуцианством. В действии знания-мудрости Лаоцзы фиксирует два направления: “Познавший других - мудр, познавший себя - просветлен” (§33), первое направление конфуцианское, второе даосское. В этом положении Лаоцзы отмечает принципиальные различия конфуцианского и даосского Дао и способов их явления в сознании философа: конфуцианское Дао постепенно и бесконечно достигается человеком вовне, даосское Дао в постоянном (чан), вечно длящемся мгновении просветления человек открывает внутри себя. Интроспективную знание-мудрость Лаоцзы включает в Дао: “Для того, чтобы я твердо овладел знанием, последую за Великим Дао... Великое Дао очень широко, а люди любят тропинки” (§53). Кажется, что это чисто даосское, безотносительное к критическому суждению изложение метода соотношения знания и Дао. Однако и оно полемически заострено. Во-первых, Конфуций видит, что его “Дао не осуществляется”, буквально “не движется”, “не действует” - *Дао бу син* (V.7), а Дао Лаоцзы осуществляется, в целях обретения познавательной мудрости он вступает (син) на спиральный путь его объема. Во-вторых, Дао Лаоцзы предельно большое (*тай и*) и его не надо

* Здесь и далее при ссылках на “Дао дэ цзин” в скобках указывается параграф трактата по изданию “Чжу цзы цзи чэн” (“Корпус философской классики”. Шанхай, 1998. Том 3.

расширять, как это происходит у Конфуция (XV.29). В-третьих, конфуцианская любовь к мудрости - это только призыв "любить тропинки" (*хао цзин*), путающиеся в стороне от даосского Дао.

Познание в сфере Дао направлено у Лаоцзы не на знание частных человеческих ценностей, пусть даже сведенных затем в единство в системе духовного архетипа, а на знание в его высшем, т.е. отрицательном пределе единства: "Знание незнания - вот высшее". При этом Лаоцзы сознает, что "незнание знания - изъян", но отношение совершенномудрого человека к изъяну как изъяну устраняет последний (§71). Соответственно, и "знающий (мудрый) не многознающ, а многознающий не знающ" (§81). В отрицательно заряженной сфере Дао не может быть положительного знания, гносеологическая формула получается оборотной - "знание незнания" все равно, что "незнание знания", как и действенная формула покоя - "деяние недеяния" все равно, что "недеяние деяния".

Согласно Лаоцзы многознание (широкая мудрость - бо сюэ), наблюдаемое у Конфуция (IX.2) и его учеников (VI.26), зависит не от множественности нравственного предмета изучения, т.е. людей, и не от множественности методов и подходов, а от антропологической самости. Надо равняться на древность, когда, как говорит Конфуций, учились для себя, а не для других (XIV.24) и надо постоянно совершенствовать себя, как вторят Конфуцию трактаты "Да сюэ" и "Чжун юн". Однако, с точки зрения Лаоцзы в конфуцианстве человек познает себя не в подлинной и единой вселенско-космической самости, а в той мере, которую он устанавливает по собственной воле. Поэтому Лаоцзы вначале фиксирует ущербность этой антропологической самости:

Кто считает свой взгляд верным, не просветлен,

Кто считает себя правым, не просвещен,

Кто прославляет себя, не доблестен,

Кто восхваляет себя, не главенствует.

Все это с позиции Дао зовется излишеством достатка и поведением раба.

Любая из вещей ненавидит таких.

Поэтому тот, кто обладает Дао, с такими рядом не живет (§24).

Более того, в эмпирической действительности Поднебесной самость вызывает борьбу противоположащих сторон, поэтому даосский совершенномудрый человек избирает мудрое единое и снимает антропологическую самость:

...Если есть пустое, то есть и полное...

Вот почему совершенномудрый человек берет одно-единое как образец для Поднебесной.

Он не считает свой взгляд верным, поэтому просветлен,

Он не считает себя правым, поэтому просвещен,

Он не прославляет себя, поэтому доблестен,

Он не восхваляет себя, поэтому главенствует.

Поскольку он не соперничает,
постольку и в Поднебесной нет таких,

кто бы мог с ним соперничать...

Поэтому искренне приемли совершенную целостность
и возвращайся к ней (§22).

Далее Лаоцзы элиминирует конфуцианские ценности мудрости и умения (чжи), человеколюбия и долга, искусности и выгоды, которые и возникают в конфуцианстве как раз не в результате обучения культуре (вэнь), а вследствие ее недостаточности (вэнь бу цзу) (§19). На входе в естественное

Дао постоянно (чан) и постоянное Дэ (чан Дэ) отфильтровывают их: "Постоянство ведет к тому, что люди не будут иметь знаний, не будут иметь страстей, ведет к тому, что мужи мудрствующие не посмеют деять" (§3).

Наконец, от духовных ценностей Лаоцзы переходит и в целом к науке о них, то есть к мудрости-сюэ и философии. Аналогично всему содержанию даосского Дао мудрость-сюэ выглядит в положительно-отрицательной формуле как сюэ бу сюэ - "учить неучением", "мудрствовать немудростью". Так определяется мудрость-сюэ в Дао через самое себя. В философском определении "по-даосски" она требует постановки рядом с собой и "отрицательной" любви. Ее эквивалент Лаоцзы находит в термине цзюэ, (словарные значения "отделять", "отрезать", "прекращать", "обрывать", а также "превосходный", "единственный", "непревзойденный", "абсолютный"), посредством которого он снимает конфуцианские нравственные ценности. Лаоцзы формирует свое понятие философии - цзюэсюэ, где на место конфуцианской любви - хао помещает ее противоположность - цзюэ. Это различие в отношении к мудрости-сюэ фиксируется и текстуально в определениях философа в "Дао дэ цзин" и "Лунь юй".

Определение философа в "Дао дэ цзин"

Кто посвящает себя мудрости (сюэ),
с каждым днем прибавляет.
Кто посвящает себя Дао,
с каждым днем уменьшает.
Уменьшает и уменьшает до тех пор,
пока не достигнет недеяния:
недеяния и не недеяния (§ 48).

Определение философа в "Лунь юй"

Того, кто изо дня в день узнаёт то,
чего ранее не знал,
и из месяца в месяц не забывает то,
что смог постичь,
можно назвать любящим мудрость
(хаосюэ - философом. - А.Л.) (XIX.5).

Для цзюэсюэ трудно подобрать адекватный понятийный перевод. В прямом значении это - "отрицание учения", "отрицание мудрости", "отрицание науки", некая "афилософия". Но в таком случае за цзюэсюэ ничего не стоит. Даосизм выступает в форме чистого нигилизма, а между тем это жизнеутверждающее учение практического осуществления просветленности (мин) и спасения постоянным добром (или искусством постоянства - чан шань) всех людей и вещей Поднебесной (§27). Следовательно, и термин цзюэ, проходящий сквозь критику конфуцианства, и цзюэсюэ гораздо глубже по своим значениям. Цзюэ в качестве "любви" можно скорее всего сопоставить с греческим термином $\alpha\upsilon\lambda\alpha\omega$. В обыденной речи он означает "любить", "принимать ласково", "приветствовать", "оказывать любовь" ($\alpha\upsilon\lambda\eta$ - любовь). Однако, если взять более глубокий мировоззренческий срез, то $\alpha\upsilon\lambda\alpha\omega$ несет отрицательно-утвердительный смысл. С одной стороны, $\alpha\upsilon\lambda\alpha\omega$ означает отрицание того, что в эмпирической маяте впавшего в хаос человечества привязалось к подлинной вселенской самости и создало иллюзорную человеческую самость. С другой стороны, $\alpha\upsilon\lambda\alpha\omega$ утверждает истинную человеческую самость во вселенской самости как таковой. То же самое делает и цзюэ как любовь: она "отстегивает", "отрезает", "отсекает" антропологическую иллюзорную самость (цзы), направленную от субъекта вовне - цзы цзянь, цзы ши, цзы фа, цзы цзинь (буквально - "само-взгляд", "само-правда", "само-славие", "само-превознесение"), и обращает познание субъекта на самого себя. То есть цзюэ осуществляет философскую рефлексию и приводит разум (сердце) к мгновенному просветлению в Дао (цзы чжи чжэ мин - "познавший себя - про-

светлен") (§24), а в Дао к вселенской самости (цзы жань). Цзы жань, которой в порядке Человек-Земля-Небо-Дао-Цзы жань следует Дао, есть не только *естественность*, но и в прямом значении *вселенская самость*.

Таким образом, Лаоцзы дает еще одно понятие философии - цзюэсюэ, которое в греческой транскрипции по аналогии с φιλοσοφία (от φίλος и σοφία) может быть озвучено как αγαποσοφία - *агапософия* (от слагания αγαπαω и σοφια). Это имя непривычно нашему современнику на слух, но *агапософия* как термин, понятие и идея существует уже более двух с половиной тысячелетий в китайской транскрипции цзюэсюэ. Незнание ее западной культурой не вина древнекитайских мудрецов, а беда западной историко-философской науки, не знающей имен восточных философских сестер греческой философии - конфуцианской хаосюэ и даоской цзюэсюэ, с которыми греческая философия родилась в один и тот же век. Следует специально оговориться, что критика философом Лаоцзы философа Конфуция не означает исторической первичности философии Конфуция относительно философии Лаоцзы. Они в равной мере критикуют друг друга. Первична здесь мудрость в диалектике духовных элементов-понятий архетипа *у чан/у син*, которые сводятся как отцовское (ян) и материнское (инь) начала детским (цзы) эросом в непротиворечивое единство.

Безымянная любовь к мудрости в "И цзин". В "И цзин" нет словесного наименования философии, но термин и понятие философии, отвечающие символическому характеру "И цзин", есть. Это графические системы триграмм, развернутые в спирали 64 гексаграмм. Термин философии в них преподан символами (гуа), а понятие - спиральным танцем их вокруг центра. Полный цикл ритмичных перемен символов завершается генерацией в пустотном центре духа (шэнь), который озвучивает перемены в слове. Это и есть духовное слово (песня) Дао, в котором заключено и имя философии. Но здесь оно пока не изречено, так как это только метафизика Дао, энергетический ритм вселенского вакуума. Чтобы достать оттуда имя философии, нужно в пустоте Дао взрастить духовный эмбрион (подобие существования) и через него перевести метафизику в физику, то есть воплотить метафизическое Дао в человеке, в первую очередь и природной вещи в телесной, духовной и идеальной форме. Вот тогда из уст человека и зазвучит ицзиновское имя философии. Такое было бы осуществимо, если бы современное человечество знало тайну генетического кода спирали Дао "И цзин".

Итак, "И цзин" вносит еще одно, неизреченное понятие китайской философии, дополняющее первые два - конфуцианское и даосистское. Если конфуцианство дает положительное определение хаосюэ (*философия*), даосизм отрицательное цзюэсюэ (*агапософия*), то "И цзин" дает определение в их единстве и различии. В совокупности как определения они составляют генетическую триаду инь-цзы-ян Дао и представляют общее триединое определение китайской философии и полное суждение о ней.

Понятийное и терминологическое различие и сходство философий конфуцианства, даосизма и ицзинистики, вырастающих на единой почве культуры Дао, выражается не только поверхностно в их наименованиях и символическом обозначении, но и на глубинном уровне генетики их спиралей Дао. Возьмем построения спиралей в физических элементах Дерева-Огня-Земли-Металла-Воды.

Спираль даоского Дао. В объемной развертке она запечатлена в позднедаосском памятнике "Хуайнаньцзы", синтезирующем даосское учение.

Дерево крепнет, Вода стареет, Огонь рождается, Металл пленяется,
Земля умирает.

Огонь крепнет, Дерево стареет, Земля рождается, Вода пленяется,
Металл умирает.

Земля крепнет, Огонь стареет, Металл рождается, Дерево пленяется,
Вода умирает.

Металл крепнет, Земля стареет, Вода рождается, Огонь пленяется,
Дерево умирает.

Вода крепнет, Металл стареет, Дерево рождается, Земля пленяется,
Огонь умирает.

Спроецируем спираль на плоскость, обозначим элементы по начальной прописной букве в русском наименовании, строчными буквами вертикальные колонны, римскими цифрами горизонтальные ряды (витки) с их генетическими модальностями.

	а	б	в	г	д	
I	Д	О	З	М	В	крепнет
II	В	Д	О	З	М	стареет
III	О	З	М	В	Д	рождается
IV	М	В	Д	О	З	пленяется
V	З	М	В	Д	О	умирает

Третий, или средний ряд, “рождения” - это исходный “пятичастный крест” горизонтали архетипа у чан/у син, сквозь центр которого с элементом “З”(координаты IIIб) проходит исходная вертикаль, в данном случае это колонка “б”. Элементы горизонтали (инь) сопрягаются с элементами вертикали (ян), образуют в среднем ряду бинарно-единые элементы (цзы) и таким образом в полном цикле сплетают спираль Дао из 25 позиций. В горизонтали элементы связаны в круговой последовательности Д-О-З-М-В и пять горизонтальных рядов спирали воспроизводят их полный цикл (оборот). В вертикали элементы связаны по траектории в виде восьмерки, что прослеживается по движению любого элемента.

Только с элементами среднего ряда “рождения” в плоскостной развертке спирали Дао образуются прямые и диагональные малые и большие “пятичастные кресты”. С каждым элементом в центре образуются один малый и один большой прямые и один малый и один большой диагональные “кресты”. Возьмем пример с элементом “М” (IIIв).

Малый и большой прямые
“кресты” с центром “М”

З
О
О З М В Д
Д
В

Малый и большой диагональные
“кресты” с центром “М”

Д В
Д З
М
В О
З О

Каждый разряд из пяти “крестов” повторяет в себе спираль Дао: в малых прямых “крестах” в типе траектории, передаваемой связью элементов З-О-М-Д-В в малом прямом “кресте” с центром “М”, укладываются пять вертикальных колонн, а в типе траектории О-З-М-В-Д - пять вертикальных рядов. Также легко читаются связи колонн и рядов элементов спирали Дао в остальных разрядах “крестов”. В построении “крестов” с каждым центральным элементом получается пять разноименных элементов и пять одноименных элементов не занятых в “крестах”. Для построения с центром “М” это “О” (Iб), “З” (IVд), “В” (IIа), “Д” (Vг) и все элементы “М” (Iг; IVа; IIд; Vб). Пять разноименных элементов образуют *иньскую*, а пять одноименных *янскую* оси

спирали Дао. В сумме в ней насчитывается двадцать “пятичастных крестов” (кстати, равных по количеству основным аминокислотам ДНК), пять *иньских* и пять *янских* осей.

Малые прямые и диагональные “кресты” и большие прямые и диагональные “кресты” образуют девятипольные матрицы, где прямые *янские* “кресты” содержат в себе пять вертикальных колонн, а горизонтальные *иньские* “кресты” пять горизонтальных рядов. То есть они опять же повторяют спираль Дао, но только каждый из типов “крестов” соответствует своей *иньской* и *янской* сущности. Проиллюстрируем это на примере малыми прямым и диагональным “крестами” с центральным элементом “М”.

Девятипольная матрица из малых прямого и диагонального “крестов”

Д	О	З
З	М	В
В	Д	О

В прямом “кресте” в последовательности З-О-М-Д-В стоит вертикальная колонна “В”, в диагональном “кресте” в последовательности О-З-М-В-Д лежит горизонтальный ряд “III”. В таких же траекториях и в остальных “крестах” стоят и лежат определенные вертикальные колонны и горизонтальные ряды.

Спираль конфуцианского Дао. Для ее анализа обратимся к памятнику “Бо ху тун” (“Дискуссия в зале Белого тигра”, I в.), в котором конфуцианские ценности классифицируются и закрепляются на “каркасе” архетипа *у чан/у син*.

Согласно структурообразующему принципу (ли) мироздания, пять элементов горизонтального “креста” порождают друг друга в круговой последовательности Д-О-З-М-В-Д, соответственно, им придаются социогенетические модальности “царствования (рождения)”, “помощи”, “умирания”, “пленения”, “отдыха”. Элементы горизонтального “креста” взаимодействуют со своими аналогами, стоящими в вертикали один над другим в последовательности О-Д-З-М-В. Однако, элементы вертикали сопрягаются с элементами горизонтали в последовательности Д-М-О-В-З, то есть как внутренняя (Д-З-М) и внешняя (О-З-В) триады инь-цы-ян. В результате сплетается 25-частная спираль Дао. Сопоставим ее с даосской спиралью.

Даосская спираль Дао						Конфуцианская спираль Дао							
	а	б	в	г	д		а	б	в	г	д		
I	Д	О	З	М	В	крепнет	I	Д	З	В	О	М	царствует
II	В	Д	О	З	М	старее	II	О	М	Д	З	В	помогает
III	О	З	М	В	Д	рождается	III	З	В	О	М	Д	умирает
IV	М	В	Д	О	З	пленяется	IV	М	Д	З	В	О	пленяется
V	З	М	В	Д	О	умирает	V	В	О	М	Д	З	отдыхает

Отличий у этих спиралей много и они требуют специального исследования, здесь же выделим только основные.

Во-первых, круговые последовательности Д-О-З-М-В в даосской спирали расположены по горизонтали, в конфуцианской по вертикали, то есть спирали перпендикулярны друг другу (в объеме зеркальны).

Во-вторых, в конфуцианской спирали прямые и диагональные “пятичастные кресты” образуются не только с элементами среднего ряда (III), но с любым элементом всей спирали, избранным в качестве центрального.

В-третьих, генетические модальности спиралей отличаются набором и расположением: у них совпадает только уровень “пленения”, в конфуцианскую

спираль вместо биологических модальностей “крепкости”, “старения” и “рождения” внесены социоморфные модальности “царствования”, “помощи” и “отдыха”.

В-четвертых, в центре даосской спирали расположен виток “рождения”, в центре конфуцианской - виток “умирания”. Следовательно, эти спирали разнятся как спирали “жизни” (инь) и “смерти” (ян) - две противоположности, составляющие существование.

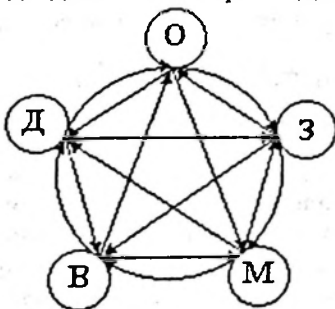
В-пятых, даосская спираль женская, конфуцианская мужская: в первой генетические модальности приданы горизонтальным круговым последовательностям Д-О-З-М-В, во второй эти последовательности стоят в вертикальных колонках и генетические модальности приданы перпендикулярным им рядам. Кроме того, как показывает “Бо ху тун”, женская сущность в конфуцианской спирали умерщвлена. Объяснение дается по первой вертикальной колонке, когда царствует “Дерево”. “Дерево” - это Сын, который располагается в верхнем ряду. Сын-Дерево мстит Матери-Земле за Отца-Воду, он умерщвляет ее, так как в отношении “подавления” Мать-Земля побеждает Отца-Воду. Это повторяется для всех “царствующих” в верхнем ряду элементов и весь средний материнский ряд оказывается “мертвым”. “Живут” только сыновья и отцы: сыновья “царствуют”, отцы “отдыхают”, матери “умерщвляются”, что указывает на патергенезисный социоморфный характер конфуцианской спирали.

В-шестых, даосская и конфуцианская спирали отличаются графическими формулами своих генетических кодов.

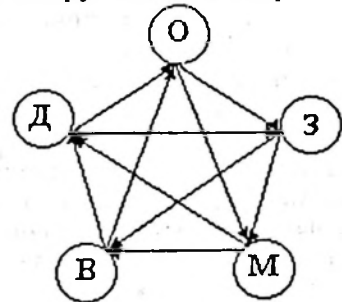
Применим простейший способ их дешифровки. Прочертим горизонтальную (иньскую) кольцевую последовательность Д-О-З-М-В даосской спирали, а внутри нее - соединения вертикальных (янских) колонок. Получим графическую триаду, состоящую из: а) иньского кольца со связью элементов в направлении по часовой стрелке; б) вписанной в иньское кольцо янской пентаграммы с перекрещивающимися сторонами, элементы соединяются в направлении против часовой стрелки; в) вписанной в иньское и янское построения пентаграммы *цзы* с перекрещивающимися сторонами.

В конфуцианской спирали последовательность Д-О-З-М-В стоит в вертикали, следовательно, она преобразуется в янскую колонку и генетические начала переходят к мужскому началу. В графической формуле конфуцианской спирали иньского кольца нет. Из сопряжения горизонтальных и вертикальных последовательностей элементов получается диада: а) янская пентаграмма с перекрещивающимися сторонами, со скрытым в ней иньским кольцом и связью элементов в направлении по часовой стрелке; б) вписанная в нее пентаграмма *цзы* с перекрещивающимися сторонами.

Графическая формула генетического кода даосской спирали Дао

Графическая формула генетического кода конфуцианской спирали Дао

Именно на этот “каркас” своего архетипа конфуцианство нанизывает и систематизирует по нему свои идеи, символы, понятия. В “Бо ху тун” это делается с неотступным упорством:

“По чьему примеру сын не соглашается унаследовать уступленную /ему отцом/ власть? По примеру четырех сезонов, ибо “огонь” (лето) дает процветание “металлу” (осени), но не способствует расцвету “земли”.

По примеру чего сын наследует власть отца после его смерти? По примеру того, что “огонь” (лето) воцаряется после завершения владычества “деревя” (весны)...” и т.д. (5).

Спираль Дао “И цзин”. Соотношение спирали Дао “И цзин” с даосской и конфуцианской спиралями Дао и ее связующую срединность можно рассмотреть на системах триграмм и гексаграмм. Однако, удобнее это сделать на ее матричном девятипольном числовом варианте Ло шу, который называется математическим, или магическим “китайским квадратом”, так как сумма чисел в нем по вертикалям, горизонталям и диагоналям постоянна и равна 15. Траектория последовательности в нем нечетных чисел 1-3-5-7-9 прямого (янского) “креста” и траектория последовательности четных чисел 2-4-5-6-8 (пятерка в центре - скрытая четная десятка) аналогичны последовательностям элементов вертикальных колонн и горизонтальных рядов в девятипольных матрицах, образованных малыми и большими диагональными и прямыми “пятичастными крестами”.

Спираль даосского Дао					Матрица Ло шу “магический квадрат”			Спираль конфуцианского Дао						
а	б	в	г	д				а	б	в	г	д		
I	Д	О	З	М	В	4	9	2	I	Д	З	О	М	В
II	В	Д	О	З	М	3	5	7	II	О	М	Д	З	В
III	О	З	М	В	Д	8	1	6	III	З	В	О	М	Д
IV	М	В	Д	О	З				IV	М	Д	З	В	О
V	З	М	В	Д	О				V	В	О	М	Д	З

Впишем числа матрицы Ло шу на место элементов даосской и конфуцианской спиралей в отсчете от центрального элемента “М” (IIIв) в даосской и элемента “О” (IIIв) в конфуцианской спиралях. Причем в *иньские* оси из разноименных элементов и *янские* оси из одноименных элементов (они не заняты в “пятичастных крестах” и в конфуцианской спирали рассредоточены по-иному, чем в даосской) впишем соответственно четные и нечетные числа.

Спираль даосского Дао					Матрица Ло шу			Спираль конфуцианского Дао						
а	б	в	г	д				а	б	в	г	д		
I	8	2	1	5	6	4	9	2	I	8	2	1	5	6
II	6	8	3	4	5	3	5	7	II	5	6	3	2	4
III	3	1	5	9	7	8	1	6	III	7	1	5	9	3
IV	5	6	7	2	4				IV	6	8	7	4	5
V	4	5	9	8	2				V	4	5	9	8	2

Получим таким образом числовые (цифровые) коды даосской и конфуцианской спиралей Дао. Система “И цзин” вплетается в их генетику и показывает их в единстве и различии. На место чисел можно поставить триграммы и получить две спирали гексаграмм - даосскую *иньскую* и конфуцианскую *янскую*, а также по самой ицзиновской матрице найти общую *иньскую* спираль *цзы*.

Итак, китайская философия вырастает на единой основе культуры Дао и дифференцируется на три направления - даосизм, конфуцианство и учение "И цзин", которые вырабатывают каждое свой термин, свое понятие и свою идею философии. Это таосюэ, символ ☯ и цзюэсюэ. Наравне с греческой философией они озаглавливают мировую культуру мудрости.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. СПб., 1993: Кн.1. С. 160
2. Майоров Г.Г. Роль Софии-Мудрости в истории происхождения философии // Логос. Философско-литературный журнал. М., 1991. № 2. С. 139.
3. Лукьянов А.Е. Дао Лаоцзы и Дао Конфуция // Проблемы Дальнего Востока ИДВ РАН. М., 1997. № 6. С. 125-134; его же. Истоки Дао (древнекитайский миф). М., 1992. С. 104-125.
4. Майоров Г.Г. См. цит. соч. С. 140, 144-147.
5. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990. - С. 237.

Культура

Грани призвания

(О творчестве Михаила Басманова, поэта и дипломата, переводчика и исследователя китайской поэзии)

© 1998

Н. Федоренко

Прежде чем перейти к анализу творчества автора, несколько слов о нем самом. Пишущий эти строки общался с Михаилом Басмановым в течение не одного десятка лет. Связывала нас совместная дипломатическая служба и контакты на литературной стезе.

Принято считать, что если дипломатический работник ничем, кроме своих прямых обязанностей не интересуется, но справляется с делами, то это уже явление позитивное. Трудно с этим спорить. Но Басманову удалось сочетать успешное выполнение своих прямых обязанностей в МИДе и заграничных учреждениях с поэтическим творчеством и переводческой деятельностью. Надо заметить, что, находясь на дипломатической службе, мы постоянно ощущали себя в цейтноте: нам никогда не хватало времени, особенно для профессионального творчества синолога. Известно, однако, что немало дипломатов предпочитают проводить свои дни в различных заведениях посольского или консульского кварталов. Басманов же все свободное время отдавал творчеству. Он прежде всего востоковед, китаевед, знаток восточной культуры и иероглифической письменности Китая. Это в значительной степени определило его необыкновенное проникновение в китайскую поэзию, особенно в классическую, которой он стал увлекаться с давних пор. Ведь угасает время, но не угасает подлинное искусство. Басманова привлекало то, что художественное творчество в поэзии требует бережного обращения со словами и образами. Мы все более убеждались, что именно он способен сказать нечто новое в углубленном понимании самой сущности китайского поэтического творчества, остающегося, к сожалению, по сей день во многом тайной для внешнего мира. Басманову удалось не только проникнуть в глубинные тайники далеких эпох, но и средствами родного языка передать оттенки и звучание поэтических строк. Здесь невольно приходит на память суждение поэта Сунской эпохи (960-1279 гг.) Лю Кэчжуана о творчестве его предшественника, знаменитого поэта Синь Цици: "...его стихотворения звучат то громко, как гром барабанов,

то нежно, как звон колокольчика; они в силах оглушить всю вселенную и заполнить собою вечность”.

Без преувеличения можно сказать, что поэзия для Басманова - глубинная потребность души. В ней он обрел заветный источник благородной красоты, поэтическое творчество стало для него смыслом жизни.

Сказанное относится в полной мере как к оригинальному творчеству Басманова, так и к переводам китайской поэзии, которые снискали ему известность среди читателей России. Имеются в виду изданные в разные годы сборники переводов с оригинала, которые непременно сопровождаются его вступительными статьями и комментариями.

Назовем главные из них. Это дважды издававшиеся “Строфы из гранёной яшмы” несравненной лирической поэтессы XII в. Ли Цинчжао и сборник стихотворений упомянутого выше Синь Цицзи, поэтическая антология стихотворений в жанре *цы* двадцати танских и сунских поэтов под названием “Цветет мэйхуа”, сборник стихотворений китайских поэтесс “Строки любви и печали”, антология китайской классической поэзии “Голос яшмовой флейты”, сборник “Встречи и расставанья” (лирика китайских поэтесс I-XX вв.). К этому можно было бы добавить и ряд антологий древней и современной китайской поэзии, в подготовке которых в качестве переводчика принимал заметное участие и М. Басманов.

Перевод художественного произведения, особенно поэзии и тем более древней, занятие столько же почетное, сколько и многосложное. Всего труднее здесь передать неповторимую гениальность поэта, в данном случае китайского, мысли и чувства которого выражены на иероглифическом языке, не имеющем ничего общего с русским. Ведь невозможно переставить ни единого иероглифа-слова, они поставлены, как скальные глыбы. Их не сдвинешь с места, не нарушив ритма поэзии, ритма музыки. В этом тайна китайской поэзии. Следует сказать, что оценить по-настоящему творчество китайского поэта можно лишь при знакомстве с текстом в оригинале. Стихотворения китайских поэтов - это своеобразные музыкальные произведения, которые мы воспринимаем непосредственно. Не каждому, разумеется, доступен китайский текст. И вот на выручку приходит знаток не только языка оригинала, но и поэзии, соответствующий уровень интеллектуальности и творческого дарования.

Своими переводами Басманов, проявивший себя как эрудированный исследователь, показывает, что мир людей един. Восток, Запад - дело условное. Это интегральные составные целого. Кому-то принадлежит полушуточное выражение “все народы смеются на одном и том же языке”.

Характерно с нашей точки зрения, что взор Басманова в значительной степени сосредоточен на поэзии далекого прошлого, на творчестве поэтов Танской, Сунской и других эпох китайского средневековья. Хотя, как известно, ему принадлежат переводы стихотворений и ряда современных поэтов, в том числе Ай Цина и Мао Цзэдуна.

Парадоксальным представляется то, что в нашей стране давно уже издается книг западных авторов во сто крат больше, чем произведений авторов стран Востока, в том числе и Китая. Мы уже не говорим о том, что в последнее время мутный поток поделок западных сочинителей буквально заполнил все книжные магазины и лавки России. Чем объяснить подобного рода явление? Конечно, прежде всего государственной политикой, которая традиционно была обращена не на Восток, а на Запад. Традиция эта, как известно, восходит к далекому прошлому, когда, говоря словами поэта, император российский Петр Первый “в Европу прорубил окно”. Нам остается лишь надеяться, что в недалеком будущем жизнь заставит нас, к взаимному удовлетво-

рению народов нашей страны и Китая, повернуться лицом к Востоку и прежде всего к нашему великому соседу.

Михаил Басманов, отдавая львиную долю своего времени переводам китайской поэзии, выступает и не безуспешно как оригинальный поэт. Его стихотворения периодически публикуются на страницах газет и журналов, а также выходят отдельными сборниками. Мы знаем, что определенную известность приобрели изданные в разное время поэтические сборники "Лирика", "Самое заветное", "Покаянно", "Меж боями и под огнем", "На втором дыхании", которые раскрывают самобытную грань поэтического дарования автора.

Хочется особо отметить фронтовые стихи, помещенные в сборнике "Меж боями и под огнем". Это лирический дневник участника боев на карельском фронте, в Заполярье и на фронтах западного направления. Личное видение событий военной поры, глубокий лиризм, доверительная интонация волнуют читателя, пробуждают чувство признательности к человеку, который в суровые годы войны, меж боями и под огнем обращался к "заветной лире", чтобы выразить чувство гнева к ненавистному врагу и укрепить веру соотечественников в грядущую победу.

Неподдельный интерес вызывают стихи о природе, свидетельствующие о даре зрелого поэта, наделенного тонким ощущением живого мира во всем его многообразии и способного на, казалось бы, прозаической грядке огурцов увидеть в пору цветения "в зеленом желтые пожары". Он стремится философски осмыслить свою привязанность к природе и приходит к выводу о необходимости принятия мира таким, каким он создан от века.

Сажая всё деревья

И не могу понять:

Инстинкт ли то издревле -

Потери восполнять,

Иль тайное желанье

Оставить в жизни след,

Когда ты сам на грани

Потусторонних лет?

Зачем об этом мысли!

Деревья пусть растут,

В срок распускают листья,

В урочный час цветут.

Но поэт не остается безучастным, когда кто-то позволяет себе в отношении природы что-либо непотребное. В этом случае строки стихотворений наполняются гневом и возмущением.

В живое тело дерева

Вогнали ржавый гвоздь.

Да что же вы наделали -

Пронзили ствол насквозь!

Не спилено, не срублено,

Живет еще оно,

А всё равно погублено,

Засохнет всё равно.

И роицет рядом с деревом

Бегущий в даль ручей.

Зачем вы это сделали?

Зачем! Зачем! Зачем!

Позволю себе заметить, что пейзажная лирика автора, как она предстает перед нами, создавалась не без влияния на него китайской классиче-

ской поэзии. Эта особенность творчества Басманова проявляется в зримых приметах: скупыми, минимально выразительными средствами он создает объемную полноту рисунка, характерный для древней поэзии подтекст с его символикой, намеками, недосказанностью, дающий бесконечный простор для размышления, и заканчивает внезапным финалом стихотворной зарисовки ("строка кончается, но мысль живет").

"Не бывает без дыма огня" -

Так пословица говорит.

Но как раз напротив меня

Лес бездымным огнем горит.

Не горит - полыхает он,

И не он, а что-то еще...

Там, на западе небосклон

Жарким заревом освещен.

Несподвижны деревья в снегу,

Изумленные галки на них...

Да и сам я застыл на бегу,

Палки лыжные уронив.

Поэтическое творчество Басманова жизнеутверждающе, преисполнено благородства и духовной красоты. Неоценим и вклад его как поэта-переводчика, открывшего для российского читателя новый пласт китайской поэзии - сугубо лирический, родственный европейскому романсу (также и арии) - жанр *цзы*, в котором творили такие знаменитые поэты, как Ли Юй, Лю Юн, Су Ши, Ли Цинчжао, Синь Цицзи и многие другие. Завидное усердие Басманова в постижении тайны жизнестойкости китайской поэзии, не утраченной за тысячелетия свежести и очарования, служит благородному делу культурного обмена с нашим великим соседом, который подобно гигантской птице находится ныне на взлете и готов занять должное место в мире.

Научная жизнь

К 100-летию со дня рождения Чжоу Эньлая

4 марта с.г. состоялось совместное заседание Ученого Совета РАН, Российской ассоциации китаеведения и Общества российско-китайской дружбы, посвященное 100-летию со дня рождения видного партийного и государственного деятеля КНР Чжоу Эньлая. В заседании приняли участие представители Посольства КНР в РФ во главе с Временным поверенным в делах Посольства КНР в РФ Чжан Сиюнем. Открывая заседание зам директора института акад. В.С.Мясников отметил вклад Чжоу Эньлая в создание и развитие КНР, в укрепление положения Китая на международной арене, большой интерес к его личности и деятельности ученых Института, выразившийся в постоянном обращении к его трудам, в подготовке ряда публикаций о Чжоу Эньлае. Среди них особо была выделена вышедшая недавно монография акад. С.Л.Тихвинского "Путь Китая к независимости".

С докладом "Чжоу Эньлай - революционер, государственный деятель, дипломат" выступил главный редактор журнала "Проблемы Дальнего Востока", проф. А.М.Григорьев. Докладчик охарактеризовал основные вехи жизни и деятельности Чжоу Эньлая, его роль в ходе революционной и освободительной борьбы в Китае, вклад Чжоу Эньлая в государственное и экономическое строительство КНР, основные черты его стиля деятельности как политика и дипломата. С содержательным сообщением о вкладе Чжоу Эньлая в теорию и практику, в искусство дипломатии выступил Временный поверенный в делах Посольства КНР в РФ Чжан Сиюнь.

Д.и.н. Б.Т.Кулик в своем выступлении остановился на анализе оценок роли Чжоу Эньлая в разработке политики КНР и его взаимоотношений с Мао Цзэдуном, бытующих в мировой политологической литературе. Гл.н.с. ИДВ, д.и.н. Ю.М.Галенович, опираясь на различные материалы, в том числе и на личные впечатления, охарактеризовал основные черты личности Чжоу, его стиля ведения переговоров.

К.и.н., ст.н.с. А.М.Ледовский поделился своими воспоминаниями о встречах с Чжоу Эньлаем, о его деятельности в Чунцине во время японо-китайской войны, на Женевской конференции представителей великих держав в 1954 г.

Синологической библиотеке 40 лет

"Синологичка". Так называют ее несколько поколений исследователей, преподавателей и студентов, использующих ее фонды в своей творческой работе.

40 лет назад группа видных ученых-китаеведов - акад. С.Л.Тихвинский, проф. И.М.Ошанин, чл.-корр. Н.Т.Федоренко и другие обратилась в Президиум Академии Наук СССР с просьбой рассмотреть вопрос о создании специальной библиотеки при Институте китаеведения в качестве научной базы для проведения исследовательских работ в области истории, экономики, философии, культуры и языков народов Китая. 6 марта 1958 года такое решение было принято.

И началась кропотливая работа по и собиранию организации фондов будущей библиотеки. Основу фонда составила ценнейшая коллекция книг академика В.М. Алексеева, энциклопедически образованного китаеведа, что естественно сказалось на подборе книг в его собрании.

В первые годы существования библиотека получила книги и журналы о Китае на китайском, русском и западных языках из библиотеки Института Востоковедения, Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, из библиотек бывшей Российской духовной миссии в Пекине и Генконсульства СССР в г.Харбине.

Большое внимание уделялось также розыску и приобретению частных коллекций. Наибольший интерес представляют коллекция проф. Б.И.Панкратова с редкими изданиями XVII века на маньчжурском языке, собрание проф. А.П.Рогачева по китайской филологии, книги доктора филологических наук М.Е.Шнейдера, содержащие подборку переводов русской классики на китайский язык, собрание материалов по истории Китая акад. С.Л.Тихвинского. Из коллекции П.А.Гриневича в библиотеку поступило 10 подлинных тайпинских изданий.

Много книг получила библиотека в дар от известных китаеведов Р.В.Вяткина, И.М.Ошанина, Е.Ф.Ковалева, Ю.В.Новгородского, В.Н.Никифорова, В.Н.Рогова, Л.С.Переломова и др.

Благодаря тематическому разнообразию фондов Синологической библиотеки ею могут пользоваться ученые различных специальностей - историки и археологи, философы и лингвисты, экономисты и политологи, а также медики, геологи и т.п. Читателями ее в разные годы были ученые не только России, но и зарубежных стран.

В Синологической библиотеке хорошо укомплектован справочно-библиографический фонд. Регулярный просмотр национальных библиографий и проспектов издательских фирм обеспечивает контроль за всей мировой библиографической продукцией. Сейчас в фонде более 100 названий указателей литературы по Китаю, изданных в США и Европе.

Некоторое представление о богатстве и разнообразии фондов Синологической библиотеки дает выпущенный ею к 25-летию сборник статей и библиографических материалов "Синологическая библиотека - источниковедческая база советского китаеведения:" (к 25-летию создания) М., 1983. 211 с.

В настоящее время библиотека хранит и предоставляет в пользование читателям около 300 тысяч книг и журналов.

Путеводителями по фонду являются каталоги и картотеки библиотеки - алфавитный и систематический, справочно-библиографическая картотека и др., содержащие сейчас около 150 тысяч карточек. Ценнейшим пособием для читателей явился изданный в 1979 г. "Указатель периодических изданий на китайском языке в фондах библиотек Москвы и Ленинграда" (Сост. Л.А.Кувшинникова).

20 лет библиотеку возглавляла канд. ист. наук Д.Н.Зильберг, сумевшая создать ядро фонда и собрать коллектив людей, которые проработали в библиотеке по 20 и более лет: Р.Г.Барышникова, сменившая Д.Н.Зильберг на посту директора и много сделавшая для развития библиотеки, Е.И.Воскресенская, Е.А.Гениатуллина, К.Н.Денисова, М.С.Добрачева, В.П.Журавлева, А.Иванова, А.Б.Козоровицкая, А.В.Костяева, Е.Ф.Никольская, Л.А.Кувшинникова, В.С.Любимова, В.К.Хорькова и Л.В.Чапаева. Все они пришли работать после окончания институтов, некоторые со знанием двух иностранных языков, в том числе китайского и японского.

За 40 лет сотрудники библиотеки сталкивались со сложными проблемами - трижды библиотека меняла адрес и только в 1980 г. получила новое, специально оборудованное помещение в здании Института Дальнего Востока РАН (Нахимовский просп. 32). Сейчас библиотека переживает самые трудные времена: книгохранилище, которое казалось таким огромным в 1980 г., заполнено целиком; штат сокращен: если в лучшие годы в библиотеке работало 13-15 человек, то сейчас только четверо, нет специалистов с китайским языком, а это означает, что китайские книги не обрабатываются, а складываются до лучших времен. Т.н. "оргтехника" (механические пишущие машинки) отслужила уже три срока, поэтому библиографические карточки пишутся от руки, наклеиваются на плотную бумагу и в таком виде вставляются в каталоги. Денег для систематического комплектования фонда и покупки коллекций, а также компьютерной техники нет.

40 лет плодотворной работы Синологической библиотеки - это повод не только для того, чтобы подчеркнуть ее важную роль в научной и культурной жизни страны, но и привлечь внимание общественности к ее нынешним трудностям. Давайте общими усилиями поможем ей и обеспечим ее будущее существование.

Группа китаеведов

Рецензии

В.М.Мазуров. От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин). М., 1996. 199 с.

Монография видного корееведа В.М.Мазурова посвящена важной и актуальной проблеме перехода ряда стран Востока, осуществлявших на протяжении последних двух-трех десятилетий социально-экономическую модернизацию в условиях авторитарной власти, к более представительной форме правления. Наиболее наглядно тенденция подобного развития прослеживается на примере Республики Корея, страны, которая в исторически короткий срок добилась впечатляющих успехов в развитии экономики, решении социальных проблем и с конца 80-х годов вступила на путь либерализации и демократизации авторитарного, опиравшегося на армию режима. Представляется, что автору для исследования этой проблемы было бы достаточно анализа богатого конкретно-исторического материала по Южной Корее. Но для придания работе более проблемного характера он использует в сравнительном плане и опыт исторического развития Филиппин, перед которыми стояли аналогичные задачи как в преодолении экономической отсталости, так и в создании эффективной демократической системы государственного правления.

Монография состоит из четырех глав. Первые две главы в основном посвящены исследованию экономических, социальных, политических и национально-культурных аспектов модернизации, протекавшей в этих странах в условиях авторитарной власти, но с разным успехом. Во второй части книги анализируются объективные и субъективные факторы, способствовавшие эволюции и перестройке политических систем с целью более полного удовлетворения требований возникших в ходе модернизации новых влиятельных социальных слоев и групп и обеспечения дальнейшего поступательного экономического развития.

При этом на конкретном материале рассмотрены трудности и противоречия становления демократических институ-

тов, обусловленные нерешенностью многих социальных проблем, особенностями политической культуры, религии и исторических традиций.

Автор подробно рассматривает структуру, институты и методы авторитарного правления, призванного мобилизовать усилия государства и общества на достижение целей развития. Он справедливо отмечает, что "авторитаризм - это целая структура, иерархически оформленная, обладающая властными, хозяйственными, идеологическими функциями" (с. 9). Описанная в книге южнокорейская модель авторитарного правления вполне может быть отнесена к категории "авторитаризма развития" (термин, используемый для характеристики режимов подобного рода, которые смогли обеспечить ускоренное экономическое развитие своих стран). В связи с этим представляет особый интерес содержащийся в книге анализ роли государства в развертывании и осуществлении модернизации. Справедливо отмечая, что "никакие преимущества рыночной системы не приведут сами по себе к процветанию", автор указывает на ключевую роль государства в выработке стратегии развития и реализации конкретных планов модернизации экономики.

В Южной Корее, также как и в ряде других стран Востока, большую роль в обеспечении успешной деятельности государственного аппарата сыграли высокообразованные эксперты (технократы), которые разрабатывали общенациональные экономические программы и обеспечивали их последовательную реализацию. Успеху южнокорейской модернизации способствовало и то, что в процесс перемен были одновременно втянуты как промышленность, так и сельское хозяйство, а глубокие сдвиги в социальной структуре коснулись как города, так и деревни. Индустриализация страны привела к тому, что к началу 90-х годов две трети населения проживало в городах, а осталь-

ная треть, занятая в сельскохозяйственном производстве, благодаря аграрной реформе и другим мерам правительства была также приобщена к процессу ускоренного экономического развития. Успехи южнокорейского правительства в области экономики связываются автором и с его умелой политикой в отношении частного предпринимательства. Государство не только регулировало и контролировало деятельность частного сектора, но и обеспечивало условия для его стабильного роста, внедрения в производство передовых технологий, укрепления международных позиций южнокорейских фирм.

Среди факторов, способствовавших модернизации южнокорейского общества, автор особо выделяет устойчивое влияние конфуцианства, которое в течение многих веков занимало доминирующее положение в духовной жизни народа. Конфуцианские идеи и ценности (признание необходимости строго централизованного государственного правления, уважения к старшим, дисциплина, стремление к знаниям и т.д.) помогали государству вовлекать население в процесс преобразований. Конфуцианская традиция выполняла роль, отчасти схожую с той, которую сыграл протестантизм в истории Европы, способствовала утверждению в южной Корее "духа капитализма", росту и совершенствованию рыночных отношений (с. 86). Все эти факторы способствовали также обеспечению одного из главных условий модернизации - политической стабильности и как результат - притоку иностранного капитала. Доля зарубежных вложений в фонде накопления в 1962-1981 гг. составила 26% всех инвестиций. С помощью иностранного капитала, прежде всего американского и японского, Республика Корея смогла занять передовые рубежи в освоении современных технологий и выпуске экспортной продукции. В то же время правительству удавалось совмещать экономический рост с решением задач социального развития. Южнокорейский вариант модернизации автор характеризует как форсированный.

В отличие от него процесс модернизации на Филиппинах назван затяжным, ибо введение в стране чрезвычайного положения (1972-1981 гг.) и установление режима "конституционного авторитаризма" для построения "нового общества" способствовали лишь некоторому оживлению экономики, но в целом не могли создать условий для быстрых перемен в социально-экономической сфере. Причину этого автор видит прежде всего в том, что

в отличие от Южной Кореи на Филиппинах не было проведено глубокой аграрной реформы, и более половины населения страны не могли быть втянуты в процесс модернизации. Продолжалось обезземливание и обнищание значительной массы крестьян, ставших потенциальной базой для повстанческого движения. Длительное антиправительственное вооруженное движение на Филиппинах (отрядов компартии и мусульманских сепаратистов) серьезно дестабилизировало внутреннюю ситуацию и тормозило реализацию правительственных программ развития. Кроме того, правящая группировка была разобщена борьбой кланов и групп, представлявших интересы буржуазно-помещичьего блока ("старой олигархии") и промышленно-банковских кругов нового поколения ("новой олигархии"). В отличие от Южной Кореи, где "модель управления государственным сектором способствовала воспроизводству общественного капитала, на Филиппинах она оказалась замкнутой на обеспечение интересов узкой прослойки" (с. 9).

Мобилизации населения на активное участие в реализации планов развития в значительной мере препятствовала и полиэтническая композиция филиппинского общества, а также сложные взаимоотношения правительства с католической церковью, имевшей сильное влияние на большую часть населения. Защищая интересы наиболее обездоленных слоев и открыто осуждая политику правящих кругов, католическая церковь стала центром нравственного и политического притяжения сил, противостоявших авторитарно-олигархическому режиму, превратилась в относительно самостоятельную силу общественно-политической жизни. В силу указанных обстоятельств авторитарный режим Маркоса оказался не в состоянии форсировать развитие экономики, хотя и сумел создать условия и предпосылки для последующего ускорения экономического роста.

Несмотря на различные темпы и успехи социально-экономического развития, обе страны во второй половине 80-х годов столкнулись с аналогичными проблемами - кризисом авторитарного правления и необходимостью перестройки политической системы в сторону ее демократизации. Эти процессы в указанных странах также протекали по-разному. В Южной Корее демократизация общественно-политической сферы проводилась под давлением оппозиции "сверху" самими правящими кругами и носила характер ре-

форм. На Филиппинах же авторитарный режим Маркоса пал в результате "народной революции", в которой участвовали многотысячные массы населения и часть вооруженных сил. По мнению автора, помимо внутренних факторов, оказавших наибольшее влияние на процесс перемен, существенное значение имело и изменение позиции США по отношению к правящим режимам в двух тесно связанных с ними странах. По мере банкротств авторитарных режимов Вашингтон постепенно дистанцировался от правителей этих стран, стал призывать к введению в них "более открытой и правовой политической системы", которая обеспечила бы приход к власти "цивилизованных правителей" (с. 130). Автор анализирует конкретные причины и обстоятельства возникновения политического кризиса и детально описывает наиболее важные события, происходившие в этот ответственный период в каждой из стран.

Жесткое авторитарное правление в Южной Корее, способствовавшее мобилизации усилий общества на экономический рывок и обеспечивавшее стабильность в стране, по мере углубления модернизации все более приближалось, по выражению автора, к своему отрицанию. В южнокорейском обществе, вступившем в фазу научно-индустриального развития, произошли кардинальные изменения в социальной структуре. Резко возросла численность людей, овладевших индустриальной культурой, возникли новые социокультурные и функциональные группы, а также и новые формы социальных связей. Авторитаризм все более воспринимался массовым политическим сознанием как тормоз нормального общественного развития, а существовавшие формы политической жизни - как изжившие себя. В демократическое движение, авангардом которого стали интеллигенция и студенты, включались различные слои населения, в том числе, и рабочий класс.

Модернизация оказывала влияние и на состояние правящей элиты. В ней отчетливо выявились сторонники отхода от волевых, жестких приемов правления, проведения определенной децентрализации власти, более четкого разделения компетенции между различными ветвями власти и т.д. Эта часть правящей элиты стала "ощущать связь капитализма и демократии" (с. 129) и была склонна к мирной, демократическим путем оформленной передаче власти и "возвращению армии в казармы". Происходившие с начала 80-х годов антиправительственные вы-

ступления особого размаха достигли в 1986 и 1987 гг. Участники манифестаций требовали конституционных реформ, изменения порядка избрания высших органов власти, введения правовых гарантий граждан и т.д.

Конкретные шаги США в этот период, по мнению автора, способствовали мирной эволюции южнокорейского политического режима. В письме Р. Рейгана к президенту Чон Ду Хвану (июнь 1987 г.) и в заявлении государственного департамента содержались обращения к южнокорейским властям отказать от применения силы против оппозиции, освободить политических заключенных и т.д. 1 июля 1987 г. Чон Ду Хван объявил о своем согласии на проведение политических реформ, а на референдуме в октябре была принята новая конституция. В референдуме приняло участие первое молодое поколение, "овладевшее мышлением буржуазного общества", отвергнувшее господство авторитарно-бюрократической системы и связавшее свои надежды с утверждением демократии (с. 130).

Детально проанализированный в книге новый основной закон охарактеризован как вполне демократический. Он предусматривал прямые выборы президента, существенное ограничение его полномочий и расширение прав законодательной власти, гарантии прав и свобод граждан. Но самым примечательным положением новой конституции была трактовка компетенции вооруженных сил. В ней содержалось прямое указание на недопустимость вмешательства армии в политическую жизнь. Тем самым подвиглась черта под целым этапом общественного развития, в течение которого военные во многом определяли характер и сущность политического режима (с. 138). После принятия конституции правительство и руководство правящей партии (Демократической партии справедливости) заявили о своей приверженности курсу демократических перемен и своем намерении добиться справедливого политического устройства, не допустив хаоса в экономической и социальной сферах. Все претенденты на президентский пост во время предвыборной кампании в конце 1987 г. заявляли о своем намерении в сжатые сроки превратить Южную Корею в демократическую страну. Победу на выборах одержал кандидат от правящей партии, сподвижник Чон Ду Хвана, генерал в отставке Ро Дэ У. Его избрание свидетельствовало об успешной перестройке в рядах политической элиты в пользу нового

курса реформ, а также и о преемственности в высших эшелонах власти.

Подводя итог перестройки политической системы, автор пишет, что южно-корейский вариант модернизации "свел воедино рынок и демократию". Но при этом была соблюдена своя последовательность: развитию представительной демократии предшествовало расширение экономической свободы (с. 164). В то же время он указывает, что центром существовавшей системы управления социально-экономическими процессами являлся административно-управленческий аппарат, а проправительственная партия являлась его придатком. Этот аппарат сохранился и после отхода от авторитаризма. Поэтому переход к истинно демократической форме правления займет немало времени как из-за живучести старой системы отношений и связей, так и из-за влияния на политическую сферу исторических традиций, в первую очередь, доминирующей в сознании многих людей идеи сильной государственности и ориентации на "сильную личность".

Но наряду с этим в результате модернизации в Южной Корее сложился многочисленный слой граждан, обладающих различными видами собственности, с присущими этому слою социальными ориентирами и нормами политического поведения. Этот слой становится базой гражданского общества, цивилизованных норм политической деятельности. Он заинтересован в социальной стабильности и может поставить заслон для деятельности радикальных политических течений (с. 165).

Подробно описывая политический кризис и смену власти на Филиппинах, автор отмечает, что в отличие от Южной Кореи, где в результате успешной модернизации авторитарный режим изжил себя, пришел к моменту "собственного отрицания", на Филиппинах падение режима Маркоса было обусловлено прежде всего провалом реформ, которые должны были привести к построению "нового общества". Кроме того, здесь разрыванию демократического движения способствовало то, что в стране с момента получения независимости (в 1946 г.) действовала парламентская система американского образца. И хотя демократические институты соседствовали с олигархическими структурами, определявшими лицо филиппинского общества, среди населения уже утвердились стереотипы определенного политического мышления, ориентированные на представительную форму правления.

Падению авторитарного режима способствовали в огромной мере католическая церковь и оппозиционные военные круги. Автор согласен с утверждением некоторых ученых, что роль католической церкви в этих событиях была определяющей. После президентских выборов в феврале 1986 г., на которых победителем был объявлен Маркос, католическая церковь открыто выступила против существовавшего режима. В папском послании церкви президентские выборы были охарактеризованы как "неслыханное мошенничество" и содержался призыв к гражданскому ненасильственному неповиновению. Одновременно против Маркоса выступила часть вооруженных сил во главе с Х.Энриле и Ф.Рамосом. В этот ответственный период военного противостояния исход борьбы в пользу оппозиции был решен народными массами ("народной властью"), которые по призыву кардинала Х.Сина выступили в защиту антиправительственной группировки войск. Маркос был вынужден оставить свой пост, а президентом была провозглашена К.Акино.

Как и в Южной Корее, самое непосредственное воздействие на процесс смены власти на Филиппинах оказали США, заинтересованные в поддержании надежной политической стабильности в этой союзнической стране. Вашингтон способствовал смене власти, убедив Маркоса в необходимости оставить свой пост и оказав открытую и скрытую поддержку мятежной военной группировке и сторонникам К.Акино. Принятая в феврале 1987 г. новая конституция возвращала страну к демократической форме правления и усиливала контроль гражданского правительства над вооруженными силами.

Описывая дальнейшую эволюцию политической системы на Филиппинах, автор отмечает, что шестилетний период правления К.Акино не привел к каким-либо глубоким переменам в экономике и социальной сфере. Это объяснялось тем, что при К.Акино борьба за "чистую" демократию часто велась в отрыве от накопившихся злободневных социальных проблем, от стратегии подлинного экономического обновления. Реальные сдвиги в ускорении модернизации произошли после того, как на пост президента республики в 1992 г. был избран генерал Фидель Рамос. Его правительству удалось укрепить государственные рычаги управления социально-экономическими процессами и обеспечить экономический рост. Оно также смогло повысить уровень внутренней

стабильности и, в частности, путем переговоров в основном решить повстанческую проблему.

Заслуживает отдельного упоминания и содержащийся в книге анализ особой роли армии в становлении и функционировании политических систем в рассматриваемых странах. Эта роль также была весьма различной и определялась как степенью реальной вовлеченности военных в политический процесс, так и легитимностью их участия в решении невоенных, несвойственных армии задач.

В Южной Корее военные крути, совершив в 1961 г. государственный переворот, открыто пришли к власти, сосредоточив в своих руках основные рычаги управления страной. Армия вторглась в политику как корпоративная организация со своими взглядами и планами относительно стратегического курса развития государства. Среди офицерского корпуса в начале 60-х годов сложилась замкнутая корпоративная организация - "Ханахве" ("Союз единения"), появление которой было связано с глубоким кризисом, переживаемым южнокорейским обществом. Члены организации выступали за "нравственное очищение" общества, всемерное укрепление государственных структур, обеспечение стабильности и порядка с тем, чтобы создать условия для ускоренного преодоления экономической отсталости. Офицеры, входившие в эту организацию, в последующем занимали важнейшие государственные и политические посты.

Нахождение военных у власти характеризовалось большинством ученых как бесконтрольное правление, ибо смена правящих группировок происходила не на основе партийно-парламентских методов, а в результате военных переворотов, когда один военный лидер сменял у власти другого. В то же время автор приводит и другие оценки деятельности военных кругов в связи с их заслугами в деле модернизации страны, ибо в пору их правления Южная Корея вошла в четверку азиатских "новых индустриальных стран" и демонстрировала на протяжении десятилетий образец динамичного экономического и социального развития. По мнению некоторых ученых, "за желаемый прогресс в экономике нужно было расплачиваться серьезными издержками в области

гражданских прав и свобод" (с. 63). Безболезненное "возвращение армии в казармы" говорило о том, что военная элита, находясь в центре происходивших перемен, осознала необходимость отхода военных от прямого участия в политике.

На Филиппинах армия никогда не брала власть в свои руки, так как военное командование безоговорочно признавало закрепленное в конституции первенство гражданской власти перед военной. К активному участию в политическом процессе военные крути были привлечены после введения в 1972 г. чрезвычайного положения. Армия становилась главной опорой режима Маркоса, планировавшего ужесточить методы правления и провести "сверху" необходимые реформы. В книге содержится социальная характеристика офицерского состава, показана борьба различных группировок внутри вооруженных сил и делается вывод, что в отличие от южнокорейской филиппинская армия не представляла из себя сплоченной корпоративной организации и не могла служить надежной опорой режиму Маркоса. К концу его правления в военной среде зрели заговоры с целью свержения правительства и приведения к власти военно-гражданской хунты. Группировки радикально настроенных офицеров (Движение за реформы вооруженных сил) активно выступали против правительства и после прихода к власти К.Акино. За время ее правления было предпринято шесть попыток государственного переворота, но все они заканчивались неудачей, так как не были поддержаны военным командованием и большей частью вооруженных сил. Организованного "возвращения в казармы" на Филиппинах не произошло, ибо отдельные мятежные армейские группы вплоть до середины 90-х годов вели антиправительственную борьбу, которая, однако, не представляла сколь-либо реальной угрозы для властей.

В заключение, отмечая сложность, непоследовательность, а иногда и противоречивость процесса перехода от авторитаризма к демократии, автор указывает на историческую необратимость происходящих перемен, на неуклонное укрепление в рассматриваемых странах основ гражданского общества и правового государства.

Н.Б.Нарбаев. Россия и Евразия: проблемы государственности. Вторая половина 19 - начало 20 века. М.: Наука, 1997. 288 с.

Проблемы российской государственности привлекали в прошлом и настоящем внимание отечественных и зарубежных исследователей. На рубеже 19 - 20 веков была разработана учеными евразийской школы концепция государственности, интерес к которой растет в связи с распадом СССР и возникновением СНГ. Сегодня, когда появилась необходимость осмыслить сложнейшие проблемы современности, представляется целесообразным обращение к теоретическому и практическому опыту государственного строительства в России реформенного периода.

Среди многих проблем, стоящих в настоящее время перед исследователями государственности, государственного управления, на передний план выступает изучение теории и практики проблем государственного управления России и пересмотр понятий типа: восточная - западная государственные системы, центр - окраины страны, высшие государственные институты - местное самоуправление, титульная нация государства - соседствующие с ней этносы.

Актуальность проблемы евразийства просматривается и в зарубежной историографии. Американским политологом Э.Бжезинским опубликована книга «Геостратегия для Евразии», фрагменты из которой опубликованы в российской прессе, из которой следует, что будущее России он видит как «Свободную конфедеративную Россию, состоящую из европейской России, Сибирской республики и Дальневосточной республики».

Для выработки современной геостратегии и геополитики, прогнозирования важно использование исторического наследия евразийцев, показавших, что исторически в Евразии важнейшей жизненной опорой может и должно быть Российское государство с сильной государственной системой управления, самостоятельной экономикой, сохраненными ценностями культуры и системы образования, сбалансированным отношением к полиэтничному и многоконфессиональному населению.

Монография Н.Б.Нарбаева открыва-

ется введением, в котором поставлены теоретические и методологические вопросы, связанные с проблематикой исследования.

Объемная глава посвящена источникам и историографии. Автор провел серьезную работу по поиску архивных источников и их критическому анализу. Большой корпус документов на русском, английском французском языках впервые введен в научный оборот. Особую ценность представляют источники из архивохранилищ России, Казахстана, Франции, США, в частности Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, Государственного архива Российской Федерации в Москве, Центрального государственного архива Республики Казахстан в Алматы, архивных хранилищ Колумбийского университета США в Нью-Йорке и Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне, Национальном архиве Франции в Париже.

Использованы также опубликованные источники по проблеме и книги, ставшие библиографической редкостью. Составление данных различных источников и тщательный анализ позволили автору отразить взаимосвязи императоров России, Государственного Совета, Правительствующего Сената и других высших государственных институтов страны Центральноевразийским регионом.

В главе «Восток-Запад - исторические судьбы государственности» автор говорит о Евразии как о значительном компоненте общемировой культурно-исторической системы. Для освещения проблемы евразийства автор использовал совокупность разнообразных материалов: переписку, мемуары, и многочисленные труды ученых-евразийцев. Эти материалы носят теоретически-концептуальный характер и раскрывают позиции евразийской школы по отношению к проблеме единой российской государственности. Привлекали также внимание автора материалы дискуссий и переписка евразийцев со своими оппонентами, не разделявшими позиций этого нового научного течения, в частности с Н.А.Бердяевым, А.А.Кизеветтером, П.Б.Струве и др.

Представляют интерес выводы автора о том, что евразийцами впервые был сформулирован тезис о существовании Евразии как цельного природно-геологического образования, самым прямым образом влияющего на процесс формирования государственности этносов и народов, когда-либо населявших или живущих сегодня на его пространствах. Новый вариант понятия Евразии, предложенный евразийцами, не имел ничего общего с классическим понятием Евразии как механическим соединением двух условных континентов - Европы и Азии. Они видели Евразию как Срединный континент в рамках российского государства пореформенного периода. Для Срединного континента они поставили вопрос о существовании особой единой государственности в его пределах.

Н.Б.Нарбаев сконцентрировал свое внимание на анализе процесса формирования единого евразийского государственного административно-правового и хозяйственного пространства страны как в целом, так и на конкретных материалах Центральноевразийского региона. Для пореформенного периода показано формирование единой системы управления, базировавшейся на общероссийской правовой основе. Автор считает, что на рубеже 19-20 веков произошло окончательное территориальное, административное и правовое оформление российско-евразийской государственности.

Каждая из глав монографии представляет самостоятельный интерес. В главе «Императоры России и формирование единой евразийской государственности» впервые в историографии освещены проблемы, раскрывающие многогранную роль императоров России в деле образования России - Евразии и ее ядра - территории Центральноевразийского региона. Акцент сделан на процессы формирования этого геостратегического центра в период правления императоров Александра II, Александра III, Николая II. Затрагиваются вопросы участия императоров в функционировании административного, хозяйственного и военного механизмов на востоке России, а также их законодательская деятельность.

В главе «Государственный совет России и Центральноевразийский регион» освещается роль важнейшего государственного института в системе высшего и центрального управления страной на ру-

беже 19-20 веков. Его широкие права и обязанности охватывали практически все вопросы, касавшиеся как всего государства, так и его отдельных частей. Госсовет принимал новые законы и создавал государственные учреждения по внутреннему управлению Востока и Запада страны, принимал новые, корректировал старые правовые акты, разрабатывал важные внутри - и внешнеполитические акции государства, решал вопросы финансирования государственных учреждений, утверждения штата чиновников. Автор убедительно показал, что многогранная деятельность Госсовета как высшего законодательного и контролирующего учреждения по вопросам государственного управления способствовала созданию единой евразийской государственности в России.

В главе «Правительствующий Сенат и Центральноевразийский регион» отмечена административная и правовая сфера его деятельности по управлению и контролю над губернскими, областными, уездными учреждениями запада и востока страны, показана трансформация его внутренней структуры на рубеже 19-20 веков, дан поименный состав сенаторов, в том числе курировавших Центральноевразийский регион, и анализ конкретных взаимосвязей департаментов Сената с исследуемыми территориями.

В пореформенный период в России под эгидой Сената происходила эволюция системы местного управления в регионах. Эти взаимосвязи осуществлялись посредством его частных указов и постановлений по управлению, составлявших в контексте фундаментальных законодательных актов. Параллельно с этим Сенат имел право проведения инспекций подведомственных ему территорий и вел прямой разбор всевозможных административных и судебных дел с мест в департаментах.

Необходимо отметить приведенные автором списки всех членов Госсовета и Правительствующего Сената на разных этапах его деятельности. Таким образом он как бы возвратил российской истории многие забытые блистательные имена.

В заключении исследования Н.Б.Нарбаев приходит к выводу о том, что на рубеже 19-20 веков система управления на востоке России, в частности в Центральноевразийском регионе по основным своим параметрам сблизились с управлени-

ем внутренними губерниями государства, завершая процесс формирования единого евразийского государственного управления страной. При этом четко просматривается специфика в управлении территориями с полиэтничным и многоконфессиональным населением. В частности, на примере Центральноевразийского региона на низовом уровне управления сохранялись традиционные элементы в организации национальных местных административных, судебных и конфессиональных структур. При этом все народы России на практике использовали свое право решать широкий спектр дел через верховные структуры государства.

На рубеже 19-20 веков, как утверждает автор, произошло окончательное территориальное и политическое оформление единой государственности России-Евразии. Затем в истории России последовал этап распада и дробления, но затем превалируют центристские процессы, побеждают объединительные тенденции в традиционной евразийской государственности. На рубеже 20-21 веков мы наблюдаем похожие процессы распада в бывшем СССР. Предыстория развития центростремительных и центристских процессов в Евразии говорит о неизбежности развития объединительных тенденций, приводящих к созданию единого централизованного государства в рамках Евразии, формы которого будут видоизменяться и определяться новыми историческими условиями.

Большим достоинством рецензируемой работы Н.Б.Нарбаева является то, что она вносит важную лепту в восстановление исторической правды, связанной с тем, что в России укрепление самодержавно-монархических, антидемократических традиций в государственном устройстве связано было не только с традициями Востока, но и Запада. То что Русь унаследовала татаро-монгольский тип государственности, власть которой проистекала не в результате согласия, компромиссов, уступок, т.е. толерантности, терпимости, а из конфликта и установления порядка путем насилия, уничтожения одной из противоборствующих сторон, это правда. Но, в то же время это только полуправда, ибо другая часть истины связана с западными традициями укрепления государственной власти в России за счет ограничения церковной власти и усиления секуляризации общества, его

светских тенденций. Здесь явно просматривается отход от евразийско-византийского сочетания в православии богомудрой и благочестивой двоицы - царя и патриарха. Никон, например, духовенство ставил выше светской власти, сравнивая власть патриаршую с солнцем, а царскую - с месяцем.

Петр I сделал решительный поворот: упразднив патриаршую власть, он тем самым узурпировал всю власть. Абсолютистские начала еще больше укрепились при Екатерине II за счет ослабления православной церкви - распространения вольтеррианства и просветительской философии с атеистической направленностью. «Эти учения были крайне враждебны религии, в частности православию», - пишет Н.Б.Нарбаев на стр. 102 со ссылкой на труды евразийца Г.В.Вернадского и на «Лекции по русской истории» С.Ф.Платонова. К сожалению эта часть истины все еще остается в тени. Тем не менее это не может отменить того факта, что Россия не избежала как восточного варварского деспотизма в управлении обществом, так и западного варварства или «варварской односторонности» (по терминологии К.Юнга), проявившейся в разрушении единого духовного начала, религиозных устоев народа, в расколе общества - на сословия, классы, группы, выясняющие отношения между собой варварскими способами - войнами, революциями и т.д.

Государственная власть в России укреплялась не только силой оружия, усилением бюрократического аппарата, но и деморализацией народа, его духа, сознания, а также разжиганием классовых, межэтнических противоречий и т.д. Потому субъектом истории оказался не народ, а государственная власть. И в этом глубокая трагедия России, густо замешанная на гремучей смеси варварства Востока и Запада.

Здесь можно сослаться на не очень известное высказывание В.Ленина о том, что Петр I преобразовал варварскую Россию варварскими методами. Ленинизм явился продолжением этой прозападной традиции. И одной из ценных сторон евразийства является уяснение сути большой трагедии России, ее апокалипсиса - мотива столь модного для русской культуры и философии.

Из упомянутой негативно-критической части евразийства логически вытекает его позитивная, более оптимистическая

часть - единение общества, прежде всего, власти и народа на основе восстановления во-первых, единства, целостности разрушенного духа, самого сознания народа, во-вторых, восстановления в своих правах народа как подлинного и потому единственного субъекта и творца истории. Актуальность обозначенной темы сегодня не требует обоснования.

И если теоретическую канву второй части рецензируемой монографии (последних двух глав) составило бы в качестве системообразующих компонентов так-

же соотношение власти и народа, то работа значительно выиграла бы. В двух последних главах содержится добротное описание механизма осуществления государственной власти в России 18 и 19 веков, ее высших звеньев - Госсвета и Сената, но без должного аналитически-обобщающего подхода. Потому трудно назвать их завершающими, ибо разница между первой и второй частями работы ощутима. Первые две главы выгодно отличаются по своей концептуальной насыщенности по сравнению с двумя последними.

© 1998

*Г.А.Югай,
академик РАН, профессор*

**Памяти
Ивана Васильевича Архипова
1907-1998**

28 февраля 1998 г. в Москве на 91-м году жизни скончался видный советский государственный деятель Иван Васильевич Архипов.

И.В.Архипов родился 1 мая 1907 г. в городе Калуге в семье рабочего. Его трудовой путь начался на заводе, где он работал станочником и одновременно учился на рабфаке, заочно закончил институт, стал специалистом-металлургом. В годы Великой Отечественной войны И.В.Архипов был назначен на пост первого заместителя наркома, затем министра цветной металлургии СССР. В 1950-1958 гг. он был главным экономическим советником премьера Госсовета КНР. По возвращении из Китая был назначен первым заместителем председателя ГКЭС СССР, затем первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Разносторонние знания И.В.Архипова, богатый жизненный опыт были отданы им развитию экономики нашей страны и ее внешнеэкономических связей.

Особое место в судьбе И.В.Архипова заняла работа в Китае, где он 8 лет неустанно занимался практическим осуществлением широкой программы экономического и научно-технического содействия Советского Союза Кигайской Народной Республике в создании базовых отраслей современной индустрии.

И.В.Архипов всегда был убежденным сторонником дружбы народов нашей страны с ее соседом на Востоке - великим Китаем и его народом. Он внес заметный вклад в дело полной нормализации отношений между СССР и КНР. На посту почетного председателя Общества российско-китайской дружбы он многое сделал для развития добрососедских связей между народами.

Его заслуги в развитии отношений сотрудничества между нашими странами высоко оценены правительством и общественностью КНР. В 50-е годы он был удостоен высших наград КНР, в 80-е годы стал почетным гражданином г.Далая, недавно в КНР вышла книга о его работе в Китае.

Заслуги И.В.Архипова были по достоинству отмечены высокими государственными наградами Родины - золотой звездой Героя труда, пятью орденами Ленина, другими орденами и медалями. Замечательные качества деятеля государственного масштаба в сочетании с простотой, душевным обаянием и личной скромностью снискали ему уважение и глубокие симпатии всех, кто его знал.

Председатель Правительства РФ В.С.Черномырдин от имени Правительства и себя лично выразив соболезнование родным и близким И.В.Архипова в связи с его кончиной, охарактеризовал его "как крупного государственного и общественного деятеля, делового и обаятельного человека". Премьер Государственного совета КНР Ли Пэн в своей телеграмме подчеркнул, что И.В.Архипов "внес драгоценный вклад в дело строительства Нового Китая", "проделал большую, позитивную

и эффективную работу для благоприятного развития отношений между двумя странами и дружбы народов из поколения в поколение”, и был удостоен почетного звания “Посол дружбы народов”.

Много добрых слов о И.В.Архипове было сказано в телеграммах руководителей различных государственных и общественных организаций, видных кигайских ветеранов, трудившихся вместе с ним, от деятелей науки и культуры России и КНР.

Иван Васильевич Архипов и его славные дела на благо родной страны навсегда останутся в нашей памяти.

Дирекция Института Дальнего Востока РАН,
Редакция и редколлегия журнала
“Проблемы Дальнего Востока”

Владимир Борисович Меньшиков
18.02.1933-4.02.1998

Скоропостижно скончался историк-китаевед, один из самых квалифицированных редакторов издательства “Восточная литература” В.Б.Меньшиков.

Владимир Борисович окончил в 1955 г. восточное отделение исторического факультета Московского университета, где изучал китайский язык и историю Китая. Почти два года он учительствовал в Амурской области и затем вернулся в Москву, готовился начать исследовательскую работу в Институте востоковедения Академии наук. Здесь в его жизни начался драматический период. Активный интерес к общественной жизни привел его в нелегальную организацию, ядром которой были молодые историки истфака МГУ, ставившие целью демократизацию политического режима, осуществление реформ в стране. Организация была раскрыта, квалифицирована как “антисоветская” и десять лет с 1957 по 1967 гг. В.Б.Меньшиков отбыл “от звонка до звонка” в мордовских лагерях. Он был реабилитирован только в 1989 г. “за отсутствием состава преступления”.

В октябре 1971 г. Владимир Борисович был принят в издательство “Восточная литература” и за 26 лет работы стал широко известен в кругах отечественных востоковедов как опытнейший редактор. Как специалисту, обладавшему разносторонними знаниями, ему доверялось научное редактирование наиболее сложных работ весьма широкого тематического диапазона - от трудов по истории экономики Китая до сочинений о Конфуции. Авторы, которым довелось работать с Владимиром Борисовичем с благодарностью вспоминают о его способности “войти” в тему, о благожелательных рекомендациях, способствовавших улучшению рукописи.

Редакторскую работу В.Б.Меньшиков успешно сочетал с исследовательской. Его публикации, в частности, по теоретическим проблемам социально-экономического строя традиционного китайского общества стали заметным шагом в развитии дискуссии по этой важной теме. Незадолго до кончины он в соавторстве с д.э.н. О.Е.Непольным подготовил к изданию книгу “Синтез в переходном обществе. Китай на грани эпох”.

Владимир Борисович был чутким и отзывчивым человеком, всегда был готов помочь и помогал друзьям и коллегам во всех делах, с которыми к нему обращались. Память о нем всегда будет жить в сердцах тех, кто его знал.

Вопрос о причинах резкого ухудшения советско-китайских отношений в 60-70-е годы до сих пор привлекает внимание специалистов-политологов и читателей, интересующихся вопросами внешней политики. Свою точку зрения по этому вопросу излагает А.А.Брежнев, советский дипломат, проработавший в Китае около двух десятилетий в самый трудный период советско-китайских отношений. Его воспоминания "Китай: тернистый путь к добрососедству" выходят в издательстве "Международные отношения".

По вопросам приобретения книги обращаться: 107078 Москва, Садовая-Спасская, 20. Издательство "Международные отношения". Тел. Отдела маркетинга (095) 975-30-09. Факс (095) 200-22-04, E-mail: Inrel@ir2860.msk.ru

Сдано в набор 10.02.98 г. Подписано к печати 16.03.98 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл.печ.л. 13,0. Усл. кр.-отт. 14,6 тыс. Уч.-издл. 15,0 Бум. л. 5,0
Тираж 1104 экз. Зак. 3362.

Оригинал-макет © 1998 г. Дмитрий Славинский

Отпечатано в ППП типография "Наука" Академиздатцентра РАН, 121000 Москва Г-99, Шубинский пер., 6.

Научный Совет РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая совместно с ИДВ РАН и Ассоциацией китаеведов РАН с 29 сентября по 1 октября 1998 г. проводят IX Международную научную конференцию "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы". Особое внимание организаторы конференции предполагают уделить теме: "Китай и АТР на пороге XXI века".

На конференции будут работать секции:

- Социально-экономические проблемы стран Восточной Азии и возможности интеграционных процессов в АТР.

- Международные отношения в АТР. Стратегическое партнерство России и КНР на рубеже веков.

- Особенности политических процессов в государствах Восточной Азии на рубеже XXI века. История и историография.

- Проблемы и перспективы межцивилизационных связей в условиях многополярности. Философия, культура и религия стран Восточной Азии.

В период работы конференции планируется провести углубленную научную дискуссию ("круглый стол") и обмен мнениями по наиболее острым проблемам международных отношений в АТР. На конференцию приглашены ведущие китаеведы России, стран СНГ, ученые из КНР, Кореи, Японии, США, Франции.

Оргкомитет просит сообщить тему доклада до 1 мая 1998 года. Тезисы докладов (не более 6700 знаков) просим направлять почтой по адресу: 117218, Москва, Нахимовский пр., 32, ИДВ РАН, по факсу или электронной почте с пометкой "Оргкомитет". Если Ваши тезисы будут присланы в Оргкомитет не позднее 15 мая, они будут опубликованы.

Тел. для справок: 1240302; 1240835. Факс: (095) 3107056.

E-Mail: ifes@cemi.rssi.ru